

ОЧЕРКИ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ
СТРАХОВАНИЯ
И ПЕРЕСТРАХОВАНИЯ

ТОМ 1

Александр Артамонов

**Очерки всемирной истории
страхования и перестрахования.
Том 1. История страхования и
перестрахования до 18-го века**

«БууксНонСтоп»

Артамонов А.

Очерки всемирной истории страхования и перестрахования.
Том 1. История страхования и перестрахования до 18-го века /
А. Артамонов — «БууксНонСтоп»,

ISBN 978-5-99-652073-2

Книга рассказывает об истории страхования и перестрахования, начиная с древнейших времен и до конца 20-го века. Она охватывает в общей сложности почти 20 стран, в том числе Италию, Великобританию, Германию, Францию, Нидерланды, США, Австрию, Швейцарию и Россию, которые оказали наиболее важное влияние на становление института страхования в мире и его эволюцию. Текст книги основан на огромном массиве документов, содержит многочисленные ссылки на работы сотен авторов. Книга будет интересна специалистам страхового дела, студентам экономических, финансовых и юридических ВУЗов, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей. The book tells about the history of insurance and reinsurance, from the ancient times to the end of the 20th century. It covers a total of almost 20 countries, including Italy, Great Britain, Germany, France, the Netherlands, the USA, Austria, Switzerland and Russia, which have had the most important influence on the formation of the insurance institution in the world and its evolution. The text of the book is based on a huge array of documents, contains numerous references to the works of hundreds of authors. The book will be of interest to insurance specialists, students of economic, financial and legal universities, as well as a wide range of readers interested in history.

ISBN 978-5-99-652073-2

© Артамонов А.
© БууксНонСтоп

Содержание

Предисловие	7
БЛАГОДАРНОСТИ	8
Раздел I. Защита от рисков до эпохи Возрождения	9
Глава 1. Защита от рисков в Древнем мире	9
Глава 2. Элементы страхования в античном мире и в Средние века	46
Раздел II. Страхование в период позднего Средневековья и раннего Возрождения	91
Глава 1. Элементы страхования в Средние века и начальный период Возрождения	91
Глава 2. Эволюция страхования в Средние века в ранний период Возрождения	123
Конец ознакомительного фрагмента.	136

**Александр Артамонов
Сергей Дедиков
Очерки всемирной истории
страхования и перестрахования
Том 1
История страхования и
перестрахования до 18-го века**

Друзьям, коллегам и всем тем, кто посвятил свою жизнь страхованию и перестрахованию

Предисловие

Истории страхования, собственно, как и перестрахования, посвящено достаточно много научных работ, трактатов, монографий, диссертаций и даже отдельных нормативных актов. При этом одни источники более достоверны и в них указаны конкретные даты, другие лишь упоминают год, третьи содержат приблизительную ссылку на временной период. Но от этого история развития страховой и перестраховочной отраслей не теряет актуальности и интереса, поскольку она развивалась параллельно истории возникновения и формирования государств, их торговых отношений, промышленности и культуры. Сегодня сложно претендовать на истину в отношении древности или Средних веков, но одно неопровержимо — история страхования, как и перестрахования, не только подвергалась влиянию общей истории развития человечества, но и сама оказывала и сегодня оказывает значительное воздействие на различные сферы жизни общества.

Как отмечал знаменитый церковный историк В. В. Болотов: «Обязанности историка сводятся к тому, чтобы: а) собрать, возможно, полный ряд свидетельств о прошедшем, б) устранить то, что в собранном материале не имеет признаков достоверности, в) целесообразно изложить достоверные сведения о прошедшем»¹. Более краткую рекомендацию для тех, кто посвятил себя историческим исследованиям, высказал в свое время президент Колледжа Св. Магдалены в Оксфорде Мартин Рут (Martin Joseph Routh): «*Always verify your references*» («Всегда проверяйте Ваши ссылки»)². Следуя этим постулатам, нам пришлось изучить большое количество, в первую очередь, зарубежной литературы, о чем свидетельствует объемный раздел библиографии. Определенную сложность представляли документы на древних языках, но от этого содержание книги видится более достоверным и, может быть, даже, более трепетным, при ознакомлении. Пришлось немало постараться, чтобы найти и устранить многочисленные расхождения в сведениях и датах, представленных различными авторами. Правда, не всегда это удалось сделать из-за отсутствия достоверных документальных свидетельств.

Знакомясь с историей страхования и перестрахования, читатель встретится с хорошо известными людьми или фактами, которые, казалось, не имеют никакого отношения к страхованию.

Целью данной книги является ознакомление читателей с основными этапами всемирной истории развития страхования и перестрахования до конца прошлого столетия. Современность более известна, а значит, более понятна. При этом авторы книги считают важным отметить, что история страхования не всех стран детально вошла в ее формат, и, главным образом, по причине незначительного (по мнению авторов) их влияния на ход развития всего страхования и перестрахования. Безусловно, существуют и авторские предпочтения.

Пусть читатель не удивляется некоторым смысловым повторам и периодическим возвращениям к одним и тем же историческим событиям, поскольку, несмотря на страновое или национальное развитие страхования и перестрахования, история многих стран либо зависела от успехов той или иной другой страны, либо переплеталась с ней в ходе политических, военных или торговых изменений и отношений. И наконец, читатели узнают немало, что напрямую не связано со страхованием или перестрахованием, но, тем не менее, как нам представляется, важно для понимания этих институтов и особенностей на том или ином этапе либо в конкретной стране.

---

¹ Болотов Василий Васильевич. Лекции по истории Древней Церкви. В 4-х томах. Т. 1. Раздел 1, § 3 «Работа историка».

² Relton Francis Boyer. An Account of the Fire Insurance Companies, Associations, Institutions, Projects and Schemes, established and projected in Great Britain and Ireland during the 17th and 18th Centuries, including the Sun Fire Office: Also of Charles Povey, The Projector of this Office, His Writings and Schemes, London, Swan Sonnenschein & Co., 1893. Preface, vi.

БЛАГОДАРНОСТИ

Во-первых, всем древним и современным авторам, всем организациям (архивам, музеям, страховым компаниям), которые указаны в Библиографии.

Во-вторых, следующим экспертам и специалистам своего дела:

[Фроловой Татьяне Игоревне], старшему преподавателю Кафедры иностранных языков Юридического факультета МГУ им. Ломоносова за перевод старофранцузских и современных французских текстов.

Блаугину Дмитрию Юрьевичу, Генеральному директору «СКОР ПО» за материалы по истории страхования и перестрахования во Франции.

Зайцеву Сергею, Генеральному менеджеру, и Герассименко Александру, Главному андеррайтеру, Ганноверского перестраховочного общества (Hannover Re), Никел Анне (Anja Nickel), старшему юристконсультанту (все — сотрудники Ганноверского перестраховочного общества (Hannover Re) и Франку Тирольфу (Frank Thyrolf), бывшему старшему менеджеру по международным связям Германского союза страховщиков (GDV — Gesamtverband der Deutschen Versicherungswirtschaft e. V.) за материалы об истории страхования и перестрахования в Германии, ГДР и, в частности, о Ганноверском перестраховочном обществе.

Иванову Игорю Евгеньевичу, Заместителю Генерального директора САО «РЕСО-Гарантия» за материалы об истории страхового общества.

Шишкину Дмитрию Сергеевичу, Начальнику Управления страхования ответственности ОСАО «Ингосстрах» за материалы об истории страхового общества.

Раздел I. Защита от рисков до эпохи Возрождения

Глава 1. Защита от рисков в Древнем мире

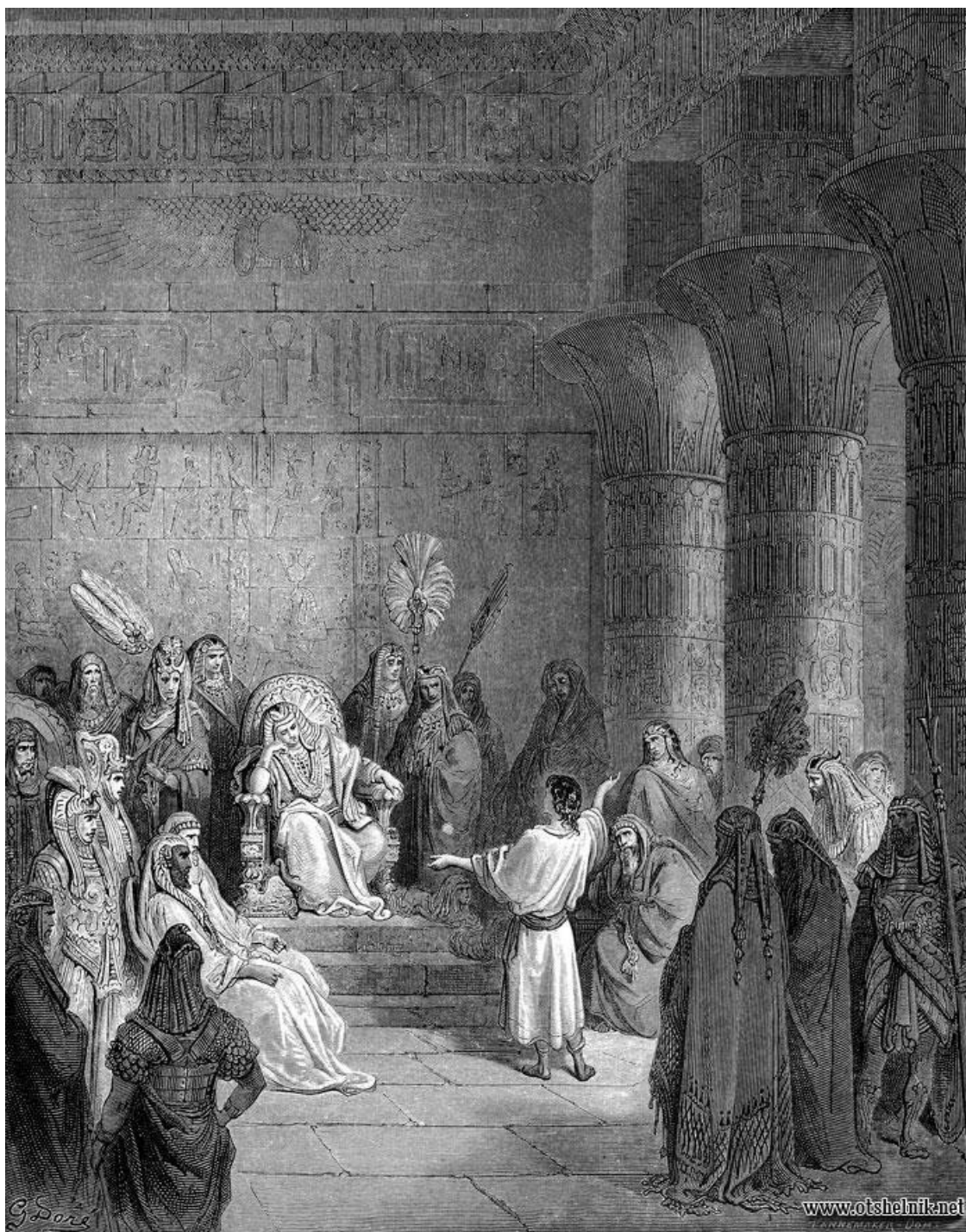
Истоки и самые ранние формы экономической защиты от рисков в древнем обществе. Прежде, чем начинать разговор о самом институте страхования, следует отметить исходное значение этого слова в русском языке. Скорее всего, в его основе лежит слово «страх». Страх перед природной стихией, которая может уничтожить посевы или имущество, страх перед разбойниками и грабителями, которые могут лишить этого имущества и, наконец, страх перед неизбежной, но возможно и преждевременной смертью. Страхование возникает в натуральном виде как защита от голода в отдельные периоды года (прежде всего зимой). Шаманы и первобытные люди сушили и замораживали пищу, делая запасы на черный день.

Первой, неосознанной защитной реакцией людей на негативные явления жизни было обращение к богам за помощью и спасением (молитвы, жертвоприношения и т. д.). Это были обращения к богам об умножении богатства, о сохранении урожая, об охране имущества и жизни торговцев в пути и т. д.

По мере накопления исторического опыта религиозные формы защитных реакций стали дополняться экономическими. Для ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф люди стали создавать общинные запасы (пища, вода, семена и т. д.). Некоторые теологи усматривают основы страхования даже в библейском сюжете о семи тучных и семи тощих коровах, т. е. о сне фараона. В самом общем виде идея простая — в тучные годы надо делать запасы на годы голодные³.

---

³ Первая книга Моисеева. Бытие. Иосиф толкует сон фараона 41:14 «И послал фараон и позвал Иосифа. И поспешно вывели его из темницы. Он остригся и переменял одежду свою и пришел к фараону. 41:15 Фараон сказал Иосифу: мне снился сон, и нет никого, кто бы истолковал его, а о тебе я слышал, что ты умеешь толковать сны. 41:16 И отвечал Иосиф фараону, говоря: это не мое; Бог даст ответ во благо фараону. 41:17 И сказал фараон Иосифу: мне снилось: вот, стою я на берегу реки; 41:18 и вот, вышли из реки семь коров тучных плотью и хороших видом и паслись в тростнике; 41:19 но вот, после них вышли семь коров других, худых, очень дурных видом и тощих плотью: я не видывал во всей земле Египетской таких худых, как они; 41:20 и съели тощие и худые коровы прежних семь коров тучных; 41:21 и вошли [тучные] в утробу их, но не приметно было, что они вошли в утробу их: они были так же худы видом, как и сначала. И я проснулся. 41:22 [Потом] снилось мне: вот, на одном стебле поднялись семь колосьев полных и хороших; 41:23 но вот, после них выросло семь колосьев тонких, тощих и иссушенных восточным ветром; 41:24 и пожрали тощие колосья семь колосьев хороших. Я рассказал это волхвам, но никто не изъяснил мне». Истолковав сон фараона, Иосиф предложил ему делать запасы на семь тощих лет (Библия или Священные книги Ветхого и Нового завета. Русский перевод, исполненный Святейшим Правительствующим Синодом. Т. 1. Ветхий завет. Ч. 1. Глава XLI. С. — П., М., 1876. С. 49).

Иосиф истолковывает сны фараону.

Худ. Поль Густав Доре. Англия, Лондон, 1866 г.

Библейская история об Иосифе, истолковавшем сны фараона, иллюстрирует принципы, по которым организовывались и использовались эти запасы. Это выглядит, своего рода, страхованием от дальнейшего неурожая. Со временем в обществе постепенно укреплялось понимание того, что страхование является чрезвычайно целесообразным способом сохранения материального благополучия: оно приходит на помощь именно в таких случаях, когда наступление неблагоприятных событий, сопровождающихся убытками, угрожает материальному благополучию и требует известной компенсации.

Самой ранней формой страхования, безусловно, было морское страхование по причине того, что, перевозки людей и грузов по воде были многократно дешевле транспортировки пассажиров и имущества по суше, а убытки, возникавшие из-за морских опасностей, носили впечатляющий характер для только зарождающегося торгового сословия. Идея морского страхования, должно быть, существовала в зачаточной форме на протяжении многих веков, очень и очень медленно, приобретая знакомые очертания того, что сейчас именуется страхованием. Судя по всему, страхование от морских опасностей было известно городам Леванта⁴ уже в 900-700-х годах до нашей эры.

Морские грузоперевозки всегда представляли собой значительный финансовый риск. Морские суда весьма дороги в строительстве и эксплуатации, а перевозимые на них грузы являются кумуляцией финансового риска, при этом погодные опасности и пиратство, как правило, находятся вне контроля человека. Чтобы не держать риск на себе, имеет смысл передать его полностью или частично другому.

Мореплаватели и торговцы всегда старались хоть как-то снизить риски, связанные с дальними путешествиями. Однажды римский полководец Помпей Великий, пытаясь заставить своих соратников отправиться в морское путешествие в шторм, сказал: «Плыть необходимо, жить не так уж необходимо». С похожими мыслями о смертельных опасностях, которые таила в себе водная стихия, в то время выходили из портов, вероятно, все мореплаватели. Риск потерять в путешествии судно, груз, а то и жизнь действительно был велик. Поэтому в том, что страхование появилось вскоре после самого мореплавания, нет ничего странного.

Инструменты распределения обязательств были открыты уже в глубокой древности. Согласно историческим записям где-то за 5000 лет до н. э. китайские крестьяне отправляли урожай своим покупателям на морских судах. Несомненно, были и катастрофы, при которых погибали и судно, и перевозимое на нем зерно. В этом случае крестьяне могли разориться. Тогда эти крестьяне, исходя из здравого смысла, осознали, что «нельзя класть все яйца в одну корзину», в нашем случае, на корабль. Поэтому они старались разместить свои грузы на нескольких судах с тем, чтобы, если затонет одно судно, семья потеряла только малую часть своего урожая⁵.

Предвестников страхования — как особого и поддающегося определению способа отношения или обращения с риском — можно также найти в истории Месопотамии (Двуречье). Наиболее развитыми государствами Двуречья в IV–III тысячелетиях до н. э. были Шумер, Ур и Ниппур. Для самых ранних форм страхования характерно то, что оно возникло как идея коллективной взаимопомощи. Наиболее примитивной формой страхования было натуральное страхование, применявшееся в крестьянских общинах и ранних государствах. Специальные запасы зерна и других продуктов в общинных и государственных амбарах формировались путем объединения натуральных подушных взносов. За их счет, например, в неурожайный год оказывалась материальная помощь пострадавшим крестьянским хозяйствам.

Первые случаи организации деятельности, содержащей элементы страхования, были отмечены еще в Шумере в 4–3 тысячелетии до нашей эры. Шумеры вели активную торговлю со всеми частями мира, в том числе с Египтом, Финикией, Индией и Китаем. Для того, чтобы уменьшить потери от утраты грузов, шумеры изобрели систему договоров, согласно которым сторона, предоставлявшая капитал для торговца, соглашалась не взимать ссуду, если торговец утрачивал свой товар в случае похищения. За эту услугу торговец — заемщик платил более высокий ссудный процент. Таким образом, торговец снижал свои расходы при утрате товара.

---

⁴ Левант или испанский Восток — это район, который включает четыре средиземноморские провинции, входящие в исторические области Валенсия и Мурсия (кроме провинции Альбасете). Левант занимает лишь около 7 % испанской территории, однако здесь концентрируется более 12 % всего населения страны.

⁵ См., www.globelifeinsurance.com/article/History-of-Life-Insurance.

Вместе с тем, кредитор, собирая дополнительные взносы от многих торговцев, избегал убытка от потерь немногих своих клиентов.

Указанный вид соглашения между шумерскими кредиторами и торговцами стал известен финикийцам, грекам и индусам, и впоследствии был развит, в частности, в древнем Родосе. Именно там был написан закон, включавший в себя первые положения «выбрасывания груза за борт» или «общего среднего числа». Суть указанного положения сводилась к тому, что если возникала необходимость выбросить товары за борт, чтобы облегчить и тем самым спасти судно, то возмещение потерь осуществлялось за счет общего фонда, созданного из отчислений торговцев, осуществляющих перевозку своих грузов морем. Закон острова Родос мы еще рассмотрим отдельно. Как представляется, именно тогда и зародился принцип «разделения потерь», т. е. компенсирование потерь одного индивидуума за счет ресурсов многих лиц. В последующем указанный принцип нашел свое отражение в греческих законах или реформах Солона⁶, а также в раннем римском гражданском кодексе и в законах Византийской империи.

По мере развития человечества страхование начало приобретать новые формы. Так, в Древней Греции и Риме, принцип «разделения потерь» стал использоваться и в отношении человека. В частности, там стали создаваться «похоронные общества», которые из общего фонда финансировали затраты, связанные с похоронами умершего человека — члена такого общества.

Страхование имущества впервые стало популярным в Китае около 3000 лет до н. э. Купцы хотели иметь гарантию того, что они получают прибыль от продажи своих товаров за границей. Если судно погибало в море либо подвергалось нападению пиратов, страховой партнер мог компенсировать такой ущерб владельцам и судов, и грузов. Это было взаимовыгодное соглашение, поскольку купец не мог позволить себе возмещать утерянные товары или даже покупать судно, если не было кого-либо, кто мог инвестировать данное предприятие.

Для создания запасных страховых фондов в условиях рабовладения и феодализма со временем стало закономерным накопление денежных средств. Это был первоначальный некоммерческий тип страхования.

Документально подтверждены два периода развития первоначального страхования. Первый период связан с рабовладельческим обществом, второй — с феодальным.

Древнейшим законодательным сборником, дошедшим до нас из Месопотамии, считаются *Законы Шульги*. Шульга был сыном Ур-Наммы, основателя 3-й династии Ура. Эти законы сохранились в виде двух поврежденных обломков таблички: пролог и несколько предписаний. Найденный в начале 20-го столетия в древнем Ниппуре, данный памятник клинописного текста хранится в ниппурской коллекции стамбульского музея. Прочитаны Законы Шульги были в 1952 году известным шумерологом С. Н. Крамером. Ранее считалось, что этот первый дошедший до нас свод законов принадлежал {Ур-Намму}, основателю III династии Ура. С. Н. Крамер же в 1983 году установил, что автором их является не Ур-Намма, как это считалось прежде, а все-таки Шульга (2093–2046 гг. до н. э.). Мы приведем здесь несколько статей законов Шульги, которые нередко интерпретируются, как предусматривающие своего рода страхование на случай причинения вреда жизни или здоровью других людей:

«15. Если человек другому человеку оружием конечность повредил, он уплатит десять циклей серебра.

16. Если человек другому человеку сломал орудием кость, он уплатит одну мину серебра.

17. Если человек другому человеку ножом отрезал нос, он уплатит две трети мины серебра.

---

⁶ Солон — афинский политик, законодатель и поэт, один из «семи мудрецов» Древней Греции. Слова «семь мудрецов» ставят в кавычки, потому что этих мудрецов было больше; существовали различные списки мудрецов, но в каждом списке их было обязательно семь. Первый (самый ранний из дошедших до нас) список «семи мудрецов» приведен в диалоге Платона «Протагор».

18. Если пальцы ему он отрезал ..., за каждый палец он уплатит ... сиклей серебра.

19. Если зубы ему он выбил, он уплатит два сикля серебра (за каждый зуб)...»⁷.

На наш взгляд, это меры гражданско-правовой ответственности за причинение вреда жизни или здоровью другого человека. Здесь нет распределения риска, нет формирования страхового фонда и каких-либо иных признаков страхования.

Интересные факты о правилах, уже похожих на страхование людей, можно найти и в других источниках. Считается, что Ахеменианские цари (Персидская империя около 553–330 гг. до н. э.) были первыми, кто страховал своих людей и делал это официально, регистрируя процесс страхования в государственных нотариальных конторах. Страховая традиция повторялась каждый год в Навруз (праздник Нового года — начало Иранского Нового года); главы различных этнических групп, а также другие пожелавшие, подносили подарки царю. Самый важный подарок вручался во время специальной церемонии. Если он стоил более 10 000 дариков (*derrick* — ахеменианская золотая монета), тогда это подношение регистрировалось в специальной конторе, что было престижным для тех, кто вручал такие подарки. Подношения остальных оценивались наперсниками (доверенными лицами) царского двора. Затем эта оценка регистрировалась в специальных конторах. Целью регистрации было то, что, если лицо, которое вручало подарок, зарегистрированный двором, оказывалось в беде, царь и его двор оказывали ему помощь и защиту. Это выглядело как ранняя форма политического страхования, которая обязывала персидского царя в ответ защищать дарителей от возможного вреда. Защита царя распространялась и на иные случаи: строительство жилища, торжество по случаю бракосочетания детей⁸.

Бодмерея. Наиболее ранним способом защиты от рисков, нашедшим закрепление в нормах права, был договор бодмереи.

Бодмерея представляет собой договор, согласно которому судно и(или) груз, а также фрахт отдаются в залог за кредит, выданный на расходы, которые могут возникнуть во время его рейса, при условии, что, если оно достигнет своего места назначения, должник обязан будет вернуть сумму займа и уплатить согласованную премию, но, если судно будет утрачено, кредитор утрачивает право требования к заемщику как в отношении суммы займа, так и премии. Предметом залога могут быть судно, фрахт и груз. С учетом рисков заимодавца премия по бодмерее (иногда называемая процентом по бодмерейному займу), как правило, высокая, варьирующаяся, конечно, в зависимости от характера риска и сложности в получении денежных средств.

Бодмерея делится на два типа. Один, более ранний, тип имеет своим родоначальником *foenus nauticum* и задается целью снабдить владельца судна капиталом при отправлении груза в далекие страны. Этот тип применяется в романских законодательствах Франции, Италии, Испании. Второй тип выработался в северной Германии в средние века; он представляет займ с вещным обеспечением, имеющий целью помочь капитану, оказавшемуся в чужой стране в затруднении, чаще всего вследствие аварии, и без всяких средств.

Договоры морского займа использовались повсеместно задолго до страхования. В древности они относились исключительно к корпусу и киллю судна и поэтому назывались *Bomerie* от фламандского слова *Bome*, которое означало киль судна.

Краткая история становления договора бодмереи.

Вавилон. Предтечей договора бодмереи был договор займа, известный в Вавилоне. В конце III тысячелетия до н. э. в Месопотамии образовалось могущественное централизованное

---

⁷ www.podelise.ru/docs/index-26338859-11.html.

⁸ См. об этом подробнее Afshar, Mohammad Sadegh Nazmi, Insurance in Ancient Iran, Gardeshgary, Quarterly Magazine 4, № 12 (Spring 2002). P. 15.

Вавилонское царство (название «Вавилон» происходит от аккадских слов «Баб-илу» — «Врата Бога»), которое достигло наибольшего расцвета при царе Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.).

В то время Вавилон был одним из величайших городов на Земле, а Вавилонское царство с его миллионом подданных тоже было одним из самых больших. Эта территория охватывала большую часть Междуречья, в том числе почти весь современный Ирак и частично Иран и Сирию.

Около 3000 лет до н. э. жители Вавилона стали развивать систему займов, которые освобождали заемщика от возврата займа в случае гибели товара либо от предоставления иного обеспечения в счет займа при возникновении определенных инцидентов.

Согласно мнению английского историка Ч. Ф. Треннери (Charles Farley Trennery) «договор морского займа происходит от того, что в древности было известно как *Commenda of Islam* (досл. «исламское партнерство [поручительство]»), которое явилось развитием ранней формы торговли, практиковавшейся в долине Евфрата»⁹. Странной выглядит ссылка Ч. Ф. Треннери на «древность» исламских истоков торговли, поскольку сам ислам возник намного позднее, а именно в начале 7-го века н. э.!!!

Вавилоняне в древние времена (примерно с 4 000 до 3 000 лет до н. э.) производили изделия в объеме, который превышал их собственные потребности, и поэтому они были заинтересованы искать заграничные рынки сбыта. Кроме этого, Вавилон, испытывая в силу своего географического расположения нехватку строительных материалов, хлопка, шерсти, шелка, драгоценных камней, шкуры и т. д., т. е. всего того, что было важным для производства и строительства, был вынужден импортировать сырье из других мест и продавать свои товары все дальше от границ царства.

Сначала ремесленники и крупные сельскохозяйственные производители нанимали рабов или использовали своих работников для доставки товаров на короткие расстояния. Со временем они стали вступать в деловые отношения с так называемым *Darmatha* (своего рода разъездным торговцем, чаще всего, использовавшим для перевозки караваны) и снабжали его товарами (или деньгами), с помощью которых такой торговец мог осуществлять доставку груза. Этот торговец предоставлял в качестве обеспечения возврата займа самого себя, свою семью и имущество. Процент или бонус, который он возвращал, составлял либо половину его дохода, если эта половина превышала 100 % займа, а если не превышала, *Darmatha* возвращал минимум 100 % по займу. Процентная ставка в любом случае оставалась прежней, безотносительно длительности путешествия разъездного торговца. Очевидно, что такая форма соглашения работала хорошо во многих случаях, но при этом она не позволяла избежать больших неприятностей в отношении тех торговцев, которые теряли товар в результате нападения грабителей или в силу их собственной ошибки либо небрежности. Следствием этого было то, что многие из этих торговцев были не в состоянии выполнить взятые на себя обязательства, и, соответственно, они и члены их семей попадали в рабство к своим работодателям.

Поскольку такая ситуация людей не устраивала, различные заинтересованные стороны постепенно пришли к следующему компромиссу. Купец предоставлял товары разъездному торговцу, который в ответ давал купцу скрепленную печатью записку или опись, с указанием стоимости и т. д. товаров при условии согласованной гарантии и процентной ставки. При этом оговаривалось, что, если во время путешествия он будет ограблен при отсутствии вины с его стороны и наличии официального заявления, этот торговец должен был освобождаться от долга (как заемного капитала, так и процента на него).

Е. Низамов уточняет, что эта система иногда действовала следующим образом: владелец или арендатор судна брал у кредитора деньги на закупку товара или ремонт корабля (который

---

⁹ Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 5–6.

становился залогом), а затем отправлялся в рейс; по прибытии в порт назначения он продавал товар с некоторой прибылью, а вернувшись назад, возвращал заимодателю взятые деньги плюс проценты, которые были довольно высоки. Если же во время путешествия он неумышленно терял груз или судно, то все его обязательства перед кредитором автоматически прекращались¹⁰.

Это последнее условие серьезно отличало систему морских займов от займов, выдаваемых для иных нужд.

Если кредитор, к примеру, финансировал строительство домов, он тоже рассчитывал, что деньги к нему вернутся сторицей, но, если здания губил пожар, все равно не терял права требовать своего дохода. Морские займы выдавались на столь необычных условиях, вероятно, потому, что в те времена судьба судна зависела от погоды в большей степени, чем от выучки команды, а от неизбежных потерь кредиторы, как уже говорилось, защищали себя весьма высокими процентами. Однако в силу упомянутых особенностей морские займы оказались благодатной почвой для разного рода афер с утратой груза и кораблей.

Соответствующие споры, как правило, рассматривались в специально предназначенных для этого судах. Известно, что одно из таких дел в XIII веке до н. э. оказалось в суде древнего города Угарит, развалины которого располагаются на севере побережья Сирии. В роли обвиняемого выступал некто по имени Шукку. Он утверждал, что судно, на борту которого он находился, потерпело крушение, налетев на угаритскую пристань. Обвиняли же Шукку в том, что он намеренно задал кораблю неверный курс. Поводы для таких подозрений были. Шукку задумал отправиться на полуостров Малая Азия по торговым делам и взял на это деньги в долг у царя Угарита Аммистамру II — под его контролем осуществлялась вся городская торговля. По возвращении из морского странствия Шукку должен был вернуть кредит с премиальными царю, фактически застраховавшему его путешествие. Но у него не было на это средств, и, если бы судно осталось невредимым, он мог бы расплатиться с Аммистамру только одним способом — став его рабом. Капитан корабля и еще один член экипажа (видимо, царский соглядатай) поклялись, что ответственность за крушение лежит на Шукку, и тем самым обеспечили ему обвинительный приговор¹¹.

Кодекс Хаммурапи¹². Кодекс Хаммурапи, царя Вавилона, (иногда можно встретить и такие названия как «Свод законов Хаммурапи» или просто «Законы Хаммурапи» — прим. авторов), заложил основу институционализации или наделения законным статусом страхования.

---

¹⁰ Низамов Егор. Тактика морского разбоя//«Коммерсантъ Деньги», № 19 (774), 17 мая 2010 года.

¹¹ См. Низамов Егор. Тактика морского разбоя//«Коммерсантъ Деньги», № 19 (774), 17 мая 2010 года.

¹² Текст Законов Хаммурапи приведен, в частности, на www.bizkonsalt.ru Законы Хаммурапи.

Базальтовый столб с текстом «Законов Хаммурапи»

Как и другие законы древности, Кодекс Хаммурапи охватывал все сферы жизнедеятельности того времени, но что важно для нас, так это то, что он заложил, как считается, основы страхования.

Что касается договоров займа, следует обратиться к параграфам 100–107 Кодекса. При этом важно иметь в виду, что данный законодательный акт вводит разное правовое регулирование для займов, которые берутся для осуществления предпринимательских проектов (торговля и т. д.) и личных.

Ч. Ф. Треннери однозначно первый вид займа идентифицирует с бодмереей¹³. В этой связи важно уточнить, что все-таки Кодекс Хаммурапи договор морского займа как таковой не

---

¹³ См. Trennery C. F. *The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry*. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 53–59.

выделял, а просто на него, естественно, распространялись правила регулирования займа для целей торговли, если она осуществлялась морским путем. Применительно к такой торговой операции его положения привязывали займ к безопасности судна при условии, что если рейс завершится благополучно (когда это касалось грабежа), заемщик должен был вернуть займ с премией по ставке, оговоренной в договоре; но если судно погибало, «заимодавец» лишался права требовать возврата ему займа и соответствующей премии. Премия, начисляемая займодавцем, должна была быть достаточно существенной по сравнению с обычными займами, чтобы она могла покрывать не только сам ожидаемый убыток, но и обеспечивать проценты на вложенные деньги. Морские займы предоставлялись в тех случаях, когда было трудно определить и оценить вероятность наступления того или иного негативного события. Благодаря таким займам, люди, путешествующие в караванах, могли скооперироваться для оказания взаимной помощи в случаях ограбления и мародерства, и они договаривались о возмещении убытка каждого из них. Купцы вкладывали часть своего состояния в рискованную капиталь морского предприятия. В случае гибели судна, займ распределялся среди нескольких инвесторов, что представляло собой форму диверсификации риска.

Но перед тем, как остановиться на описании этих законов, следует дать понятие читателям о мерах веса, объема и т. п., которые существовали в те древние времена. Первые системы мер возникли в Древнем Египте и Вавилоне. В их основе были определенные параметры хлебного зерна — грана. Зерно было первым эталоном, поскольку работа на земле и долгие наблюдения позволили человеку сделать вывод о том, что зерна злаковых культур практически идентичны по весу и размеру.

В Древнем Шумере расчеты производились по весу в серебре или в мерах, где за основу был взят вес зерна ячменя. Малой мерой веса в Шумере был «шеум» или «ше», что означает зерно. Шеум весил примерно 0,046 г, а 180 шеумов составляли «сикль» или примерно 8,3 г. Это слово, иначе произносящееся как «шекель» часто встречается в Ветхом Завете. Шекель также известен и по Древней Месопотамии. 1 ка равнялся 0,8 л, а 1 гур = 252,6 л.

Законы Хаммурапи устанавливали размер ссудного процента: 33,3 % в случае ссуд хлебом и 20 % при ссудах серебром — закон 88: «Если тамкар («заимодавец» в лице купца или ростовщика, вкладывающего капитал в торгово-ростовщическую операцию — прим. авторов) дал зерно как процентный долг, то он может взять за один гур 1/5 зерна как проценты, если он дал серебро как процент, то за один сикль серебра он может взять 1/6 сикля и 5 ше как проценты». И далее в законе 89: «Если человек, взявший в долг под проценты, не имеет серебра для возвращения долга, а имеет только зерно, то, следуя царскому уставу, тамкар должен взять в качестве процента 100 ка на 1 гур одним зерном».

Установив такие предельные ставки, Хаммурапи следовал уже упомянутой практике, сложившейся в Месопотамии примерно за 3000 лет до н. э. Именно такие ставки держались со времен Древнего Шумера. Кредитор, взыскавший более высокий процент, терял все, что дал — закон 90: «Если тамкар откажется и превысит процент в 100 ка зерна на 1 гур или серебром 1/6 сикля и 6 ше на 1 сикль и взыщет повышенный процент, то он теряет все, что дал в долг». Также была определена мера ответственности кредитора за мошенничество при выдаче кредита и получении задолженности с процентами (обвес) — закон 94: «Если тамкар дал в долг под проценты зерно или серебро, и, когда он давал в долг, он дал серебро малой гирей и зерно малой мерой, а когда получил назад долг, он принял серебро большой гирей и зерно большой мерой, то этот тамкар теряет все, что он дал в долг».

К моменту создания Законов Хаммурапи международная торговля в Месопотамии имела уже тысячелетние традиции и четкие организационные формы, что и нашло своё отражение в тексте Законов.

В основном, торговые операции осуществлялись шамаллумами — торговыми агентами и тамкарами — крупными государственными служащими, находящимися, как правило, в мет-

рополиях. Хотя тамкар, по Законам Хаммурапи, и являлся чиновником, однако он мог выступать и как частный купец-предприниматель: т. к. Хаммурапи, подчинив тамкаров царскому хозяйству, тем не менее, не лишил их прежней сферы частной деятельности. Между тамкарами и шамаллумами отношения строились совсем иначе. Шамаллум был мелким странствующим торговцем, действовавшим отчасти на собственный страх и риск, но главным образом в качестве агента на службе у тамкара.

В соответствии с параграфом 100, если тамкар дал шамаллumu (а) серебро для продажи и покупки и послал его в торговое путешествие, а шамаллум в пути серебро тратил (б), то если там, куда он отправился, он получил прибыль, он должен сосчитать проценты на все серебро, сколько он взял, и дни его они должны сосчитать, а затем он должен уплатить своему тамкару (в).

Параграф 101 гласит, что, если там, куда он отправился, он не получил прибыли, то серебро, которое он взял, шамаллум должен удвоить и отдать тамкару (г).

Согласно параграфу 102 в случае, если тамкар дал серебро шамаллumu без процентов, а там, куда он направился, он понес убыток, то он должен вернуть тамкару только капитал.

В силу параграфа 103, если шамаллума при его продвижении в пути враг заставил отдать все, что он нес, то шамаллум должен произнести божественную клятву, и он свободен.

Параграф 104 (д) указывал, что, если тамкар дал шамаллumu для продажи зерно, шерсть, масло или всякое другое добро, то шамаллум должен сосчитать серебро и вернуть тамкару; шамаллум должен получить документ с печатью на серебро, которое он дал тамкару.

Это правило дополнялось следующим — если шамаллум был небрежен и не получил документ с печатью на серебро, которое он дал тамкару, то серебро без документа к счету не будет причислено (105).

Параграф 106 предусматривал повышенную ответственность за попытку обмана — если шамаллум взял у тамкара серебро, а затем спорит со своим тамкаром, то этот тамкар может перед богом и свидетелями уличить шамаллума во взятии серебра, и шамаллум должен отдать тамкару все серебро, сколько он взял, в трехкратном размере.

Параграф 107 вводил правила, согласно которому, если тамкар доверил шамаллumu, а шамаллум вернул своему тамкару все, что тамкар дал ему, но тамкар отрицал все, что шамаллум дал ему, то этот шамаллум может уличить тамкара перед богом и свидетелями, и тамкар, так как он со своим шамаллумом спорил, должен отдать шамаллumu все, что он получил от него, в шестикратном размере (е).

Краткие комментарии.

(а) Дословно «разносчик» — торговый агент тамкара. Тамкар вручает шамаллumu определенный капитал, который тот должен вернуть ему с процентами (см. закон 102). Смысл дела для самого шамаллума заключался исключительно в высокой доходности внешней торговли, которая позволяла ему нажать больше, чем сумма, предназначенная к возврату.

Отношения шамаллума и тамкара — договорные (параграфы 105–106).

(б) На путевые издержки.

(в) Т. е. шамаллум должен вернуть тамкару основной капитал, доверенный ему, отдельно сосчитать проценты, которые он должен был нажать по договоренности с тамкаром, из них возместить себе путевые расходы, подсчитанные согласно условному поденному расчету, а оставшуюся часть процентов отдать тому же тамкару.

(г) Законодатель, несомненно, исходил из того, что внешнеторговые операции сами по себе весьма прибыльны, а шамаллум взял на себя ответственность за получение процентов для тамкара.

Отсюда надо заключить, что обычно тамкар предоставлял шамаллumu капитал под проценты, и именно такие сделки регулируются в параграфах 100–101.

(д) Положения параграфа 104, в отличие от предыдущих, касаются ситуации, когда тамкар вручает шамаллumu не серебро, а товар; между тем возвращать ему нужно, естественно, серебро.

(е) Обратим внимание на то, что тамкар платит за обман шамаллума вдвое больше, чем шамаллум — за обман тамкара. Здесь Хаммурапи руководствуется, во-первых, принципом возрастания ответственности должностного лица по сравнению с ответственностью нанятого им лица частного (или его подчиненного) и общим стремлением защищать слабых перед лицом сильного.

И еще комментарии. Тамкар снабжал шамаллума либо деньгами, либо товарами, которые тот пускал в оборот. Текст параграфа 100 заставляет полагать, что вся прибыль торгового путешествия доставалась тамкару, а последний должен был оплатить шамаллumu «его дни», т. е., очевидно, расходы по путешествию, а также некоторое жалованье.

Участие в торговых операциях было выгодным делом. Однако оно было вместе с тем и очень рискованным делом, т. к. грабежи торговых людей на дорогах и среди бела дня случались достаточно часто. И не случайно в параграфе 103 предусмотрено снятие с шамаллума всякой ответственности, если он по пути сделался жертвой грабежа.

Если он был ограблен на той территории, куда простиралась власть вавилонского царя, то в действие вступали параграфы 23-если грабитель не был схвачен, то община и староста, на земле и территории, на которых было совершено ограбление, должны ему возместить все его пропавшее, и 24-если при этом человек был убит, то община и староста должны ответить 1 мину серебра его родным, и можно было надеяться на возмещение убытков за счет той общины, на территории которой произошел грабеж. Однако следует помнить многие торговые поездки заграничными, а о существовании каких-либо договоров между Вавилоном и соседними с ним державами о совместной борьбе с разбоем на дорогах пока ничего не известно.

«Важной чертой бодмереи было именно сочетание займа и страхования, т. е. сам по себе морской займ нельзя было рассматривать в качестве самостоятельного договора страхования. Вместе с тем, сочетание страхования и типичного морского займа не соответствовало понятию диверсификации, поскольку риск (гибель судна), рыночный риск (т. е. потеря в связи с изменением цен и т. п.) и предпринимательский риск требуют большого административного внимания со стороны инвесторов и ростовщиков. В то же время, заемщики могли застраховать свое предприятие только в комбинации с займом. Этот древний инструмент демонстрирует связь между финансированием и страхованием, т. е. привязку страхования к займу, что сегодня является повторяющейся темой договоров страхования и, в частности, так называемого микрострахования, т. е. страхования, часто предоставляемого вместе с займами лишь населению с низким доходом, а это обстоятельство не всегда до конца осознается и принимается в расчет. В наше время существуют аналогичные, но более сложные формы бодмереи, например, катастрофические бонды от природных катастроф, когда займ теряется в случае возникновения катастрофы, чья вероятность и масштаб с трудом поддаются оценке»¹⁴.

Гарантией со стороны торговца в ответ на то, что в некоторых случаях называлось займом, а не договором о сотрудничестве, а в других случаях займом с определенным пропорциональным участием в прибыли (*contingent profit-sharing*), изначально были его собственные товары или сырье, и, в конечном счете, он сам, его семья и все его имущество в городе и деревне, будь они в пути или на складе.

При определенных обстоятельствах процент, который должник обязан был уплатить за займ, мог быть уменьшен или, как упоминалось выше, он мог быть полностью отменен, если

---

¹⁴ Niekerk Johan Petrus van. The Development of the Principles of Insurance Law in the Netherlands From 1500 to 1800. Jura Legal and Academic Publishers, 2009 — Journal of the Washington Institute of China Studies, Spring 2011, Vol. 5, No. 3. P. 28.

торговец был ограблен во время путешествия. В случае такого ограбления торговец также освобождался от обязанности возвращать сумму займа.

Следует заметить, что сам риск ограничивался ущербом в результате вооруженного грабежа в пути, и не подлежали компенсации другие инциденты, погодные катаклизмы и т. д. Вероятно, это объяснялось тем, что на раннем этапе истории, на который и делается ссылка, торговля Вавилона являлась почти полностью наземной, и торговцы сами сопровождали караваны и заботились о товарах; что риск инцидента в отношении каравана был, но весьма незначительный; что такие инциденты носили частный характер, и лишь в редких ситуациях могли возникать убытки в отношении всей партии товара торговца, и поэтому такой риск не требовал значительных гарантий. С другой стороны, риск грабежа был весьма реальным и представлял собой повсеместную опасность. Существовала высокая вероятность того, что убыток будет означать «полную гибель» товаров.

Пример распределения риска можно найти и в Вавилонском Талмуде (Babylonian Talmud — устном обычае со времен вавилонского захвата Израиля и последующего насильственного переселения части евреев в Вавилон в 586 году до н. э. и до его окончательного составления как документа примерно в 500 году н. э.). Он предусматривал правила распределения убытка, если для спасения судна было необходимо выбросить груз за борт. Грузовладельцы могли соглашаться на то, что если судно погибло, можно использовать другое судно, если не будет доказана грубая небрежность. Наземные перевозки также прописывались в Талмуде. В качестве усиления и защиты индивидуальных торговцев и путешественников рекомендовался караван. Вавилонский Талмуд оговаривал процедуры распределения убытка на случай разбоя в отношении каравана. В Талмуде было также прописано, что если у одного из погонщиков падало животное, остальные обязаны передать ему взамен другого осла, но ни в коем случае не деньги. То есть еще тогда был заложен основополагающий принцип: страхование — это только защита от риска, и оно ни в коем случае не может служить обогащению¹⁵.

Финикийцы. Финикия с 1600 по 1000 годы до н. э. являлась крупнейшей морской державой Средиземноморья. В 1600 году до н. э. несколько городов, составлявших Финикию и уже осуществлявших большую по объему и независимую торговлю, в целях взаимопомощи, объединились в федерацию во главе с городом Сидоном. В то время на Финикию выпала историческая миссия стать связующим центром между тремя континентами (Европой, Африкой и Азией). Как отмечал известный французский египтолог Масперо (Maspero), «*Toutes les races du monde antique semblent s'être donné rendez-vous en Asie Mineure*» — «Кажется, что все расы древнего мира назначили друг другу встречу в Малой Азии»¹⁶.

Для того, чтобы развивать широкую торговлю, Финикия была вынуждена искать колонии и торговые базы для своих товаров в различных странах, прилегающих к Средиземному морю.

Финикийские корабли постоянно сновали между островами Эгейского моря. Сами финикийцы узнавали об обычаях и традициях других стран от вавилонян, с которыми они имели тесные торговые отношения, при этом последние считались великими сухопутными торговцами в Малой Азии, а финикийцы великими морскими торговцами и перевозчиками.

По этой же причине можно допустить, что договор займа финикийцев касался исключительно морских рисков. Помня о том, что Вавилон намного опережал любые страны древности в знаниях экономики, финансов и торговли в целом, разумно предположить, что финикийцы, которые были вторыми после вавилонян в торговых операциях, следили за всеми новациями в торговле, как и индийцы. При этом можно допустить, у финикийцев был свой договор бод-мереи

---

¹⁵ См. Rodkinson Michael Levi. New Edition of the Babylonian Talmud, Section Jurisprudence (Damages), Vol. III (XI) Tract Baba Kama, New York: New Talmud Publishing Company, 1900. P. 267.

¹⁶ Maspero Gaston Camille Charles. Histoire ancienne des peuples de l'Orient Classique. Paris, Librairie Hachette, 1876, Vol. 1. P. 141.

Индийцы. Торговые обычаи одной страны не всегда оказывают влияние на другие страны. Однако существует еще одна ссылка на бодмерею, которая также признает заслугу вавилонян, а именно, наличие договора займа у индусов не позднее 600-го года до н. э. и, вероятнее всего, еще намного ранее. Известно, что значительная часть вавилонской торговли была связана с Индией, и, соответственно, индийские и вавилонские торговцы, должно быть, имели длительные торговые контакты. В течение ранней истории Вавилона, во времена, когда вавилонская цивилизация достигла своего зенита, занятия индийцев, согласно Ф. М. Мюллера, носили «патриархальный характер, а их основными профессиями были войны и обработка земли»¹⁷. Поэтому вполне вероятно, что их интерес к торговле проявился, в значительной степени, благодаря примеру вавилонян, и именно от них индусы постепенно узнавали о деловых обычаях, включая законы, касавшиеся займов, процентных ставок, торговых договоров и т. д., как они были описаны в кодексе Хаммурапи. Естественно, что эти законы изменялись и расширялись для удобства своего применения.

Ч. Пови пишет, что «практика страхования была общей в Индии на протяжении многих веков до этого времени (имеется в виду время создания Вавилонского Талмуда ориентировочно в конце 6-го века до н. э. — прим. авторов). В *Manava-dhar-masastra*, или Законах Ману, кстати, есть ссылка на хорошо известные издержки при перевозке товаров, которые должны были приниматься во внимание при установлении налога, присуждаемого торговцу. Оценив цены покупки и продажи, расстояние, расходы на продукты питания и приправы, нагрузка за организацию защиты (страхование) перевозимых товаров и нетто-прибыль от торговли позволяли Царю обязывать торговцев (соответственно) платить налоги. Санскритское слово, эквивалентное нашему «страхование» — «*yoga kshema*» (прибл. «благодать Божия») — очень древнее, которое можно найти в «*Rig-Veda*»¹⁸.

Позднее это слово использовалось как правовой термин, означавший «договор между двумя сторонами, согласно которому одна сторона обязуется охранять или застраховать какое-либо имущество или даже жизнь другого лица за определенное вознаграждение»¹⁹.

Основные положения договора займа у индусов были следующие:

Договор касался как морских, так и наземных перевозок.

Процент, вместо универсальных 100 %, во всех случаях, устанавливался со ссылкой на принятые риски и длительность срока, на который выдавались деньги.

Эта процентная ставка (или цена риска) определялась оценщиками, имевшими опыт в морских и/или наземных перевозках, которые могли правильно распределить соотношение ставки за срок и ставки за риски.

Процентная ставка указывалась в договоре.

Заемщик освобождался от возврата денежных средств не только в том случае, если у него украли товары, но и если товары доставлялись в ненадлежащем состоянии в место и время, согласованное сторонами договора.

---

¹⁷ Цит. по кн. Trennery C. F. *The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry*. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 9.

¹⁸ «Ригведа» (санскр. ऋग्वेद, *ṛgveda* ^{IAST}, «веда гимнов») — собрание преимущественно религиозных гимнов, первый известный памятник индийской литературы на ведийском языке. «Ригведа» входит в число четырёх индуистских религиозных текстов, известных как Веды. «Ригведа» была составлена, видимо, около 1700–1100 гг. до н. э. и является одним из древнейших индоарийских текстов и одним из древнейших религиозных текстов в мире. Самыми древними мандалами «Ригведы» считаются II–VII. Веками она сохранялась только в устной традиции и впервые записана была, вероятно, только в раннем Средневековье. «Ригведа» — наиболее древняя и значительная из Вед, ценный источник для изучения древнеиндийской истории и мифологии. В 2007 году ЮНЕСКО включило «Ригведу» в реестр «Память мира». См., Степанянц М. Т., Шохин В. К. *Индийская философия: энциклопедия*. М., 2009 г.

¹⁹ См., Relton Francis Boyer. *An Account of the Fire Insurance Companies, Associations, Institutions, Projects and Schemes, established and projected in Great Britain and Ireland during the 17th and 18th Centuries, including the Sun Fire Office: Also of Charles Povey, The Projector of this Office, His Writings and Schemes*, London, Swan Sonnenschein & Co., 1893. Chapter I, p. 3.

Имеется ссылка на такой договор в древнем санскритском правовом кодексе, известном как *Mánava Dharma Śāstra*, который указывает на тот факт, что договор был представлен индусам довольно рано, т. е. до 600 года до н. э. Похоже что индийцы были обязаны вавилонянам за данный договор, так как торговые отношения между двумя государствами носили важный и длительный характер. Индусы, будучи более молодой нацией, предпочитали развивать систему вавилонян далее, так как они, имея представление о фундаментальных идеях Вавилона, досрочного до создания целого кодекса, стремились изменить условия договоров с тем, чтобы привести их в большее соответствие своим требованиям.

Если предположить, что гипотеза о последующем развитии системы договоров морских займов со стороны индусов корректна, вероятность их связи с финикийцами высока, поскольку последние произвели улучшения в договоре после того, как получили его от вавилонян. Обоснованность такого предположения становится более очевидной при сравнении типичных профессий, торговых операций и т. д. арийцев с финикийцами. Ч. Ф. Треннери отмечал: «При таком сравнении обнаруживается, что финикийцы были более деловитыми, более склонными к длительным путешествиям и рискам, а также, будучи более космополитичными, вероятно, менее консервативными при внедрении новых положений в торговые договоры, нежели индийцы. Поэтому разумно предположить, что договор бодмереи в период его передачи грекам от финикийцев был, по меньшей мере, хорошо сформулированным и удобным для более продвинутых идей индийцев того времени (примерно 1000-800 годы до н. э.), и что в то время, насколько это касается финикийцев, договор достиг своего совершенства и занял позицию стабильного равновесия»²⁰.

Свидетельство того, что индийцы обладали более развитой формой договора бодмереи, содержится в кодексе Ману (*Mánava Dharma Śāstra*)²¹, в котором обнаружены две секции, касающиеся договора более развитого типа, чем это отражено в Кодексе Хаммурапи.

Временем составления Кодекса считается период между 200-ми годами до н. э. и 200-ми годами н. э., но, как утверждалось ранее, этот документ основывается на кодексе Ману, который датируется примерно 600 годом до н. э. Поэтому разумно предположить, что практика применения договора бодмереи в его развитой форме, похоже, датируется намного ранее 600 года до н. э. Два параграфа кодекса Ману, касающиеся процентов на займы по бодмерее, имеют номера 156 и 157 в Книге VIII и следующее содержание

«156. Согласившийся на вознаграждение [процент] за безопасную перевозку при точно согласованном месте и сроке [доставки], не получит такой процент, если товары не будут доставлены в указанное место и срок».

«157. Какую цену установят знающие морские путешествия и понимающие толк в месте, сроке и товаре, та в этом случае [и считается законной] при оплате».

Остров Родос. В период с 1000 по 600 годы до н. э. жители острова Родос активно развивали торговый флот, и вскоре они уже ходили на кораблях по всему Средиземноморью и организовывали торговые колонии вдоль западного побережья Италии, Франции и Испании.

Д. А. Парк отмечал: «Расположение и плодородие этого острова были удивительно благоприятными для целей мореплавания, поскольку он располагается в Средиземном море в нескольких лигах²² от континента Lesser Asia²³; и его могущество и богатство всегда воспевались поэтами и историками античности. Исходя из данных обстоятельств в совокупности с деятельностью и производством жителей, он долго удерживал требуемое ему превосходство; его обитатели были богаты, их единство настораживало, хотя с точки зрения политических

²⁰ Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 64.

²¹ Текст Кодекса Ману приведен, в частности, на www.advayta.org/f_545.pdf.

²² Морская лига примерно равнялась 3 милям или приблизительно 5,5 км.

²³ Lesser Asia или Asia Minor — устаревшее название Малой Азии или азиатской части Турции.

принципов остров соблюдал строгий нейтралитет. Несмотря на свою мирную позицию, что характерно для торговли, родосцы все-таки стали объектом зависти и подвергались наиболее яростным нападениям и осадам со стороны различных иностранных держав. Но во всех своих войнах они демонстрировали свою мощь и превосходство на море и вели свои сражения так энергично и умело, что вызывали восхищение у своих врагов и аплодисменты у тех историков, которые описывали войны, в которых они участвовали»²⁴.

Цицерон в своей речи о «*Manilian law*»²⁵ заметил, что они были людьми, чья морская мощь и дисциплина сохранялась до тех времен, пока он помнил.

Родос был сильным и независимым в мореплавании и торговле государством. На этом острове было возведено одно из семи чудес света — Колосс Родосский (статуя Гелиоса, ок. 292–280 до н. э.).

Одна из версий, как выглядел Колосс Родосский, потому что до сих пор не известно точное место его расположения и его изображение.

В дальнейшем значение острова Родос стало снижаться, однако, его жители получили признание за то, что первыми разработали правила морских перевозок, а также за распространение системы морского права.

Действительно, жители Родоса разработали правовые основы, позволявшие им разрешать возникавшие тогда споры в сфере морской торговли. Они представляли собой не только правила поведения для древних мореходов и купцов, но, как видно при внимательном рассмотрении, и являлись основой всего современного законодательства, касающегося торгового мореплавания.

---

²⁴ Park, James Allan. A System of Law of Marine Insurances, 6th Ed. London, A. Strahan 1809, Vol. 1, Introduction, V.

²⁵ Manilian Law или Lex Manilia (Law of Manilius) — Закон Манилия являлся законом Рима, принятым в 66 году до н. э. Инициатива закона была поддержана Цицероном в его речи De Imperio Cn. Pompei или о законе Манилия с целью добиться признания влияния Помпея в жизни Римской империи.

Сегодня трудно точно установить время составления этих правил, но разумно предположить, что это имело место в период, когда жители Родоса впервые получили независимость, т. е. в начале 900-х годов до н. э. или почти за 200 лет до основания Рима.

Эту систему морского права впоследствии стали называть «непостижимым *lex Rhodes*»²⁶ или просто «законом Родоса». Система морского права Родоса просуществовала достаточно долго. Она была воспринята сначала в Греции²⁷, а позднее принята и римлянами²⁸.

Система морского права острова включала в себя такую концепцию, как урегулирование убытков, которые возникли в отношении всех участников на базе «общей аварии», в связи с чем убыток одного делился среди нескольких.

Тогда же «общая авария» стала рассматриваться как торговый обычай, предусматривающий распределение расходов по спасанию всего морского предприятия между его участниками, т. е. судовладельцем, грузовладельцем и перевозчиком.

Основные правила сводились к следующему. Если товар выброшен за борт с целью облегчения судна, то убыток должен возмещаться всеми, поскольку это было сделано в интересах всех участников перевозки.

Если, несмотря на это, судно все-таки погибло, а товары других были спасены, то тот, кто чье имущество было выброшено за борт, имеет право на возмещение наравне с другими»;

Если судно погибло, либо мачта была потеряна во время шторма, пассажиры не должны участвовать в возмещении, если судно было спасено благодаря тому, что сами пассажиры обрубили мачту в целях сохранения собственных жизней. Если в целях облегчения судна товар был выброшен на борт и погиб, считается, что убыток должен быть урегулирован исходя из оценки стоимости имущества, которое сохранилось на судне. Однако, если погибло само судно, не должны приниматься в расчет спасенная шлюпка или товар, находящийся в ней. И, наконец, возмещение должно оцениваться с учетом выброшенного в море имущества и спасенного судна²⁹.

К сожалению, текст этого закона не найден. И сегодня сложно по имеющимся ссылкам понять, имели ли жители Родоса хотя бы малейшее представление о страховании. В то же время, в фрагментах Закона Родоса имеют место положения, касающиеся договора морского займа, и с которым жители острова были, безусловно, знакомы, и в любом источнике гражданского права договор «*de nautico fœnore, de usurâ maritimâ*» (досл. с лат. договор «морского займа, морских процентов») также занимает значительную часть.

Греки. Договор бодмереи, который был известен грекам во времена Демосфена (около 350 года до н. э.)³⁰, что является датой самой ранней ссылки, приобрел стабильную и достаточно сложную форму.

Вопрос происхождения греческого договора морского займа является предметом догадок и гипотез. Отсутствуют какие-либо ссылки на подобный договор в истории Греции вплоть до 4-го века до н. э., когда, как отмечал П. Бушер в 1806 году, такой договор был практически идентичен тому, который применялся в его времена во Франции³¹.

---

²⁶ Flower Harriet I. Cambridge Companion to the Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 175.

²⁷ См., например, Homanidis Lazaros Th. Economic History of Greece. Ed. Papazisis, 1990, Athens. P. 235.

²⁸ См., например, Scott, Samuel Parsons, The Civil Law: «Opinions of Paulus», Vol. I, Book II, Title 7 «On the lex Rhodia», Cincinnati, The Central Trust Co., 1932, reprinted in 1973 by AMS Press, p. 270.

²⁹ См. об этом также Scott Samuel Parsons. The Civil Law: «Opinions of Paulus», Vol. I, Book II, Title 7 «On the lex Rhodia». Cincinnati, The Central Trust Co., 1932, reprinted in 1973 by AMS Press. P. 268; Zimmerman Reinhard. The Law of Obligations. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 407.

³⁰ Демосфен — афинский оратор и политический деятель (примерно 382–322 годы до н. э.).

³¹ См. Boucher Pierre V. Histoire de l'usure, chez les Egyptiens, les Juifs, les Grecs, les Romains, nos ancêtres et les Chinois, et considération sur les ravages qu'elle exerce actuellement en France dans laquelle l'auteur présente les moyens propres à la réprimer; prouve que l'édit de 1770, qui fixe l'intérêt de l'argent à 5 pour 100, est encore en pleine vigueur, et donne une explication des articles 1153 et 1907 du Code Napoléon, relatifs au prêt à intérêt. 12°. Paris, 1806.

По-мнению Ч. Ф. Треннери, «поскольку такая сложная договорная система могла стать результатом длительного исторического развития, она, едва ли, происходила из Греции, особенно, учитывая то, что право было неблагоприятно к должникам до времен Солона (примерно 590-й год до н. э.), который в своих законах не одобрял и препятствовал заморской торговле. Поэтому, вероятней всего, греки узнавали о договорах морского займа из некоторых внешних источников. Вполне возможно, что это был тот же источник, из которого они черпали знания о математике, навигации, таблице мер и весов, монетной системе, алфавите и т. д., и по тому же каналу, а именно, из Вавилонии»³².

Возникает вопрос, каким образом и в какой степени эта ранняя форма договора займа вавилонян стала использоваться в Греции 1900 лет спустя, т. е. за 350 лет до н. э. Более того, если допустить, что греки получили о нем сведения от финикийцев напрямую либо через их поселение на острове Родос, которые, в свою очередь, приобрели знания о преимуществах данной системы от вавилонян, справедливо полагать, что классическая форма договора является прямым развитием договора, применяемого вавилонянами. При этом возникает вопрос о степени распространенности такого договора среди греков. Кроме того, важно понять, были ли условия этого договора идентичны тем, которые содержатся в Кодексе Хаммурапи или они были расширены и изменены с учетом требований торговли финикийцев? Есть предположение, что договор, если он был передан грекам финикийцами, был представлен в более гибкой форме, чем это обуславливалось законами, о которых ранее шла речь.

Бодмерейные займы были известны и очень активно применялись и карфагенянами³³, т. к. их государство было основано финикийцами. Несомненно, что карфагеняне внесли в этот договор определенные усовершенствованные условия. У древнегреческого историка Полибия (Polybius) есть ссылка на Второй договор, заключенный в 306 году до н. э. между Римом и Карфагеном, в котором было четко оговорено, что они не должны разрешать своим гражданам совершать пиратские действия по отношению друг к другу. Таким образом, греки должны были знать и тот договор бодмерей, который применялся в Карфагене.

Ясно, что по многим вопросам, особенно касающимся коммерции, морской торговли, финансов и т. д., Финикия и Карфаген делились с Грецией.

Греки также могли получить информацию о морском займе от жителей острова Родос, который был колонизирован и приобщен к цивилизации финикийцами.

Что касается вопроса о времени, когда греки могли познакомиться с договором бодмерей, то здесь следует отметить следующие моменты. Торговая экспансия Финикии на греческое побережье имело место в течение 10-го и 9-го веков до н. э., а в 9-м веке греки познакомились с таблицами мер и весов Финикии и Вавилона, которые они, вероятно, стали применять по мере привыкания к письменным договорам финикийцев.

Поэтому с большой степенью вероятности можно утверждать, что внедрение вавилонской и финикийской теорий и практик ведения финансов, *lex mercatoria* (торгового права) и т. д. происходило примерно в то же время, т. е. в течение 9-го века до н. э. Такой договор, как бодмерей, будучи интересным с точки зрения практического применения лишь для определенного класса торговцев, мог заинтересовать греков, но лишь в незначительной степени. Впоследствии развитие торговли и соответственно рост коммерческой активности греков, а также их верховенства в Эгейском море в 8-м и 7-и века до н. э. отменили доминирующее влияние финикийцев на греческие рынки, а греческие торговцы, в свою очередь, стали развивать заморскую торговлю и основывать рынки в Италии, на Сицилии и т. д.³⁴ Такой переход

---

³² Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 7.

³³ См., например, Gilbert James William. Lectures on the History and Principles of Ancient Commerce. London: Smith, Elder and Co., 31.12. 1847. P. 158.

³⁴ См., например, Bury John Bagnell. History of Greece for Beginners. London, MacMillan, 1900. P. 76–90.

торговли к грекам вызвал у них необходимость адаптировать те обычаи, которые стимулировали торговые операции. Поэтому весьма вероятно, что на раннем этапе греческой торговли ее торговцы, грузоотправители и т. п. заинтересованно стали использовать торговые обычаи своих восточных соседей. Однако по мере того, как греки становились все более осведомленными об этих обычаях, они, естественно, стремились усовершенствовать их для своих нужд.

То, что такое постепенное изменение договора длилось до 6-го века до н. э., вероятно, вытекает из того факта, что до принятия Кодекса Драконта (*Dracon's Code*)³⁵ (примерно 621 год до н. э.) отсутствовало либо носило слабый характер государственное регулирование действий частных лиц, и далее, что даже согласно этому кодексу правоотношения между должником и кредитором были весьма жестокими, в частности, несостоятельный должник находился в абсолютной власти кредитора.

Поскольку законы о договорах бодмереи были специально направлены на развитие торговли путем финансирования путешествующих торговцев и на снижение последствий внешних воздействий на заемщика, вполне очевидно, что существовал такой закон во времена Драконта, он бы выглядел неординарным на фоне других его законов. Порядка тридцати лет спустя в законах Солона, которые значительно улучшили положение должников, находим, что запрещался экспорт аттических или афинских продуктов, кроме масла. Такая мера, направленная на ограничение экспортной торговли Афин, ясно показывает, что законодательство того времени не способствовало развитию экстерриториальной торговли. Из этого можно сделать вывод о том, что коммерческое законодательство в то время содействовало смягчению положения низших классов общества. Соответственно, похоже, что законы, касавшиеся бодмереи, были приняты позднее. Очевидно и то, что примерно в это же время вопросы торговли стали привлекать внимание властей, поскольку есть свидетельства того, что в течение последующих двухсот лет торговля Афин росла быстрыми темпами, и в 4-м веке до н. э. были учреждены специальные трибуналы для быстрого разрешения торговых споров с тем, чтобы афинские торговцы не были ограничены в правах в результате судебных процессов. Право бодмереи также развилось до почти совершенной формы, что подтверждается тем фактом, что в речи Демосфена против Лакрита (*Lacritus*)³⁶ цитируется договор бодмереи. Афиняне применяли, за редким исключением, ту же конструкцию договора, которая дошла до наших дней.

Основными положениями, касавшимися выдачи займов греками, были следующие:

1) Соглашение, которое фактически являлось договором бодмереи, т. е. займа под залог судна или груза, содержало условия займа.

2) Гарантия составляла, как правило, не менее двойной стоимости выдаваемой суммы.

3) Срок займа.

4) Процентная ставка, которая варьировалась от 10 % до 12 % для заграничных рейсов в одну сторону и от 22,5 % до 30 % для рейсов в оба конца; в случае нарушения условий предусматривались штрафные ставки.

5) Рисками считались полная гибель капитала и процентов, если судно гибло или было захвачено на море; а также утрата части капитала и процентов в случае выброса части либо всего груза за борт или уплаты выкупа.

6) Присутствие представителя займодавца на борту судна.

---

³⁵ Драконт, Дракон (*Dracon*) — афинский законодатель, чьи крайне жесткие законы предусматривали только одно наказание — смерть, как за незначительные нарушения, так и за тяжкие преступления, совершенные в Афинах. Его имя стало нарицательным для суровых законов — «драконовские меры», «драконовы законы», «драконовский кодекс». Кодекс Драконта, который принято датировать 621 г. до н. э., не был первым записанным сводом афинских законов, но он, возможно, был первым всеобъемлющим кодексом или переработкой предыдущих законов. Позднее Солон отменил законы, созданные Драконтом, и издал новые, оставив лишь прежнее наказание за убийство.

³⁶ См. *Demosthenis Orationes* / Ed. Samuel Henry Butcher et William Rennie. Vol. I–IV. Oxford, 1903–1931; *Demosthenes. Private orations* / Ed. Augustus Taber Murray. Vol. I–VL Cambridge (Mass.); London, 1954–1984. Перевод Василия Васильевича Латышева из: ВДК 1947. 3. С. 237–238.

7) Обязанности заемщика — следовать наиболее коротким маршрутом; возврат займа кредитору или его представителю либо его уполномоченному лицу; уведомлять, если деньги были уже выданы на те же товары, поскольку такие действия считались мошенничеством как со стороны первого, так и второго кредиторов.

8) Полномочия капитана судна на получение займа.

Однако следует заметить, что хотя закон был в пользу займодавца, этот вид инвестиций считался чрезвычайно опасным, и до такой степени, что запрещалось в данном случае использовать деньги сирот.

На самом деле основные несоответствия возникли не от природы договора, а от разных методов фрахтования кораблей и перевозки товаров, применявшихся в 4-м веке до н. э. и в 19-м веке н. э.

Афинский договор бодмереи заключался с целью займа денег на случай частичной или полной утраты со стороны торговцев или грузоотправителей под высокую процентную ставку и под гарантию, но не стороны займодавца. Как правило, требовалась гарантия, которая составляла двойную стоимость ссужаемой суммы. Читаем Демосфена: «Прежде всего в договоре сказано, что они взяли у нас ссуду в тридцать мин под три тысячи амфор вина, как если бы залог оценивался еще в тридцать мин, так что стоимость вина, включая издержки, необходимо возникающие при его хранении, возросла бы до одного таланта серебром. А эти три тысячи амфор они обязаны были везти в Понт на двадцативесельном корабле, принадлежавшем Гиблесию. Так записано в договоре, граждане судьи, который вы слышали. Но эти люди из трех тысяч амфор не взяли на судно и пятисот, а вместо того, чтобы закупить вино, как им надлежало, они тратили деньги по своему усмотрению, о трех тысячах амфор у них и заботы не было, и они вовсе не собирались, как им предписывает договор, грузить их на судно. А в доказательство того, что я говорю правду, возьми свидетельство у тех, кто был в плавании вместе с ними на том же корабле»³⁷.

Основными условиями, на которых выдавались такие займы, были следующие:

(1) Соглашения, которые в действительности являлись бодмерейными договорами или договорами морского займа под грузы (*respondentia*), содержавшие условия займа, должны были составляться кредиторами против предоставляемых им депозитов.

(2) Гарантия:

(а) судно и его оснастка.

(б) оснастка без судна.

(в) товары или грузы.

(г) судно и рабы на судне (т. е. судовая команда, состоявшая из рабов).

(д) деньги за фрахтование или проход через каналы.

(е) только мебельная обстановка на судне.

(ж) ценности, перевозимые не для продажи.

(з) в некоторых случаях все имущество заемщика, что отдельно оговаривалось в договоре.

(3) Срок займа:

(а) только на рейс в один конец.

(б) на рейс туда и обратно.

(в) только на рейс обратно. Подобные займы только на обратный рейс могли оформляться исключительно в отношении товаров, которые должны были доставляться в Афины, а не в какой-либо иной пункт назначения.

(г) на фиксированный период. Риск прекращался по истечении согласованного срока.

(4) Проценты:

---

³⁷ Demosthenes: contra Lacritus. См.: <http://simposium.ru/ru/node/768>.

(а) Расчет:

— за день или месяц;

— на определенную сумму за рейс в зависимости от пункта назначения, времени года, направления маршрута и т. д.

(б) Процентные ставки:

— за рейсы только в одном направлении — 10 %-12 %;

— за рейсы туда и обратно — 22.5 %— 30 %.

(в) Штрафные проценты:

— если заемщик не вернул весь займ плюс проценты в срок либо нарушил какое-либо условие договора;

— если судно следовало более опасным курсом, чем это было ранее согласовано либо опоздало с прибытием.

(5) «заимодавец»:

(а) Риски:

— полной утраты ссуженного капитала и процентов, если судно погибло вследствие природных катаклизмов либо было разрушено или захвачено пиратами, противником и т. д.

— утраты части капитала и процентов в случае вынужденного выбрасывания всего или части груза за борт или оплаты выкупа за груз лицам, захватившим судно.

(б) Полномочия:

— вправе направлять на судно своего представителя для обеспечения охраны его интересов и получать деньги в конце рейса в одну сторону, если займ выдавался только на рейс в один конец.

(б) Заемщик:

(а) Торговцы, обязательства и т. п.:

— обеспечивают движение судна в пункт назначения по согласованному курсу; в случае оговаривания альтернативного маршрута они обязаны оплатить более высокую процентную ставку;

— если займ выдается на рейс в одну сторону, деньги должны возвращаться заимодавцу, его помощнику либо его представителю на борту судна по прибытии в оговоренный пункт назначения;

— если займ выдается на рейс туда и обратно, деньги должны возвращаться заимодавцу либо его помощнику незамедлительно после возвращения судна;

— в определенных случаях в качестве залога может быть все имущество заемщика;

— допускается перевозка товаров со значительной стоимостью для покрытия займа;

— если товары, на которые ссужались деньги, были проданы, заемщик обязан заместить их товарами той же стоимости;

— товары не могут выгружаться в местах, где афиняне могут быть подвержены репрессиям;

— обязаны декларировать (уведомлять), если в отношении товаров уже ссужены деньги;

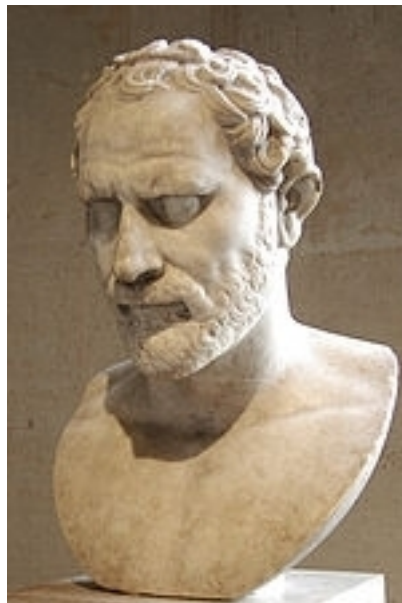
— нельзя оформлять второй залог на одни и те же товары, такие действия рассматриваются в качестве мошенничества как по отношению к первому, так и второму залогам.

(б) Капитан судна:

Вправе оформлять договор бодмереи под залог судна и груза на нем при условии, что он сам является собственником груза (фрахта) в размере не менее $\frac{1}{3}$.

Торговец, получивший ссуду, возвращал ее только при успешном завершении торгового путешествия, причем возвращал на 30 % больше, чем получал. Эти 30 %, являясь кредитной ставкой, включали в себя и прообраз страхового тарифа. Так кредитор защищал себя на случай

возможных убытков. А в одной из речей Демосфена против Формиона, который взял займ на морское путешествие, упоминается возврат 50 % по займу³⁸.

Бюст Демосфена

Много позже Демосфен в своей речи «XXXII Против Зенотемиса. Протест против незаконного возбуждения дела» рассказывал следующее о двух мошенниках Эгестратусе и Зенотемисе. Некоторые допускают, что эта речь принадлежит Демосфену, но, по мнению других, возможно, что это речь самого выступающего Демона, политического деятеля, который должен был быть оратором. Речь XXXII предположительно датируют временем около 340 г. до н. э. Поскольку сюжет довольно интересный, приводим краткое содержание речи:

«Некий торговец по имени Прот, взяв займы деньги у Демона, одного из родственников Демосфена, купил на эти деньги хлеб в Сиракузах и привез его в Афины на корабле, корабельщиком которого был Эгестратус. А Эгестратус и Зенотемис, против которого направлен этот протест, родом были массалийцы, и вот какое мошенничество совершили они в Сиракузах, как утверждает оратор. Они взяли займы деньги, но на них они на корабль ничего не погрузили, а тайком отослали их в Массалию (нынешний Марсель — прим. авторов), замыслив присвоить их у займодавцев. Поскольку же в обязательственном договоре было записано, что в случае гибели корабля с них не должны требовать этих денег, то они задумали потопить корабль. И вот ночью во время плавания Эгестратус, сойдя вниз, стал пробивать брешь в днище судна. Однако, застигнутый на месте преступления и спасаясь бегством от мореплавателей, он бросается в море и тут же погибает. Ну а Зенотемис, сообщник, как утверждает оратор, Эгестратуса, когда корабль все же благополучно дошел до Афин, стал оспаривать хлеб, говоря, что хлеб принадлежит Эгестратусу, а тот деньги взял займы у него. Но так как Прот и Демон воспротивились ему, он вчинил к тому и другому иски по торговым делам. И добившись заочного осуждения Прота, который не явился на суд по сговору с ним, как утверждает Демосфен, и был соучастником в его мошенничестве, он привлекает и Демона вторым к суду. А Демон подает протест против незаконного возбуждения дела, заявляет, что этот иск не подлежит принятию к судебному рассмотрению, ссылаясь на закон, предоставляющий торговцам иски при обязательственных договорах по курсу в Афины и по курсу из Афин, у Зенотемиса же, утверждает

---

³⁸ См. www.simpodium.ru/ru/node/782.

он, нет никакого обязательственного договора с ним. И хотя процесс по названию определяется как протест против незаконного возбуждения дела, однако речь произнесена так, как будто дело принято к прямому судебному рассмотрению по существу, — в ней говорится о том, что хлеб принадлежит не Зенотемису, а Проту, которому деньги дал займы Демон: он не хочет, чтобы казалось, будто он опирается только на букву закона, в действительности же не прав по существу дела, но показывает, что ему нечего бояться и прямого судебного рассмотрения дела по существу, а что сверх того закон предоставляет ему и право на протест против незаконного возбуждения дела»³⁹.

Несмотря на то, что такие истории были нередки, морские займы оставались популярными. Изрядный риск потерять вложенный капитал кредиторы компенсировали, требуя высокие проценты, размер которых никто не ограничивал. Величина премиальных зависела от разных обстоятельств — состояния судна, погодных условий, военной ситуации. В сохранившемся афинском контракте 340 года до н. э. говорится о выдаче ссуды на странствие по морю через пролив Босфор и уточняется, что проценты составят 225 драхм на 1000, но если плавание состоится после появления на небе звезды Арктур, то они будут 300 драхм на 1000. Поскольку звезда эта появляется в середине сентября, речь в контракте, видимо, идет о растущей опасности штормов в осенний период.

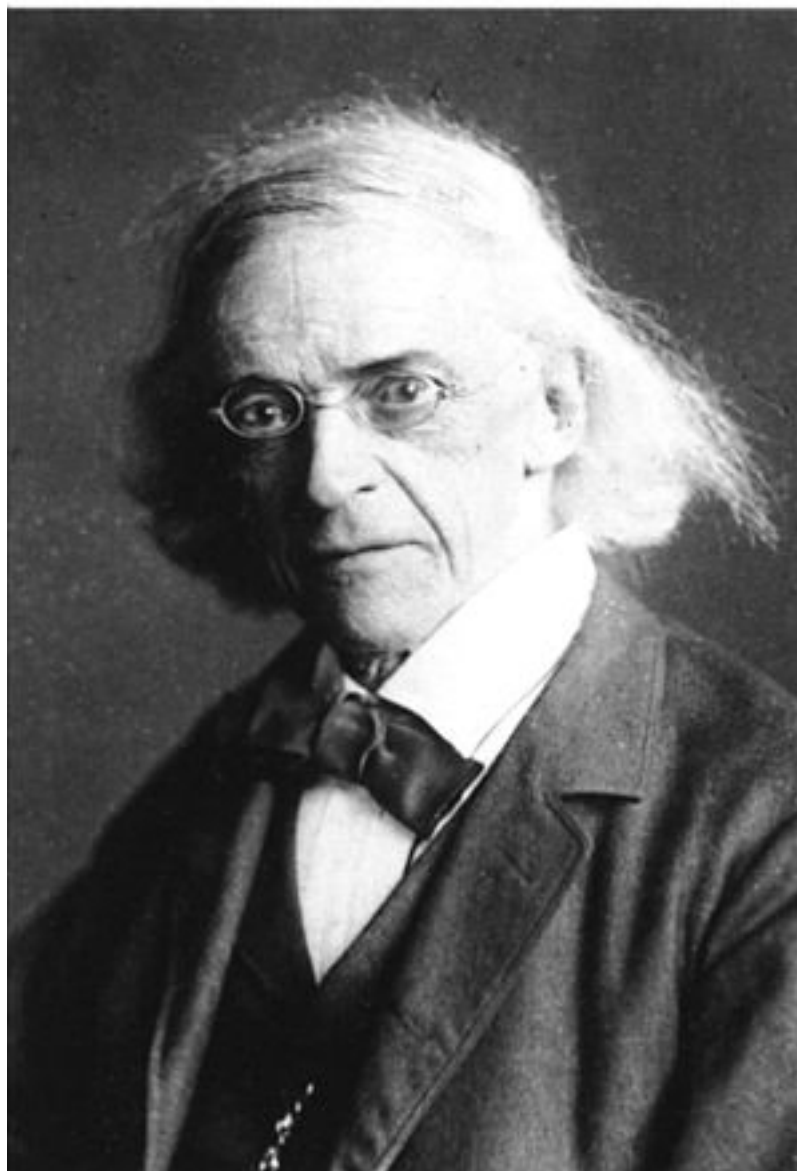
Существовали, правда, и иные, менее затратные способы страхования. Купцы, например, создавали своеобразные кассы взаимопомощи. При отправке товаров из одного порта в другой каждый пайщик вносил в общий страховой фонд свою долю и, если вдруг груз шел на дно или доставался грабителям, мог рассчитывать на частичную компенсацию из этого фонда. Такая практика была широко распространена в Древней Греции.

Однако вытеснить морские кредиты купеческому взаимному страхованию не удалось. И назначение определенной цены за риск перешло из греческого в римское право, которое также позволяло кредиторам назначать высокие проценты из-за большой роли случая в морских путешествиях.

Римляне. Римляне, в свою очередь, были обязаны грекам знанием о договоре морского займа не позднее 5-го века до н. э., когда Римская комиссия по праву побывала в Афинах. Как отмечал немецкий историк Т. Моммсен (Theodor Mommsen),

---

³⁹ www.symposium.ru/ru/node/9330.

Теодор Моммзен

язык и письменность Латиума⁴⁰ указывают, что ранняя латинская торговля касалась, почти исключительно обитателей греческих колоний того времени — Кумы и Сицилии⁴¹. Французский юрист Ж. — М. Пардессю в своей работе «Коллекция морских законов до 18-го века» предположил, что римляне обязаны своим знанием этой системы и других морских обычаев жителям Родоса, но, если допустить, что греки использовали эту систему в неразвитой форме в период, когда они основали свои торговые колонии в Южной Италии, вполне вероятно, что они передали свои знания римлянам⁴².

И эта вероятность подкрепляется тем фактом, что договор, который был известен римлянам, всегда был одним из займов *«pecunia trajectitia»* (досл. «деньги, ссужаемые под груз,

---

⁴⁰ Латиум (Latium) — район в центральной части западной Италии, где был основан город Рим.

⁴¹ Данный тезис приведен в кн. Trennery C. F. *The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry*. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 11.

⁴² Pardessus Jean-Marie. *Us et Coutumes de la Mer; ou, Collection des usages maritimes des peuples de l'antiquité et du moyen âge*. Paris, 1847. P. 135.

перевозимый морем»), другими словами, займом денег или товаров, приобретенных на них для использования в морской торговле.

Поскольку торговля римлян касалась, в первую очередь, наземных перевозок товаров, можно почти точно утверждать, что, если они применяли такую практику, то начали бы с договора, который, как и договор вавилонян, защищал бы от рисков наземных перевозок, а впоследствии римляне, возможно, перенесли эти риски и на морские перевозки. Законодательство римлян касательно договоров бодмереи практически было идентично греческому законодательству. Вкратце основное различие состояло в следующем:

1) Ограничение случаев, когда заимодавец отвечал за убыток (утрату).

2) Полное освобождение от ответственности заемщика, поскольку зачитывалось залоговое обеспечение, предоставляемое заемщиком, в случае гибели товаров под займ.

3) Невозможность заимодавца назначать *fœnus nauticum* (досл. «морской процент») по займу, если морской риск прекратился или морская перевозка благополучно завершилась.

Данный договор был весьма популярен среди римлян, поскольку он позволял состоятельным гражданам, которые не занимались торговлей, инвестировать свои деньги по высокой процентной ставке, и также предоставлял заемщику возможность увеличить его торговый капитал, и, в то же время застраховать себя от полной гибели имущества.

Многочисленные ссылки в римском гражданском праве, касавшиеся данного класса займов, датируются от 100-го года до н. э. до 300-го года н. э., но вполне понятно, что договор бодмереи был известен и применялся и ранее. В течение указанного времени не было законодательных ограничений на процентную ставку, поскольку ее размер определялся по договоренности сторон договора. Процентная ставка применялась и в Западной Римской империи (Western Roman Empire) и, очевидно, эта практика продолжалась и в более поздний период времени, поскольку в 11-м веке н. э. утверждалось, что по данному договору могла начисляться ставка до 50 %. Однако в Восточной Римской империи Юстиниан в апреле 529-го года н. э. ограничил процентную ставку до 1 % ежемесячно, что считалось слишком низким процентом, и впоследствии указанное ограничение было им же отменено в Новелле 106. Вскоре после этого, возможно, по настоянию церкви, ограничение до 1 % в месяц было снова введено в Новелле 11 °Свода римского гражданского права «*Corpus Iuris Civilis Romani*».

Сравнивая эту процентную ставку со ставками, которые назначались за страхование в 14-м веке н. э., можно заметить, что она была неадекватна степени риска, и, вероятно, поэтому те торговцы, которые использовали данный договор, открыли для себя некий метод страхования, который мог бы заменить договор морского займа. Если это так, то договоры морского займа стали применяться реже в качестве гарантий от потери капитала и постепенно замещались методами, более близкими к современному страхованию.

До конца 3-го века н. э. Сложно установить способ и время представления данного договора римлянам из-за неясных записей, сохранившихся о ранних периодах римской истории. Скорее всего, знания о договоре бодмереи были переданы римлянам либо их непосредственным предшественникам, латинам, греками, которые основали торговый город Кумы и торговые центры на острове Сицилия. Т. Моммзен утверждает, что язык и письменность Латиума (Latium — сегодняшний район Лацио на западе центральной Италии — прим. авторов) указывают на то, что ранняя торговля латинян осуществлялась почти исключительно жителями Кумы и сицилийцами⁴³, а Бэри уверенно полагает, что именно греческой колонии в Кумах жители Латиума обязаны знанием алфавита⁴⁴. Такие тесные и длительные связи с молодыми и прогрессивными греческими колониями привели к постепенному обучению латинских торговцев торговым обычаям более развитого народа. Поэтому, если торговцы из Кумы знали о дого-

---

⁴³ См. Mommsen Teodor. The History of Rome. Translated by W. P. Dickson. Vol. I. London, 1894. P. 258.

⁴⁴ См. Bury John Bagnell. History of Greece for Beginners. London, MacMillan, 1900. P. 77.

воре морского займа, вероятно, что они познакомили с ним латинян. Известно, что римляне имели такой обычай в более поздние годы, при этом можно с уверенностью утверждать, что он не имел римского происхождения, поскольку в этом случае положения договора касались бы не только наземных, но и морских перевозок. Как указывалось ранее, очень важно отметить ограничения в договоре, привнесенном в Европу финикийцами и развитыми в дальнейшем греками. Нет никаких принципиальных препятствий к тому, чтобы *fœnus nauticum* (морской процент) не мог быть *fœnus terrestre* (наземным процентом). Все дело в системе, которой обладали нации, применявшие процентные ставки исключительно для морской торговли. В случае с римлянами, если они изменили эту систему под себя, будучи (как это было в самый ранний период их истории) приверженцами в основном сухопутных перевозок, похоже, что естественным путем было бы изобретение системы, главным образом, удобной для наземной торговли (как это было сделано вавилонянами), и позднее перенести ее и на морские перевозки. Примечательно, что в каждом случае, в котором на эту систему ссылаются латинские авторы, процент называется «морским процентом», а ссужаемые деньги, как указывает Ч. Ф. Треннери, «*money sent over sea*» — дословно, «деньги, отправленные на море» или в целях морского путешествия⁴⁵.

Время введения договора бодмереи не может быть ранее, чем 8-й век до н. э., и, с учетом того, что для налаживания связей между греками и латинянами, а также для приобретения последними опыта требовалось достаточно времени, наиболее вероятно, что это произошло в течение 7-го или 6-го веков до н. э. Если это так, тогда все договоры подобного рода заключались без какого-либо правового разрешения, если иного не предусматривали частные правила торговых гильдий, поскольку в Законах 12-ти таблиц процент был строго ограничен 12 %, а ростовщичество подлежало наказанию. Но торговые гильдии имели право принимать свои собственные законы или правила, которые были обязательными для их членов, если такое частное законодательство не противоречило законам государства.

Цицерон заявлял: «Не будет другого права Рима, права Афин ни теперь, ни потом; для всех родов и во все времена будет существовать один равный закон»⁴⁶.

Вплоть до начала 6-го века н. э. законодательство римлян касательно их морских займов было практически идентично греческому законодательству. Однако, существуют несколько незначительных отличий, которые, похоже, говорят о том, что римский договор был несколько усовершенствован по сравнению с греческим, хотя, насколько эти различия реальны, судить сложно. Они могут быть просто связаны с упущениями греческих авторов. Основные положения, вкратце, следующие:

(а) В римском праве четко говорено, что заимодавец не несет ответственность за убыток, вызванный:

- обесцениванием товаров;
- не получением заемщиков прибыли в торговле, которую он осуществлял, используя заемные товары или капитал;
- конфискацией всех или части товаров, покрываемых договором, если такая конфискация вызвана нарушением (намеренно или по иным основаниям) норм права со стороны заемщика.

(б) Среди греков не было ничего необычного в том, что «заимодавец» мог потребовать другую обеспечительную гарантию в качестве возврата ссужаемой или авансируемой суммы. Это же было принято и у римлян, но при этом четко устанавливалось, что такая обеспечительная гарантия могла применяться только к «*the true loan part of the contract*» («реальной займо-

---

⁴⁵ Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 81.

⁴⁶ Цит. по кн. Weskett John. A Complete Digest of the Theory, Laws and Practice of Insurance. Frys, Couchman and Collier, London, 1781. P. 349.

вой части договора»), поскольку должник полностью освобождался от обязательств по договору, если товары или ссуженные деньги погибли либо были утрачены в результате инцидента, предусмотренного в уже упоминавшемся ранее договоре *pecunia trajectitiæ* (досл. «деньги, ссужаемые под груз, перевозимый морем»).

(в) Более важное отличие состоит в том, как может быть наказан заемщик, если он по истечении срока предоставленного займа после завершения рейса запоздает с возвратом капитала вместе с начисленными процентами. Греческий «заимодавец» мог разрешить займ под ту же процентную ставку, которая сохранялась в течение всего рейса либо мог возобновить займ по любой ставке, которую был готов заплатить заемщик. Ограничений по процентным ставкам, связанным с займами, не было. Однако римский «заимодавец» находился в совершенно другом положении. Как только рейс завершался, займ прекращал быть одним из *pecunia trajectitiæ*, и, соответственно, не предусматривался морской процент, в результате чего такой займ согласно гражданскому праву рассматривался в качестве простого займа, по которому процентная ставка была ограниченной. Поэтому римский «заимодавец» был вправе получить капитал плюс морской процент, который начислялся за рейс, плюс процентную ставку, выплачиваемую по займу на сумму, которая ссужалась как *pecunia trajectitiæ*, при условии, что проценты не могут превышать сумму заемного капитала. Вероятно, что проценты по обычной ставке оплачивались только от первоначально ссужаемой суммы, а не от этой суммы плюс морской процент, поскольку сложные проценты считались древними юристами как невыгодные и также запрещались Юстинианом⁴⁷. Поэтому теоретически заемщика не могли обязать платить немедленно под угрозой уплаты штрафной процентной ставки. Однако кредитор мог наказать заемщика другим способом, а именно, привлекая последнего для исполнения услуг в качестве раба.

(г) Согласно Афинскому праву, как уже отмечалось ранее, было запрещено использовать при оформлении морских займов деньги малолетних сирот. В римском же праве этот вопрос не оговаривается. В то же время, существовало правило, которое обуславливало, что несовершеннолетние не могут иметь долю в судне и т. д. без согласия своих опекунов.

Хотя в *Corpus Juris Civilis* не сохранились какие-либо более ранние подробные ссылки на практику использования морских займов в Риме, чем *Responsa* древнеримского юриста Сцеволы (Scaevola) (датируемой 100 г. до н. э.) в Дигесте XXII, о котором мы еще поговорим ниже, все же существует вероятность того, что обычай морского займа существовал давно и постоянно применялся римлянами намного раньше, чем это принято считать. Законы, касавшиеся договора морского займа, которые были собраны в Дигесты и Кодекс Юстиниана, не содержат какие-либо ссылки на наличие законодательства, за исключением, датирования Сцеволы (опять же примерно 100 лет до н. э.) и древнеримским географом Мелой Помпонием (Mela Pomponius — примерно 180 год н. э.). Это говорит о том, что практика основывалась на местных и торговых обычаях либо внутренних документах, и потому не требовала прямого законодательного регулирования либо являлась предметом законодательства, которое было принято школой юристов, работавших в период с 180 по 240 годы н. э. Это законодательство наряду с четырьмя конституциями императоров Диоклетиана (Diocletian) и Максимиана (Maximianus) примерно в 300-е годы н. э., все они представляют собой сохранившиеся источники до-Юстинианского права и состоят из следующего:

Digest, XXII (ii), De nautico fœnore (Морской процент), состоящий из девяти разделов следующего содержания:

Разделы 1 и 3 составлены древнеримским юристом и учеником Ульпиана Гереннием Модестином (Herennius Modestinus) приблизительно в 240 году н. э.

---

⁴⁷ См. Дигесты Юстиниана/www.gumer.info Дигесты Юстиниана — библиотека текстов античного права.

Раздел 2 принадлежит уже упоминавшемуся древнеримскому географу Меле Помпонию — примерно 175 год н. э.

Раздел 4 сформулирован древнеримским юристом Эмилием Папинианом (Aemilius Papinianus) примерно в 200 году н. э.

Раздел 5 принадлежит упоминавшемуся Сцеволе — приблизительно в 100 году до н. э.

Разделы 6 и 7 составлены древнеримским юристом Юлием Павлом Прудентиссимом (Julius Paulus Prudentissimus) (165) примерно в 230 году н. э.

Раздел 8 написан уже упоминавшимся Ульпианом (Gnaeus Domitius Annius Ulpianus — *Гней Домиций Анний Ульпиан*) приблизительно в 225 году н. э.

Раздел 9 сформулирован древнеримским юристом Марком Антистием Лабеоном (Marcus Antistius Labeo) примерно в 25 году до н. э.

Digest, XLV (i), 122 — составлен опять же Сцеволой приблизительно в 100 году до н. э.

Code of Justinian, IV (xxxiii), содержащий четыре конституции или закона, упоминавшихся выше императоров Диоклетиана и Максимиана примерно в 300-е годы н. э.

Через 100 лет после разделения Римской империи был опубликован Сборник Аниана (Breviary of Anianus), в котором обнаружено определение договора *pecunia trajectitia* и по которому легализована высокая процентная ставка. К этому времени практика договоров бодмереи, похоже, была одинаковой в обеих Римских империях и оставалась таковой до Юстиниана, императора Восточной Римской империи, который наложил определенные ограничения.

Западная Римская империя. Что касается договора, который был известен в Западной Римской империи, то обнаруживается лишь малое количество прямых свидетельств о нем, и, соответственно, возникает необходимость изучения косвенных доказательств.

Предположительно, договор бодмереи использовался относительно редко в более поздний период, потому что торговля Западной Римской империи была разрушена оккупациями варваров и, отсюда, опасениями за свои жизни и имущество, наряду с потребностью в надежной правовой системе, или сдерживалась от восстановления вследствие налагаемых ограничений и враждебности со стороны церкви.

Как известно, в конце 4-го века н. э. Западная Римская империя была завоевана варварами, что привело к отсутствию защиты жизни и имущества граждан и неисполнению законов. Такое положение вещей привело к полному прекращению деятельности существовавших коммерческих структур и разрыву связей. Тем не менее, такие негативные социальные последствия были относительно краткосрочными по времени. Жители продолжали придерживаться правовой и производственной систем, к которым они привыкли в качестве основ своего бизнеса и иных взаимоотношений. Постепенно интервенты, поскольку первичные страсти и эксцессы, сопровождавшие вторжение в страну, улеглись, стали осознавать, что степень комфорта и богатства, которые они могут получить от своей оккупации Италии, во многом зависели от коммерческой деятельности и экономического благополучия самих итальянцев. Между тем, торговля была возможна лишь при сохранении правовой и коммерческой систем римлян. Вскоре новые правители сами стремились поддержать возрождение торговли на основе римских законов. Приблизительно в конце 5-го века н. э. вестготский король Аларих II опубликовал упоминавшийся Сборник Аниана, который был составлен на основе так называемых *Responsa* («Ответов») древнеримских юристов.

Кроме этого, почти 50 лет спустя франкский король династии Меровингов Хлотарь I (Clotaire I или Клотайр, или Хлотэр — правил в 558–561 гг. н. э.),

Хлотарь I

сын короля Кловиса (Clovis — Хлодвиг — 481–511 гг. н. э.) постановил, что вопросы частного права, возникавшие между римлянами, должны рассматриваться по римскому праву. Это правило было подтверждено и расширено Кодексом Вестготов (Code of the Visigoths), принятом в 643 году н. э., в котором обуславливалось, что иностранные торговцы были подсудны иностранным (т. е. своим) законам. Это подтверждается более ранней ссылкой на применение законов острова Родос в отношении торговцев, связанных с морскими перевозками, в работе «*Origines*» Святого епископа Исидора Севильского⁴⁸

---

⁴⁸ Isidore, Saint. Bishop of Seville. *Etymologiae sive Origines. Etymologiarum libri XX.* Leipzig, 1831. «Этимологии, или Начала» (*Etymologiae sive Origines*, PL. 82, col. 73-729) — главный труд Исидора, начатый около 615 года. Первоначальная редакция была готова к 620 году, трактат был посвящён королю Сисебуту. По многочисленным просьбам Браулио Сарагосского, Исидор продолжил составление трактата. Вторая редакция была направлена ему на редактирование и окончательное опубликование в 632 или 633 году (PL. 82, col. 67). Несмотря на длительный срок работы, «Этимологии» так и остались незаконченными.

Исидор Севильский

Из этих ссылок становится очевидным, что варварские нашествия не сумели полностью разрушить гражданское право Рима. То, что морская торговля Рима и всей Италии не только существовала, но и представляла огромную важность, подтверждается повторяющимся законодательством, касающимся торговли, мореходства, содержащимся в Сборнике Аниана, законах Флавия Майориана (laws of Majorian),

Flavius Iulius Valerius Maiorianus

законах Феодорика I (Theodoric I) и в ссылках других авторов того времени.

Кстати, девять законов Майориана, датированных с 457 по 461 гг. н. э., сохранившиеся до наших дней, были помещены в конце Кодекса Феодосия (15 января 438 года н. э.).

Что касается влияния христианизации Рима на торговые и социальные системы, то сначала оно носило благотворный характер с тенденцией на сдерживающее и очистительное влияние, но к 4-му веку н. э. рост воздержанности и даже аскетизма стал причиной сегрегации (разъединения) средних и высших классов, которые объединялись в братства, основывая многочисленные монастырские поселения и удаляясь от всей деловой и общественной жизни. В частности, Э. Гиббон указывает на то, что «они [братства] всерьез отказались в то время от ведения бизнеса»⁴⁹. Результатом этого движения стало серьезное ослабление жизнеспособности Империи и превращение ее в более легкую добычу для варваров. Э. Гиббон так и отмечает: «Введение или, по крайней мере, злоупотребление христианством оказало некоторое влияние на упадок и распад Римской империи»⁵⁰. Однако, следует заметить, что такое аскетическое движение в большой степени исчезло к концу 5-го века н. э., и хотя церковь по-прежнему выступала в качестве сдерживающего фактора торговли в 4-м веке н. э. и более поздние века, сами Папы, как следует из их же биографий, проявляли большой интерес к торговле Рима. Более того, когда в 7-м веке н. э. конкуренция морских портов Пизы, Генуи и Венеции стала серьезно влиять на торговлю Рима, они направили все свои усилия против ломбардийцев. После 5-го века н. э. видно, что церковь скорее стимулировала, чем сдерживала торговлю в Западной Римской империи.

Также есть предположение, что торговля Рима была разрушена в силу конкуренции между торговыми городами Италии. Эта конкуренция, существовавшая и в 7-м веке, и в более

⁴⁹ Gibbon E. The History of the decline and fall of the Roman Empire. Vol. IV. P. 57.

⁵⁰ Gibbon E. The History of the decline and fall of the Roman Empire. Vol. IV. P. 162.

поздние времена, еще не затрагивала серьезно торговлю Рима в 5-м и 6-м веках, в течение которых Рим восстановил свою морскую торговлю.

Суммируя вышеизложенное, можно утверждать, что торговля Западной Римской империи от вторжения варваров не страдала, за исключением 5-го века н. э. Позднее, до периода крестовых походов (с 11-го по 15-й века н. э.), Италия осуществляла активную торговую деятельность, и римское право сохранилось и применялось во всех гражданских делах, где сторонами выступали итальянцы. Договор бодмерей (или *pecunia trajectitia*) использовался до разделения Империи и он получил легальное разрешение со стороны короля Алариха II и, вероятно, был связан с законами острова Родоса, на которые ссылается Исидор Севильский. Из этого следует, что обычай бодмерейных займов стабильно существовал со времен правления Алариха II и до средних веков. По мнению Ч. Ф. Треннери, к концу 12-го века н. э. Сборник или Бревиарий Алариха II был замещен Кодексом Юстиниана⁵¹.

Дошедшее до наших дней законодательство, которое касалось договоров *pecunia trajectitia* и было опубликовано в период существования Западной империи, выглядит следующим образом:

(1) Аларих II. Конец 5-го века н. э. *Ex Aniani Interpretationibus ad Pauli receptas sententias* («Разъяснения Аниани к оговоркам Павла»), Liber II, title xiv. *De Usuris* («Проценты»).

(2) *Ex Isidori Hispalensis Episcopi Originum Libro*. Ex Libro V, cap. xvii. «*De Legibus Rhodiis. Rhodiae leges navalium commerciorum sunt, ab insula Rhodo cognominatae, in qua antiquitus mercatorum usus fuit*» — «Законы Родоса. Законы Родоса являются законами морской торговли, и так именуются по названию острова Родос, где практика торговли существовала в древние времена».

Этот отрывок непосредственно не касается займов по бодмерей, но, поскольку подобные займы были узаконены в Кодексе морского права Родоса (Rhodian Sea Code), подразумевается, что они реально выдавались для морских перевозок.

(3) *Exceptiones legume Romanorum, magistri Petri* (183), *viri. sapientissimi* («Изъятия из Римского права, магистра Петра, вопросы философии»).

Восточная Римская империя. Возвращаясь к 5-му веку и прослеживая развитие практики бодмерей в Восточной империи, нужно отметить, что законы, описанные выше, оставались в силе неизменными до издания Кодекса Юстиниана в апреле 529 года. В данном кодексе предусматривалось такое ограничение в отношении договора, что делало его абсолютно неудобным, как деловую сделку, а именно, процентная ставка не более 1 % в месяц. Дословно: «*In trajecticiis autem contractibus, vel specierum fœnori dationibus usque ad centesimam tantummodo licere stipulari nec eam excedere, licet veteribus legibus hoc erat concessum*» — «Что касается договоров перевозки денег, либо займов под процент в отношении других товаров, кроме денег, приказываем, что будет считаться незаконным устанавливать процентную ставку в или более 12 % годовых [т. е. 1 % в месяц], хотя это было разрешено законами древности»⁵². Впоследствии Юстиниан отменил данное положение и снова разрешил согласование процентной ставки на любом уровне по решению в сделке участвующих сторон⁵³. Однако вскоре и это положение было отменено, и вернулось требование об ограничении ежемесячной процентной ставки в 1 %⁵⁴. Такая низкая процентная ставка, похоже, была неадекватной для компенсации

⁵¹ См. Trennery C. F. *The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry*. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 90.

⁵² *The Code of Justinian*. Translated by Samuel P. Scott, Cincinnati, 1932, Book IV, Title XXXII, section 26.2. www.droitmain.univ-grenoble-alpes.fr.

⁵³ *Justinian's Novels, Corpus Iuris Civilis, III*, Berlin (1954), *Recognovit Rudolfus Schoell, Opus Schoellii morte interceptum absolvit Guilelmus Kroll, Novella 106*.

⁵⁴ *Justinian's Novels, Corpus Iuris Civilis, III*, Berlin (1954), *Recognovit Rudolfus Schoell, Opus Schoellii morte interceptum absolvit Guilelmus Kroll, Novella 110*.

займодавцу риска при выдаче займа, который мог выразиться в возможности возникновения убытка в результате реализации морских опасностей или захвата судна пиратами, и, соответственно, и если такая ставка принималась, это могло привести к постепенному сдерживанию практики бодмерей. То, что такой договор, несмотря ни на что, продолжал применяться подтверждается повторяемостью сходных законодательных ограничений в 879 году н. э., в 11-м веке и в Законах Кипра (*Laws of Cyprius*) 12-го века н. э. Поэтому должны были найтись некоторые средства, с помощью которых договор мог составляться в соответствии с законом и, при этом, допускать более высокую процентную ставку для займодавца. То, что обход закона имел место, вполне очевидно, поскольку соблюдение неразумных ограничений лишало такие сделки всякого экономического смысла. Если это так, становится бесспорным, что такая ограничительная политика не была бы принята без серьезных на то оснований. Поэтому понятно, что политика Юстиниана базировалась на: во-первых, признании нецелесообразности поощрять такую форму инвестиции, во-вторых, на желании изменить радикально систему торговли на основе заемного капитала, или желании примирить религиозное сообщество. Торговцы довольствовались преимуществами такой защиты капитала от морских рисков, либо прибегали к другим средствам финансовой защиты от существовавших торговых рисков. Предположив, что морская торговля, кроме торговли за счет своего капитала, осуществлялась торговцами посредством бодмерейных займов, можно сделать вывод о том, что такие суровые меры со стороны Юстиниана, будь они реализованы, практически уничтожили бы такую торговлю, поскольку процентная ставка была фактически запретительной из-за своей очевидной экономической бессмысленности. В то время легальная процентная ставка составляла 6 %, а по коммерческим займам могла достигать и 8 %. ставки в конце Для сравнения ставки в конце 14-го века в отношении морского страхования, использовавшиеся при страховании перевозок из Лондона до Пизы, составляли от 12 до 15 % от стоимости и даже сверх того, из Брюгге до Пизы от 12 до 15 % в зависимости от сезона. Если это имело место в 14-м веке н. э., из этого следует *a fortiori* (т. е. «и подавно»), что 12 %-ая годовая ставка не могла адекватно представлять размер процентов на деньги плюс стоимость морского страхования в течение очень неустойчивого периода с 500 по 1000 годы н. э.⁵⁵ О процентных ставках более подробно речь пойдет далее. То, что торговля не была серьезно затруднена, подтверждается тем фактом, что с 5-го по 9-й века н. э. Восточная империя стала естественным наследником коммерческих операций всего Востока и частично играла роль торгового посредника между Западом и Востоком. Она контролировала побережья, куда вели торговые маршруты из Азии, Египта, с которым имели торговые связи купцы Леванта, Сирии, Аравийского полуострова и Красного моря. Такая обширная торговля удерживалась Византией до того момента, пока торговые города Италии, Франции и Испании не стали настолько могущественными, чтобы претендовать на верховенство византийской торговли. Как указывает Г. Финли (1854 год), который говорит о периоде с 716 по 867 годы н. э.: «Константинополь был настолько верховенствующим для каждого города цивилизованного мира, и по благосостоянию, и по торговле, как Лондон сегодня является для всех остальных европейских столиц»⁵⁶. Поэтому ясно, что Восточная Римская империя не утратила свою торговлю вследствие ограничений, наложенных Юстинианом, кроме того, эти ограничения не привели к оскудению торговли. Тот же Ф. Хендрикс утверждает, что «в Восточной империи в течение Темных веков (*Dark ages* — или Раннее Средневековье), не было интенсивной торговли, которая бы предусматривала договор от морских рисков», но, судя по всему, он в этом ошибался⁵⁷. Опять же, можно предположить, что действия императоров

---

⁵⁵ См. подробнее Hendricks Frederick. Contributions to the History of Insurance, and of the Theory of Life Contingencies, with a Restoration of the Grand Pensionary De Witt's Treatise on Life Annuities // Journal of the Institute of Actuaries (The Assurance Magazine). 1852. Vol. II. P. 136.

⁵⁶ Finlay George. History of the Byzantine and Greek Empires, 716-1453 A. D.. London, 1854, Vol. I. P. 250.

⁵⁷ Hendricks, Frederick, Contributions to the History of Insurance, and of the Theory of Life Contingencies, with a Restoration

касательно законодательства по договору морского займа не были продиктованы враждебным отношением к торговле, поскольку Юстиниан и его преемники, как раз, делали все возможное, чтобы стимулировать торговые операции Империи. Соответственно, разумно предположить, что ни Юстиниан, ни его последователи не ожидали снижения коммерческой деятельности из-за своих законодательных новелл, и что они не действовали из своей прихоти или без должного анализа, а, безусловно, учитывали советы наиболее опытных юристов и финансистов своего времени. Из-за нехватки свидетельств сложно с определенностью утверждать, каковы были причины, которые привели к ограничению процентной ставки до 1 % в месяц. Единственно, что остается делать, так это выдвигать определенные версии и исследовать все аргументы за и против, помня о том, что изменения основывались на продуманности, которая подтвердила свою состоятельность на протяжении нескольких веков. Причины, которые могли оказать влияние на Юстиниана и его преемников, наилучшим образом можно выяснить из очень краткого анализа состояния торговли Империи на момент его вступления на престол, т. е. в 527 году н. э. Эти факторы были следующими:

(1) Очень активная торговля, осуществлявшаяся на суше и на море.

(2) Морская торговля и вопросы, относившиеся к ней, регулировались местными законами либо частными положениями гильдий, которые ссылались в определенной степени на *Corpus Juris Civilis*.

(3) Иностранцы постоянно использовали деньги в торговых целях, которые они занимали по договорам бодмерей или морского займа.

(4) Огромные состояния были накоплены некоторыми семьями, которые рассматривали бодмерейские займы как отличные, возвратные и нерисковые инвестиции.

(5) Торговцы и грузоотправители приобрели знания на многовековом опыте о стоимости защиты от убытков в отношении их перевозок, и эту защиту они получили в форме а) бодмерейных займов, б) взаимного страхования, в) обычного страхования и г) «азартного страхования» или страхования на пари.

(6) Существовали многочисленные гильдии и компании, которые проводили коммерческие и финансовые операции по своей инициативе и в соответствии со своими уставными документами, если это касалось их собственных членов.

(7) Большая часть торговли проводилась иностранными торговцами на иностранных кораблях, осуществлявшими операции с использованием заемного капитала, который они получали по договорам от жителей Восточной империи.

(8) Церковь была против высоких процентных ставок.

При таких условиях, видимо, на Юстиниана оказывали влияние следующие факторы: а) получение одобрения и, следовательно, усиление поддержки со стороны церкви, б) увеличение богатства Империи за счет снижения византийского капитала в руках иностранцев, в) защита интересов богатых византийских торговцев путем ограничения возможности для других лиц торговать за счет заемных средств, г) протекционизм с целью защиты внутренней торговли.

Снижение процентных ставок на денежные морские займы было результатом желания умиротворить христианскую часть населения, и, возможно, так оно и было, но тогда сложно понять, почему после вторжения гóтов императоры Западной Римской империи, имевшие аналогичные устремления, не приняли адекватные ограничительные законы. Если такое изменение осуществлялось из-за клерикальной части Византии, клерикальная часть Рима, должно быть, слышала об этом и, по всей вероятности, также стремилась уступить своим же предубеждениям, при этом следует помнить, что римская церковь занимала высокое положение и имела значительный голос в решении общественных вопросов к концу 6-го века н. э. Но в Запад-

ной Римской империи, насколько можно судить по сохранившимся записям, не было попыток ограничить свободу торговцев и иных лиц по заключению договоров бодмерей по любой процентной ставке, которая считалась взаимоприемлемой. Далее, как отмечалось ранее, даже относясь с неодобрением к торговым практикам, Папы сами проявляли большой интерес к торговле страны и делали все возможное для ее защиты и развития, и, очевидно, сами в ней участвовали, по крайней мере, как негласные партнеры. Опять же, большая часть подданных Юстиниана не были христианами, и большая часть торговли Восточной империи осуществлялась с нехристианскими государствами, которыми любое такое ограничение воспринималось бы с обидой, если бы они считали, что оно было результатом религиозного давления. Поэтому выглядит маловероятным, что изменения были сделаны исключительно для удовлетворения требований церкви, хотя, конечно, действия Юстиниана были частично продиктованы и этой причиной.

Второй фактор, скорее всего, и был основной причиной изменения законодательства. Римляне считали, и не без оснований, что сохранение транспортного флота являлось жизненно важным для обеспечения безопасности государства. Кроме того, очевидно, что благосостояние торговцев и качество их состава оказывали очень серьезное влияние на эффективность торгового флота. Поэтому, вполне вероятно, что Юстиниан и его советники считали, что мера, которая практически сдерживает выделение займов византийского капитала для заморской торговли, вынудит собственников такого капитала отказаться от заключения бодмерейных договоров, что не только укрепит мощь Византии, но и подготовит флот для возможных военных батальи на море. Если это объяснение являлось причиной его политики в отношении законодательства, это доказывает его дальновидность и разумность как государственного деятеля, поскольку исторически известно, что торговый флот Византии, будучи в 5-м веке н. э. не очень значительным, в 8-м веке н. э. считался одним из ведущих. При этом следует заметить, что данное законодательство не запрещало использование заемных денег со стороны торговцев, которые имели достаточные торговые запасы в Византии, чтобы отдавать что-то в залог заимодавцу. Они могли защитить себя от риска утраты, используя эти деньги для морской торговли с помощью различных методов псевдо — или реального страхования. Ч. Ф. Треннери отмечал: «То, что это имело место, предполагается, если не подтверждается, прямым решением со стороны Юстиниана использовать местные обычаи в той самой Новелле, которая восстановила ограниченную процентную ставку. Утверждение, что эта Новелла не была направлена на отмену местных обычаев, подразумевает существование таких обычаев, ... и что существовали иные методы, с помощью которых торговцы могли защитить себя от *vecturæ periculum* («опасности перевозки»)»⁵⁸.

Третий фактор связан с тем, что византийское государство, в первую очередь, защищало интересы богатейших землевладельцев и купцов.

Четвертый фактор обусловлен тем, что большая часть заморской торговли Византии осуществлялась иностранцами, которые чаще всего получали свой капитал от византийцев по договорам бодмерей и за счет этого могли контролировать большую часть морской торговли. Между тем, законы Юстиниана, направленные на установление протекционизма, не были по-настоящему эффективными, поскольку к 9-му веку н. э. скандинавы получили большие права, против которых, как раз, и протестовали византийцы. В частности, Д. Бенг в введении к работе, написанной в соавторстве с Т. Далланом и Ж. Говелом, «*Early voyages and travels in the Levant*» отмечал: «Что касается 9 и 10 веков н. э., императоры Востока гарантировали варягам из Скандинавии капитуляцию или права экстерриториальности, которые позволяли им владеть верфями, вести торговлю и самим управлять Восточным капиталом: эти права устанавливали

---

⁵⁸ Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 98.

многочисленные *imperia in imperio* («государства в государстве») в течение последующих веков в Константинополе..., и затем стали настолько обычными, что греки в более поздний период Империи жаловались на то, что для них не осталось верфей, и что они не могут конкурировать с теми упорными иностранными торговцами»⁵⁹.

Вполне вероятно, что вопрос возник еще до этого, возможно, что и до опубликования Дигестов (Пандектов) или Новелл Юстиниана. Как отмечалось при рассмотрении четвертого фактора, введение такой низкой процентной ставки преследовало цель уменьшить рабочий капитал иностранных торговцев и, соответственно, улучшить положение византийских торговцев.

Суммируя сказанное выше, можно отметить, что, хотя договор бодмереи рассматривался практически бесполезным в качестве возвратной инвестиции, все же торговля Восточной Римской империи не очень страдала, что византийские торговцы могли получить рабочий капитал способом, который был более сложным, если вообще невозможным, для иностранных торговцев (т. е. путем залога своих товаров в Византии), что, вероятно, применялись иные методы страхования от убытков.

В этой связи интересно подчеркнуть важную разницу в законодательстве двух империй, которые, похоже, закладывали определенный смысл на различия в своей практике в отношении процентных ставок по бодмерейным займам. В Восточной империи: Дигесты Юстиниана содержат несколько ссылок на договоры, не относящиеся к бодмерее, по которым торговец мог защитить себя от убытка в результате реализации морского риска и, тем самым, был независим от договора бодмереи. В Западной империи: нет ссылок на какие-либо средства защиты от морских или иных рисков, кроме договора бодмереи.

До того, как исследовать вопрос о том, было ли известно римлянам непосредственно страхование, следовало бы остановиться на причинах огромной популярности договора бодмереи. Вначале отметим, что он не очень удобен как для кредитора, так и должника. С точки зрения кредитора — займодавец существуют риски утраты капитала. С другой стороны, для должника — заемщика это более дорогой по цене капитал, чем иные виды займов. Если заемщик обладает капиталом и просто нуждается в страховании либо защите от риска потери инвестируемого капитала, он вряд ли согласится брать бодмерейный займ.

Реальными причинами популярности договора займа, похоже, являются следующие:

1) Он позволяет владельцу денег (который не может вести торговлю) войти в некое квазипартнерство с торговцем, принимая часть риска на себя и получая высокую процентную ставку, которую он не мог бы получить по обычному займу, поскольку ростовщичество было запрещено законом.

Он обеспечивает заемщику определенную гарантию того, что в случае утраты капитала, он будет освобожден от обязательства по его возврату и уплате процентов за его использование.

Также имеет смысл рассмотреть методы, которые наиболее вероятно использовали торговцы и грузоотправители, находившиеся в таком положении, для защиты своих рисков. Для торговцев и иных лиц наилучшим средством такой защиты, очевидно, был все-таки займ денег по договору бодмереи для обеспечения безопасности и груза, и судна.

Не случайно, что и в Средние века договор бодмереи широко применялся наряду с договорами страхования.

Морское страхование, если оно и применялось греками и римлянами, вероятно, представляло собой некое квази-частное соглашение среди торговцев, грузоотправителей и финансовых магнатов в различных морских портах, каждый из которых имел свои местные законы, которыми, по всей видимости, и регулировались вопросы страхования. Это представляется

---

⁵⁹ Bent James Theodore, Thomas Dallam and John Covell. Early voyages and travels in the Levant. Edited by J. T. Bent. Hakluyt Society. London, 1893. P. 48.

еще более вероятным, как объяснение отсутствия упоминания о страховом договоре в указанных выше кодексах, в силу того факта, что практически все вопросы, касавшиеся торгового морского трафика, разрешаются Дигестами, которые, в свою очередь, ссылаются на законы острова Родос, но последние, к сожалению, не сохранились. Отсюда ясно, что отсутствие упоминания страхования в Дигестах не доказывает его отсутствие в жизни наравне с тем, что отсутствие ссылок на законы в отношении капитана либо права портов назначать портовые пошлины не означало отсутствие законов, регулировавших подобные вопросы. Возможно, что второй аргумент является более весомым подтверждением того, что страхование займов имело место также, как и страхование без займов.

В Средние века использование денег в торговле влекло отлучение от церкви или изгнание из мечети и, соответственно, если договоры, похожие по своей природе на договоры бодмерей и использовались, например, мусульманами до 15-го или 16-го веков н. э., то они должны были заключать их тайно и в соответствии с частными разрешениями, например, такими, которые выдавались средневековым гильдиям.

Тысячелетие спустя, купцы средневековых торговых городов все еще использовали морские займы, однако на первый план постепенно стали выходить куда более замысловатые страховые контракты, хотя, как будет показано ниже, и в этом случае проблема получения дохода по таким сделкам вначале тоже создавала серьезные трудности для участников хозяйственного оборота.

А. Вервер (Adriaen Verwer) написал в 1711 году в Амстердаме книгу «Голландское морское право, аварии и морские займы», в которой, в частности, упоминает о декларации, датированной 17 сентября 1699 года и подписанной наиболее уважаемыми купцами Амстердама. В ней были такие слова: «Мы, нижеподписавшиеся купцы, заявляем, что согласно имеющейся у нас информации, постоянным обычаем данного места по вопросам морского займа, либо заключенного, либо здесь оплаченного, устанавливается:

1. Что заимодавец по морскому займу не обязан платить возмещение по какой-либо общей аварии.

2. Что, хотя количество заложенных товаров и может быть уменьшено в результате какого-либо несчастного случая, но при этом их стоимость и превышает размер заложенной суммы, заимодавец должен получить полностью свои деньги; и подобная сделка всегда понимается именно в таком смысле»⁶⁰.

Интересно упоминание Д. Уэскетта о перестраховании. «Если заимодавец по морскому займу решает себя застраховать, это должно считаться перестрахованием, и страховщики должны руководствоваться в этих случаях обычаями применения таких договоров в тех странах, где они заключены, но которые очень отличаются»⁶¹.

Далее Д. Уэскетт указывает, что «кредитор или заимодавец по морскому займу должен иметь право застраховать свой заемный капитал вместе с премией, выплачиваемой страховщику, но не оговоренный лаж⁶² либо иные выгоды от морского займа; а страхования, заключенные дебитором или заёмщиком морского займа на те же заложенные товары и суда, будут считаться недействительными и подлежащими наказанию»⁶³. Другими словами, здесь речь идет о запрете двойного страхования какого-либо интереса сторон.

---

⁶⁰ Verwer Adriaen. *Nederlants see-rechten, avaryen, en bodemeryen*, Amsterdam, 1711, Jan Boom. P. 177.

⁶¹ Weskett John. *A Complete Digest of the Theory, Laws and Practice of Insurance*. Frys, Couchman and Collier, London, 1781. P. 46.

⁶² Agio (от итал. *Aggio*) — «ажо» либо «лаж», т. е. обменный курс или разница между номинальным и фактическим значением валюты.

⁶³ Weskett John. *A Complete Digest of the Theory, Laws and Practice of Insurance*. Frys, Couchman and Collier, London, 1781. P. 55.

В заключение необходимо подчеркнуть, что бодмеря, содержащая в себе определенные страховые элементы, несомненно, была предшественником и оказала важное влияние на процесс становления института страхования.

Глава 2. Элементы страхования в античном мире и в Средние века

Римская классическая литература об институтах, схожих со страхованием. В силу небольшого количества римской классической литературы, касающейся предмета нашего исследования, существует немного ссылок и на торговые обычаи древности. Однако известно, что римляне практиковали следующие методы защиты от морских и других рисков:

1) Государственное возмещение грузоотправителям на случай гибели кораблей или грузов в результате шторма или нападений врагов (215-й г. до н. э.).

2) Частная гарантия на безопасную доставку товаров (50-й г. до н. э.).

3) Гарантия императора на случай возникновения убытков грузоотправителей вследствие штормов (58-й г. н. э.).

4) Договоры возмещения, не относящиеся к морским рискам.

5) «Страхование» на пари.

Что касается гарантии Республики в отношении риска, который несли определенные торговые компании, осуществлявшие поставки товаров для армии в Испании, Тит Ливий утверждает, что около 215-го г. до н. э. существовал острый спрос от Сципиона (Scipios)⁶⁴, который находился в Испании, на зарплату, обмундирование и продовольствие для армии, а также на все виды провианта для военно-морских формирований.

Поскольку Республика была обременена большими расходами на безуспешную войну, считалось нецелесообразным удовлетворять подобные требования из общественных фондов; соответственно, правители предложили выгодные условия частным торговцам, которые были готовы взять на себя риск по обеспечению доставки провианта в Испанию. Три торговца предложили свои услуги, выставив два условия, вторым из которых была гарантия, что все убытки в отношении кораблей или грузоотправителей в результате нападений противников либо вследствие шторма должно нести государство. И Республика согласилась на это.

Дискуссионный характер носит вопрос, можно ли рассматривать такое соглашение в качестве договора страхования или нет. В частности, обсуждались следующие аспекты:

а) Кто является собственником товаров на период морской перевозки?

б) Какую ответственность будут нести правительство и грузоотправители по убыткам, возникшим во время перевозки?

в) Будет ли гарантия: 1) добровольным обещанием на компенсацию со стороны правительства в интересах граждан, а не в ответ на надлежащее встречное удовлетворение, либо 2) договор страхования от оговоренных рисков гарантирован правительством в ответ на оплаченное встречное удовлетворение?

В 215-м г. до н. э. римское правительство обязалось в ответ на встречное удовлетворение (т. е. услуги со стороны торговцев) застраховать благополучную доставку определенных грузов упомянутых трех лиц. Эти товары должны были быть направлены в Рим и, вероятно, в другие центры, где они могли быть проданы в интересах грузоотправителей.

Цицерон, одержавший победу в Киликии⁶⁵, когда стала почти неизбежной гражданская война между императором Юлием Цезарем и Помпеем, написал квестору (финансовому контролеру) Канинию Саллюстию (Caninius Sallustius) письмо, в котором есть такие слова (цитируем шотландского историка А. Фергюсона): «*Laodiceae me praedes accepturum arbitror omnis*

---

⁶⁴ Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235 год до н. э., Рим — 183 год до н. э., Литерн, Кампания) — римский военачальник и политический деятель, консул 205 и 194 годов до н. э. Начал военную карьеру в 218 году до н. э. во время Второй Пунической войны.

⁶⁵ Киликия, также Киликия (греч. Κιλικία, лат. Cilicia) — в древности юго-восточная область Малой Азии.

pecuniae publicae, ut et mihi et populo cautum sit sine vecture periculo» — «Я намереваюсь оставить деньги в Лаодикее, которые будут выручены от продажи тех животных, и получить гарантию их оплаты в Риме с тем, чтобы избежать опасности как для меня самого, так и республики при транспортировке их как денег»⁶⁶.

Из этой фразы можно сделать вывод о том, что Цицерон намекает на страхование. Но способ, каким он хотел доставить деньги в Рим, был больше похож на современный вексель или депозит, нежели на страховую полис. При этом слова Цицерона вовсе не означают, что деньги должны были быть оплачены в Риме. В целях безопасности деньги могли быть заплачены в самой Лаодикее. Кроме того, отмечает Д. А. Парк, «Саллюстий, которому он написал, имел бы большие трудности в понимании того, что подразумевал он [Цицерон], из одного лишь предложения в его упомянутом письме, и если бы это было хорошо известно, неужели возможно предположить, что оно [страхование] не получило бы своего места в их своде законов»⁶⁷.

Светоний. Воображаемое изображение из Нюрнбергской хроники, 1493 год (достоверные портреты Светония неизвестны)

Светоний утверждает, что в 58 г. н. э. во время великого голода в Риме император Клавдий предложил платить фиксированную поощрительную премию (*bounty*) по всем импортируемым зерновым, и впоследствии согласился отвечать за все убытки, вызванные штормами на море.

Данная сделка определенно содержит основные признаки страхования: имущество, гарантом которого выступал император, не являлось ни его собственностью, ни собственностью государства, а принадлежало торговцам, импортировавшим зерно, которое, в свою очередь, по прибытии в Рим продавалось ими в своих интересах. Не найдены сведения о том, что зерно должно было продаваться по заниженной цене, либо какие-либо ссылки на ограничения права собственности купцов на такое зерно. Четко определялся и сам риск — штормы на море. Премия или встречное удовлетворение в ответ на страхование являлись услугой, предоставляемой Клавдию со стороны торговцев при импортировании зерна в неблагоприятные годы. При

⁶⁶ Ferguson Adam. The History of the Progress and Termination of the Roman Republic. London: printed for W. Strahan; T. Cadell, in the Strand; and W. Creech, in Edinburgh, 1783. Book IV, chapter 5, p. 271.

⁶⁷ Park James Allan. A System of Law of Marine Insurances, 6th Ed. London, A. Strahan, 1809, Vol. 1, Introduction, III.

этом Клавдий на самом деле являлся лицом, гарантировавшим собственникам определенного имущества защиту от особых морских рисков в ответ на встречное удовлетворение.

Из этих трех примеров, которые охватывают более 250 лет, видна высокая вероятность того, что римляне использовали данный метод в своей деятельности достаточно длительное время и относительно широко. Особенно это вероятно с той точки зрения, что торговцы во времена Сципиона требовали гарантию на случай убытка в результате нападения противника или шторма как важную часть встречного удовлетворения, а вот во времена Клавдия помощь предлагалась в качестве удовлетворения за услуги, которые от торговцев требовал сам император.

В Дигестах Юстиниана имеется несколько решений, которые, похоже, тоже касаются элементов страхования и свидетельствуют о том, что договоры заключались для финансовой защиты ценного имущества в противоположность морским рискам. Например, Ч. Ф. Треннери, обращаясь к утверждению древнеримского юриста Ульпиана (Ulpian), что договор, который основывался на условии или оговорке «*Illa stipulatio: decem milia salva fore promittis?*» — «Вы обещаете, что мои 10 000 будут в сохранности?». И сам же отвечает: «*Valet*» — «Хорошо» (или «Обещаю»), — считался действительным, писал: «Поскольку правовая сила данной оговорки лежит в словах *salva fore* («сохранить» или «спасать»»), которые, похоже, не означают ничего другого, кроме как ссылку на защиту от возможного убытка, который может возникнуть от некоего предполагаемого риска, ясно, что договор, основывавшийся на такой оговорке, должен означать, что «В» возместит «А» какую-либо часть £ 10 000, которые могут быть утрачены.

Более того, чтобы договор мог быть признан действительным, было необходимо, чтобы было исполнено особое действие, что опять же доказывает, что за желаемую гарантию со стороны «В» некто «А» должен был в ответ сделать определенную оплату. Это следует из того факта, что договор не мог быть исполнен, если не было оплачено уже упоминавшееся встречное удовлетворение, тем самым, можно утверждать, что в данный договор включены все существенные условия страхового полиса»⁶⁸.

Справедливости ради следует отметить, что данный текст Ульпиана вполне может означать и обычный договор хранения, в рамках которого хранитель также обязуется обеспечить сохранность предмета хранения.

В дополнение к методам, представленным выше, римские грузоотправители имели другие средства, чтобы защитить себя от убытков.

В Дигестах есть ссылки на договоры, которые имеют сходство с заключением пари в виду того, что в них фигурируют слова примерно следующего смысла: «А» спрашивает «В»: «Если мое судно погибнет, ты заплатишь мне 10 000?», и при согласии «В» компенсировать такой ущерб договор считался действительным.

По тем же причинам за такую услугу должны были уплачиваться премия или предоставляться встречное удовлетворение. По всей вероятности, договор действовал в течение конкретного рейса либо оговоренного периода времени. Есть прямые свидетельства того, что такой договор постоянно использовался торговцами раннего Средневековья в большинстве ведущих портов мира.

Однако постепенно стали признавать, что такие договоры не являлись истинными договорами страхования, а скорее они представляли собой договоры, нарушающие общечеловеческую мораль, поскольку они не удерживали лицо от зарабатывания прибыли при утрате его имущества. Поэтому они были запрещены в большинстве крупных торговых центров.

Страхование жизни среди римлян. В данном разделе речь пойдет о следующем:

---

⁶⁸ Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 16–17.

а) *взаимное страхование* — в похоронных клубах и военных обществах, которые существовали в большом количестве в течение первых четырех веков н. э. В этой связи будет дано краткое представление о греческих религиозных обществах, которые предоставляли похоронные льготы для своих членов.

б) *иное страхование* — сведения, на которых основывается гипотеза о том, что этот тип страхования жизни был известен и практиковался римлянами, свидетельствует, что, если они практиковали такое страхование вообще, тогда они могли различать страхование на дожитие или пожизненного страхования на случай смерти, срочное страхование жизни и страхование от чрезвычайных обстоятельств.

При этом бесспорных доказательств того, что такие договоры применялись на практике, нет. Тем не менее, поскольку известно, что римляне применяли другие договоры, касавшиеся защиты от рисков, можно предполагать, что, если они знали о выгодах страхования жизни и могли законно заключать такое страхование, то они, наверняка, делали это.

К сожалению, отсутствуют свидетельства существования инструментов, используемых римлянами для оценки рисков, определения размера страховой премии и т. д. за исключением «таблицы вероятности дожития» древнеримских юристов Масера (Macer) и уже упоминавшегося Ульпиана, первый из которых, очевидно, не придерживался статистики смертности, в то время, как последний почти наверняка его учитывал.

Также существует доказательство того, что римляне и другие народы древности заметили влияние роста продолжительности жизни на качество жизни, что знание арифметики и алгебры римлянами в 3-м веке н. э. было на относительно высоком уровне, и более того, что они были сведущими в финансовых и деловых обычаях, таких, как применение процентов и дисконтов, оплата в рассрочку, ведение бухгалтерии, банковских операций и т. д.

Как уже подчеркивалось, римляне были более образованными во 2-м и 3-м веках н. э., нежели люди континентальной Европы 16-го века, и вполне могли делать необходимые расчеты для осуществления страхования жизни, более того, они на протяжении длительного времени объединялись в общества с целью предоставления взаимных выгод в случае смерти.

Взаимное страхование. Общества, которые практиковали эквивалент взаимного страхования, можно разделить на следующие три класса: 1) гражданские; 2) ветеранские и 3) военные.

Гражданские общества. В ранней Республике не существовали законодательные препятствия для формирования каких-либо обществ. Но при этом Секция 26 из таблицы VIII (Законы 12 Таблиц-*Leges Duodecim Tabularum*) запрещала ночные сборища, а *Lex Gabinia* (Закон Габиния), принятый в 67 году до н. э. римским военачальником и трибуном Авлом Габинием (Aulus Gabinius) и предоставившим Гнею Помпею Великому (Gnaeus Pompeius Magnus) экстраординарную власть для борьбы с пиратами, запрещал лишь тайные собрания.

В самом начале 1-го века до н. э. существовали многочисленные общества разного рода, и некоторые из них, будучи сформированными исключительно для политических или неблагоприятных с точки зрения власти целей, проявили себя как источники опасности для государства. Поэтому сенат в 64 году до н. э. постановил, что такие общества запрещаются, но это распоряжение стало недействительным при Клодии, который как трибун в 58 году до н. э. инициировал формирование обществ и использовал их в политических целях до своей смерти.

Вместе с тем, скандал в отношении таких обществ был настолько громким, что сенат двумя годами позже снова запретил все общества, кроме тех, которые имели долгую историю и общественное значение. Это распоряжение было реализовано Юлием Цезарем и впоследствии подтверждено Октавианом Августом.

В период ранней Империи для создания обществ требовалось особое разрешение. В начале 2-го века н. э., похоже, что это разрешение выдавалось довольно редко. При Антонине Пие (Antoninus Pius) законодательство дало послабление в пользу обществ, а тем из них, кото-

рые работали в интересах государства, были предоставлены определенные финансовые привилегии.

Юстиниан одобрял создание религиозных обществ, но при этом отдал распоряжение распустить незаконные гильдии и распределить имущество и денежные средства среди их членов.

Примерно 350 лет спустя в сборнике «Базилика» было повторено ограниченное разрешение. Со времен императора Восточной Римской империи Маркиана единственными законными обществами признавались общества *causa religionis* (т. е. по причине религиозности) и *collegia tenuiorum* (погребальные коллегии), которые были обязаны иметь в качестве предполагаемого объекта поклонения какое-либо божество либо исполнять погребальные услуги для своих членов. Отсюда следует, что если римляне и имели многочисленные общества взаимного страхования, то они представляли их по своей сути как религиозные общества.

Из большого количества фрагментарных свидетельств можно восстановить достоверную картину того, как формировались эти клубы и как осуществляли свою деятельность.

Похоронные общества Рима произошли из поздних религиозных обществ. Последние, в свою очередь, наиболее вероятно, имели в основе греческие религиозные общества. В первую очередь, религиозные общества были результатом воздействия на ту часть населения, которая, по некоторым причинам, не принадлежала к аристократическим семьям, и, соответственно, не могла участвовать в отправлении религиозного обряда какой-либо семейной группы. Поэтому эти лица, желая принять участие в преклонении перед каким-либо божеством, объединялись в общества, каждое из которых принимало в качестве вероисповедания одного и более божеств. Постепенно среди других практик, возникавших на культе божества, возник обычай погребения членов общества за счет этого общества с тем, чтобы божества удостаивались почестей путем должного исполнения похоронных ритуалов. Позднее, по мере ослабления религиозных чувств римлян, преимущества гарантии достойного погребения каждого члена общества становились все более очевидными, и постепенно такие объединения преобразовывались в похоронные общества.

Также, вполне вероятно, что по причинам, упомянутым выше, эти похоронные клубы во многих случаях существовали для взаимного страхования.

Членство. Членами этих объединений могли быть представители всех слоев общества, но, как правило, каждый клуб состоял из членов, занимавших более или менее одинаковое социальное положение, хотя имеются примеры смешанного членства рабов и свободных граждан. Похоже, не существовали какие-либо квалификационные требования, кроме обязанности вносить вступительный взнос, устанавливаемый обществом, оплаты периодической подписки и соблюдение правил общей ассамблеи и *decuria* («декурии» или «отделению», «сословию» по специальности — прим. авторов).

В некоторых обществах потенциальный кандидат был обязан гарантировать обществу право удерживать половину *funeraticium* (погребальные расходы), которые причитались родственникам умершего члена общества.

Лица, желавшие стать членами общества, направляли свои имена на рассмотрение общих собраний обществ либо в магистрат, которые имели право одобрить или отклонить ту или иную кандидатуру. Основными условиями принятия в члены общества была не профессия, а уплата членского взноса и периодических подписок (сборов), а также достойное поведение. Женщины допускались в религиозные общества, а рабы в похоронные клубы — при условии согласия их владельцев⁶⁹.

В интересах каждого члена общества было, чтобы погребальные расходы не выплачивались слишком часто, поэтому разумно предположить, что в члены общества не могли приниматься болезненные люди или человек, находившийся при смерти. Не ясен вопрос о том, могли

---

⁶⁹ См., Digest. Liber XLVII, title 22, 3, section 2.

ли граждане стать членами в любом возрасте, или они не должны были достигнуть определенного возраста. Из многочисленных записей понятно, что в принципе не было нижнего порога возраста, поскольку в них фигурируют записи о смерти детей. Членство же прекращалось в случае просрочки выплаты ежемесячного сбора более, чем на шесть месяцев, и, вероятно, за пьянство или неподчинение решению общего собрания либо служащим общества.

Отсутствуют записи о проведении каких-либо собеседований с заявителями, как это имело место при вступлении в греческие общества.

Самоубийства в некоторых обществах не признавались основанием для выплат на похороны или компенсации в виде *funeraticium* (погребальные расходы), в других обществах лица, совершившие самоубийство, все-таки хоронились за счет коллегии.

Некоторые общества состояли из неграмотных людей, другие насчитывали среди своих участников образованных и опытных торговцев. Они отличались и по количественному составу: кто-то имел лимитированное членство, а какое-то общество принимало в члены без ограничений.

Любое лицо, состоящее в двух и более обществах, имело право выбора оставаться в одном из этих обществ, а также на получение возврата денежных средств от общества, из которого это лицо выходит.

Управление. Управление каждым обществом лежало на его членах. Практика назначения ответственных лиц варьировалась в разных обществах, но в целом состояла в следующем: среди себя члены выбирали президента, управляющего или агента, казначея, который отвечал за денежные средства или так называемый *arca* («ящик»). Кроме этого члены общества назначали в качестве покровителей или меценатов тех лиц, которые, не будучи членами общества, делали пожертвования в общество, а также назначали так называемых привилегированных членов (*immunes*), которые освобождались от оплаты подписок или сборов. Функции и привилегии этих служащих и почетных членов были четко прописаны, что свидетельствует о том, что во многих обществах члены представляли собой практичных и деловых людей.

Женщины допускались в некоторые или во все конторы.

Правовое положение. Во 2-м веке н. э. разрешалось создавать общества при условии, что учредители смогут подтвердить его общественную полезность. Позднее, начиная с 3-го века н. э. и далее, право на объединение ограничили для обществ *causa religionis* (т. е. по причине религиозности) и *collegia tenuiorum* (погребальных коллегий).

Полномочия обществ были значительными, включая следующие права:

(1) Принимать и исполнять свои уставы, при условии, что их нормы не являются противозаконными.

(2) Назначать казначея, управляющего и т. д., которые могли выступать в качестве агентов общества.

(3) Хранить денежные средства или казну в специальном ящике, управлять вверенным имуществом и т. д.

Секретариат. Работа секретарей была значительной и предусматривала ведение так называемого *Album* или регистра членов общества, регистра ежемесячных подписок или взносов, совершаемых членами, записей заседаний и собраний, учет корреспонденции и т. д. Во многих обществах *Album* совмещал оба регистра, т. е. и членства, и учета ежемесячных взносов. В некоторых обществах эти регистры вел лично президент, а в других за это отвечали *arcarius* (казначей), *scriba* (писец, секретарь) или *tabularius* (табуларий или архивариус). *Scriba* также вел корреспонденцию и выступал секретарем собраний. В некоторых коллегиях данная работа выполнялась *arcarius* (казначеем).

Аттестация и замена служащих общества происходили, как правило, каждые пять лет; в редких случаях в конце каждого года, третьего года или десятого года.

Денежные поступления. Финансовые методы в разных римских обществах сильно варьировались. Очевидно, что объединения торговцев осуществляли свои совместные инвестиции способом, отличающимся от того, который применяли, например, общества сельскохозяйственных работников и т. д. Однако во всех обществах наблюдалось и нечто схожее. Насколько можно судить, в каждом обществе существовала *arca* или казна, которая пополнялась за счет различных платежей, а один или более *curatores* (смотрителей) выступали в качестве казначеев. В некоторых обществах имелось доверенное лицо или синдик, который отвечал за все деловые операции по инвестициям и приносящие проценты (доход) сделки за счет фонда общества. К сожалению, нет свидетельств о фактической системе учета денег и иного имущества, но, помня, как продвинутые греки и римляне вели счета, становится ясным, что у них было достаточно знаний, и потому можно предположить, что они разработали систему, которая удовлетворяла их целям и задачам. Поскольку требовались определенные оценки для расчета доли, причитающейся уходящему члену общества, следует предположить, что учетные записи обществ должны были соответствовать правильным расчетам причитающейся ему суммы. Опять же, поскольку в некоторых, если не во всех, обществах их члены подвергались исключению в случае задолженности по уплате взносов на шесть месяцев, ясно, что велся тщательный учет членских платежей. В некоторых более крупных и более состоятельных обществах, должно быть, использовалось довольно большое количество разных учетных документов, которые касались не только сбора взносов и оплаты погребальных услуг. Поскольку в них могли состоять землевладельцы, торговцы и рабовладельцы, наверняка был налажен учет инвестиций и доходов от них. Особенно это было характерно для тех обществ, в которых взносы шли на похороны и религиозные праздники, частично компенсировавшихся благотворителями.

Большинство обществ, не только тех, которые гарантировали компенсацию погребальных расходов, но и торговые гильдии, брали за основу оценки пятилетний период, который совпадал с интервалом проведения переписи населения в Риме. Их руководящий состав, т. е. начальники (*magistri*) и квинквенналы (*quinquennales* — старшие служащие) избирались на пять лет и могли быть переизбраны на второй или последующий сроки. Само слово *quinquennalis* означает должностное лицо, избираемое на пятилетний срок. Правда, существует несколько примеров, когда выборы осуществлялись ежегодно, раз в три года и даже раз в десять лет.

Денежные поступления состояли из взносов членов обществ, доходов от инвестиции, торговля и т. д.; поступления от благотворителей и наследства членов общества.

Взносы делились на вступительные, ежемесячные подписки или сборы, сборы на оплату погребений членов общества, иные периодические сборы, денежные пожертвования и штрафы.

Не совсем понятно, использовались ли вступительные взносы для обеспечения части расходов на погребение или на содержание аппарата секретарей, либо на празднества или на чрезвычайные издержки на деятельность общества. Однако, следует заметить, что во всех обществах, в отношении которых имеется достаточно свидетельств, чтобы делать сравнение, размер вступительных взносов намного меньше, чем погребальные расходы, и что расходы на членов, которые умирали вскоре после принятия в общества, взимались из ежемесячных сборов или подписок.

Ежемесячные взносы, которые оплачивались во всех религиозных обществах, разрешались Юстинианом (540 год н. э.), а также «Базиликой» (примерно 870 год н. э.). Эти сборы формировали фонд, из которого выплачивались похоронные расходы. Невозможность оплатить сборы в надлежащий срок (т. е. в течение шести месяцев) лишала члена права на погребальные расходы. На чем основывались расчеты таких сборов, неизвестно, но понятие ставки в одном из обществ можно получить из Положений Ланувийской коллегии *Cultores Dianae et*

Antinoi («Поклонники богини Дианы и Антиноя»), из которых видно, что ежегодный взнос в 15 сестерциев (сестерций — серебряная монета, эквивалентная 4 ассам [древнеримская медная монета] — прим. авторов) гарантировал погребальные расходы в 300 сестерциев.

В некоторых обществах члены уплачивали дополнительный сбор в случае смерти их коллеги, а достаточных оснований для вывода о том, что это была повсеместная практика, нет.

Если член общества желал, чтобы после его смерти его место мог занять его сын, брат или иной гражданин, он должен был завещать обществу половину причитающихся ему погребальных расходов (*funeraticium*). Данная конкретная форма сбора ясно показывает, что погребальные выплаты превышали расходы на достойные похороны умершего члена.

Пожертвования и наследство членов, будучи неопределенными ни по сумме, ни по обстоятельствам, нельзя рассматривать в отношении исключительно похоронного фонда, поскольку они могли касаться и не членов общества.

Штрафы взымались с служащих общества за небрежное исполнение своих обязанностей, например, за присвоение средств фонда, ненадлежащее неисполнение похоронных услуг либо несообщение о смерти членов общества. Также штрафы налагались на тех членов общества, которые просрочили оплату ежемесячных сборов, но хотели бы продлить свое членство.

Как отмечалось ранее, римские общества, которые имели статус похоронных клубов, были вправе оперировать своими фондами с целью получения дохода путем инвестирования в залоговые сделки, финансирование сельскохозяйственных предприятий, приобретения и эксплуатации рабов и зарабатывать доход другими способами. За качеством инвестирования следили служащие общества, о чем они отчитывались на общих собраниях. Другим способом зарабатывания денег была продажа мест на кладбищах общества или в колумбарии лицам, не являющимися членами общества.

Благотворительные пожертвования, как правило, шли на цели, не связанные с погребальным фондом. Они, вероятнее всего, использовались для пополнения дефицита общего фонда, но из имеющихся записей следует, что нередко в фондах наблюдались излишки, тогда такие пожертвования шли на эксплуатационные расходы общества или постройку либо приобретение нового колумбария и т. д. Дотации также предназначались для обеспечения тех членов общества, которые заболели или обнищали. Можно предполагать, что пожертвования лиц, не являвшихся членами обществ, рассматривались как взносы в погребальный фонд лишь в случае нехватки в нем средств.

Наследство нередко оставлялось для обществ как членами, так и другими лицами, и такое имущество составляло довольно значительную часть поступлений. Например, в Кодексе Юстиниана закреплено следующее: Том 6, титул 62, пп. 1 и 5 — «Имущество ... капитанов кораблей, работников арсеналов... 1. Мы постановляем, что, если капитан судна умирает, не оставив завещания и не имея детей либо иных наследников, его имущество не должно переходить в казначейство, а в ассоциацию капитанов кораблей, из которой он выбыл по причине смерти... 5. Если какой-либо работник, работавший в арсенале, умирает, не оставив завещание, не имея детей либо иных наследников, мы отдаем распоряжение, что его имущество, сколько бы оно не стоило, должно принадлежать тем, кто является, как это было и ранее, кредитором усопших лиц, и которые несут ответственность перед казначейством за их умерших товарищей. Следствием чего является то, что государство не несет убыток, а работники, которые несут ответственность за все утраты и телесные повреждения, должны получить имущество их усопших коллег».

Предмет деятельности. Основной задачей поздних религиозных или похоронных клубов была компенсация уже упоминавшихся погребальных расходов (*funeraticium*) в случае смерти члена общества.

Эти *funeraticium* представляли собой денежные средства, выплачиваемые в качестве расходов на погребение, и поэтому такие французские авторы, как Ж. — П. Валтцинг (Waltzing),

Р. Канья (Cagnat) и другие считают, что *funeraticium* резервировались или предназначались исключительно для похорон⁷⁰. Однако, их мнение, похоже, не является единственным. Во-первых, хотя *funeraticium* изначально означали деньги на погребальные расходы, это не говорит о том, что так было всегда. Вполне возможно, что выплаты могли быть осуществлены и на иные цели.

«Более того, — указывает Ч. Ф. Треннери, — законодательное требование о том, чтобы лицо не принадлежало двум или более обществам, считалось не столь продуктивным, поскольку ни один человек *не хочет быть похоронен дважды*; из этого следует, что несколько *funeraticia*, выплачиваемых после его смерти, частично либо полностью могли бы использоваться его душеприказчиками на некоторые другие цели кроме как погребение»⁷¹. Об этом мы еще поговорим далее. Но право членов получать *funeraticia* утрачивалось при выходе из общества либо при совершении самоубийства (в большинстве обществ).

Здесь необходимо напомнить, что, как упоминалось ранее, основной задачей религиозных обществ было, как правило, сохранение конкретного культа или вероисповедания и в этой связи погребения своих членов. Впоследствии приоритеты изменились, и можно сказать, что исключительным смыслом существования обществ стало погребение их членов. Это общества осуществляли различными способами. В ряде случаев усопшие хоронились на кладбище, приобретенном и зарезервированном исключительно для целей общества; в других ситуациях пепел умерших членов после кремации помещался в урны, которые размещались в колумбарии, другие общества компенсировали оговоренные погребальные расходы (*funeraticium*) представителю усопшего, чтобы он мог оплатить расходы на погребение, а некоторые общества возмещали только определенную часть похоронных расходов и т. д.

Ланувийская коллегия. Одна из уникальных итальянских коллегий существовала в маленьком Ланувии, расположенном южнее Рима.

Ланувийской коллегии посвящено много трудов, но мы возьмем за основу и первоисточники, и статью М. Е. Сергеенко «Из жизни итальянских коллегий»: «С жизнью итальянских коллегий знакомят нас, главным образом, надписи; среди них особенно замечательна *CIL XIV 2112*»⁷²: *устав погребальной коллегии «почитателей Дианы и Антиноя», основанной в маленьком Ланувии «в консульство Марка Антония Гибера и Публия Муммия Сизенны, в третье диктаторство Луция Цезенния Руфа (133 год н. э.)»*⁷³. *Устав датирован 9 июня 136 годом н. э. Мраморная плита устава или закона CIL XIV 2112* была обнаружена в руинах древнего Ланувия, располагавшегося в Латиуме (современная область Лацио в Италии) среди Албанских гор в Италии. Муниципальные власти разрешали основывать *collegia salutaria* или *collegia funeraticia* (погребальные коллегии), но учредители Ланувийской коллегии «сочли нелишним напомнить это сенатское постановление и благоразумно поставили коллегию под покровительство не только Дианы (каждая коллегия имела своего божественного патрона), но и Антиноя, тем самым подчеркивая свою преданность императорскому дому»⁷⁴.

Длинная надпись была нанесена внутри храма Дианы и Антиноя под Антиноевым тетрастилом (*tetrastylum* — портик с четырьмя колоннами). Она содержит правила и положения

⁷⁰ См. Cagnat Rene. L'Armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs. 4°. Paris, 1892; Waltzing Jean Pierre, Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains depuis les origins jusqu'à la chute de l'Empire d'Occident. (Académie Royale des Sciences, des Lettres et des Baux Arts de Belgique. Vol. 50.), 4 vols. Brussels, 1895–1900.

⁷¹ Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 24.

⁷² Corpus Inscriptionum Latinarum: vol. XIV Inscriptiones Latii veteris Latina, edited by Hermann Dessau (Berlin, 1887) no. 2112.

⁷³ Сергеенко Мария Ефимовна. Из жизни итальянских коллегий// Вестник древней истории. 1972. № 4 (122). С... 134.

⁷⁴ См., Сергеенко Мария Ефимовна. Из жизни итальянских коллегий// Вестник древней истории. 1972. № 4 (122). С... 134.

ланувийских прихожан и почитателей (*cultores*) богини Дианы и Антиноя с детальным описанием погребения.

С Правилами должны были ознакомиться все лица, желающие вступить в коллегию, чтобы потом они не могли жаловаться или спорить в отношении наследников.

Коллегия принимала в свой состав только мужчин, свободнорожденных, отпущенников и рабов.

Устав коллегии устанавливал сборы за членство, ежемесячные взносы, штрафы за неисполнение обязанностей или ненадлежащее поведение, а также организационные процедуры в отношении погребения усопших членов коллегии (*funus*). Каждый новый член должен был сделать вступительный взнос в размере 100 сестерций и амфоры хорошего вина (около 24 литров — прим. авторов), а также ежемесячные взносы в пять ассов или 15 сестерций в год.

Если член не платил взносы в течение шести месяцев подряд, то он исключался из коллегии, и она отказывала в выплатах на его погребение. При этом, член коллегии исключался из ее состава, даже, если у него было сделано завещание. Денежные притязания к коллегии мог предъявлять только наследник, названный по имени в завещании.

В случае смерти из кассы коллегии выдавалась (с определенной долей условности ее можно назвать страховой — прим. авторов) сумма в 300 сестерций (*funeraticium*) для достойного погребения, из которых удерживалось 50 сестерциев для раздачи участникам похоронной процессии, т. е. на проводы (*exequiari nomine*).

Причем целевое назначение этой суммы обеспечивалось рядом правовых гарантий. Во-первых, на ее получение вправе был претендовать только наследник по завещанию, а не по закону. Только лицо, избранное самим умершим, по мнению древних римлян, могло наилучшим образом соблюсти целевое назначение полученных денег. Данная сумма не выдавалась законному наследнику даже при отсутствии завещания: тогда похороны осуществлялись самой коллегией. Во-вторых, предусматривалась неприкосновенность данной суммы для кредиторских взысканий: из нее не могли удовлетворяться долговые обязательства умершего.

Если член коллегии умирал дальше 20 миль (30 км) от Ланувия, то хоронить его снаряжали комиссию из трех человек.

Иные правила применялись к рабам, которым отказывали в погребении их же хозяева. Даже вопреки общему положению римского права о том, что все результаты сделок, совершенных рабом, принадлежат господину, последний не имел права на «страховую» сумму раба. Однако, «в силу права собственности на раба господин может отказать в предоставлении его трупа для погребения. В этом случае, если раб не оставил распоряжения о том, кому выдать страховую выплату, коллегия совершает за счет этой суммы символическое погребение (*funus imaginarium*), которое включало в себя кремацию восковой фигуры (*imago*) на погребальном костре, т. е. хоронит умершего раба «в изображении» (*in effegie*)»⁷⁵.

В уставе Ланувийской коллегии предусматривались и основания утраты права на получение «страховой» суммы — самоубийство и уже упоминавшаяся просрочка к моменту смерти ежемесячных взносов свыше определенного в уставе срока: по уставу ланувийской коллегии — за 6 или 10 месяцев подряд. При этом член коллегии исключался независимо от права на страховую выплату (и на поддержку в случаях болезни, увечья и т. д.). Члены коллегии имели в известных случаях и право на получение причитающихся им долей в коллегиальном имуществе. Раздел имущества коллегии между ее членами не исключался даже и при ликвидации недозволенных коллегий. Равным образом, и при выходе из коллегии с выбывающим производился соответствующий расчет. Если не во всех, то во многих коллегиях их члены имеют право распорядиться на случай смерти своей долей участия в имуществе коллегии. Мы видим,

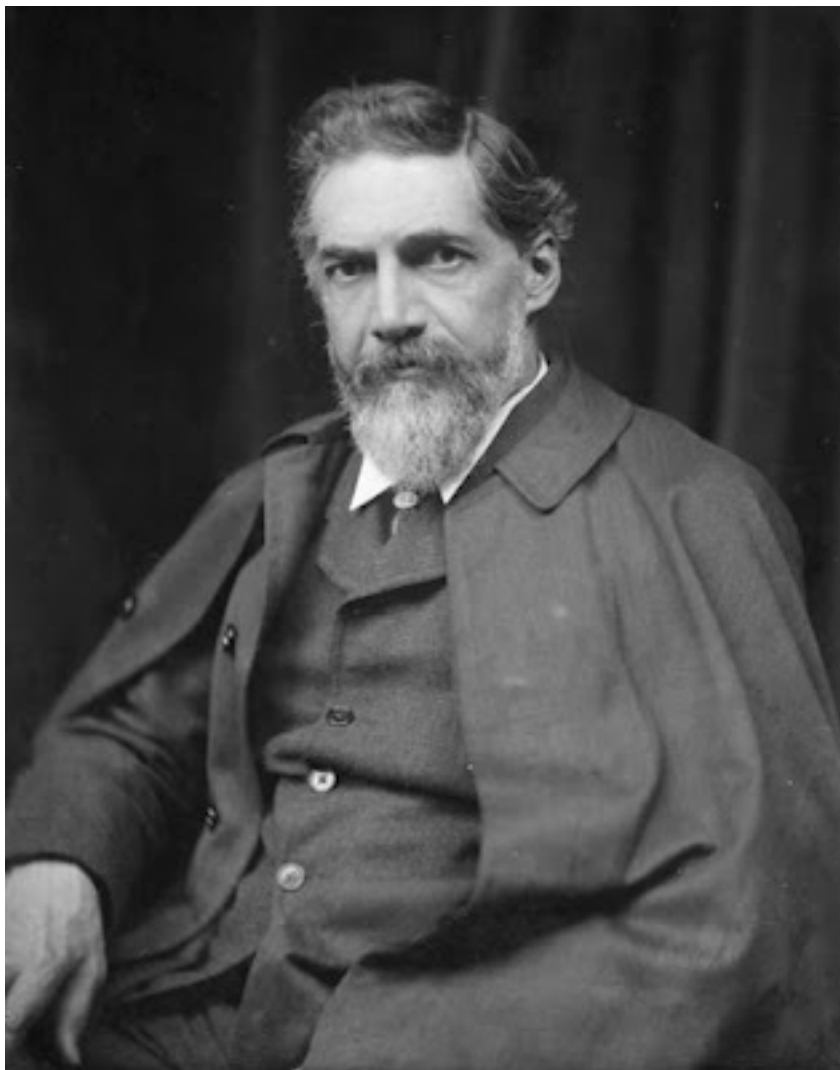
---

⁷⁵ Сергеенко Мария Ефимовна. Из жизни италийских коллегий// Вестник древней истории. 1972. № 4 (122). С... 135.

какой, относительно высокой, ступени развития достигает в коллегиях и организация взаимного страхового обеспечения, и иные вопросы имущественных правоотношений.

Американский историк У. Мэйс констатировал, что похоронные общества Древнего Рима предоставляли раннюю форму страхования жизни. Применялись и ежегодные рентные облигации, а также относящиеся к ним актуарные таблицы, датированные примерно 220 годом н. э., которые упоминаются в таблицах смертности, составленных древнеримскими юристами Ульпианом (Ulpian) и Масером (Macer)⁷⁶.

В хорошо сохранившемся перечне домашнего имущества солдата Сенефру (Senefru), сына Геры (Hera), обнаруженном несколько лет назад известным британским профессором Флиндерсом Питри (Flinders Petrie) в Кахуне (Kahun)⁷⁷, найдено примечательное

Флиндерс Питри

упоминание о гильдии кладбищенских каменотесов⁷⁸.

---

⁷⁶ Mays Walter J. ASA. «Ulpian's Table», Actuarial Research Clearing House (Society of Actuaries), Vol. 2, 1979. P. vi-x.

⁷⁷ Кахун (так же Иллахун, Эль-Лахун) — древнеегипетский некрополь, расположенный в 16 км южнее Файюма, Египет. Главной достопримечательностью местности является пирамидальный комплекс Сенусерта II (пирамида в Лахуне), который расположен вблизи деревни Аль-Лахун (араб.: نوهال), по названию которой и был назван некрополь.

⁷⁸ Kahun Papyri (Папирус Кахуна) — также Petrie Papyri или Lahun Papyri, legal documents, Census of Household, No. 47,

Поскольку женщины не могли работать каменотесами и, соответственно, не могли войти в состав гильдии, которая, похоже, формировалась по профессиональным признакам, вполне вероятно, их связь с указанной гильдией состояла в намерении получить выгодные погребальные услуги для себя в случае смерти. Хорошо известно, как трепетно египтяне относились к могилам и обрядам погребения.

Ветеранские общества. Кроме гражданских обществ существовали также общества, состоявшие из ветеранов, которые увольнялись в отставку или в запас с военной службы. Эти ветеранские общества были довольно многочисленными и, очевидно, разрешались законодательством до времен древнеримского юриста Марциана (220 год н. э.), который утверждал, что ветеранам запрещалось формировать общества либо под предлогом религии, либо на основании клятвопринятия. Это правило подтверждается в Дигестах Юстиниана: «*Sub praetextu religionis vel sub specie solvendi voti coetus illicitos nec a veteranis temptari oportet*» — «Не допустимы противозаконные собрания, даже со стороны солдат-ветеранов, под предлогом религии, либо на основании клятвопринятия»⁷⁹.

Хотя ветераны не приветствовались в гражданских обществах, которые стремились получать финансовый доход, все же имеются свидетельства того, что в определенных профессиональных коллегиях ветераны допускались в члены и также могли быть избраны в качестве работников этих организаций.

Эти общества на самом деле являлись гражданскими обществами и по конструкции, и по задачам. К сожалению, о них существуют скудные сведения, но важно отметить, что их практика в отношении членства, управления, подписок и т. д. была идентична гражданским обществам, кроме лишь того, что членство таких клубов было ограничено лицами, которые были уволены из армии как ветераны.

Смысл существования таких ветеранских обществ до конца не ясен, но при этом Ч. Ф. Треннери предложил следующее объяснение: «Возможно, это было признание со стороны членов обычных гражданских обществ ущерба, который они могли бы понести при допуске в общество лиц, даже при увеличенной подписке, чей минимальный возраст вступления в общество составлял 46 лет, и чье состояние здоровья было ниже среднего уровня. Этот убыток был бы больше, если бы ветераны допускались на тех же условиях касательно вступительных взносов и ежемесячных подписок, поскольку другие члены, как раз ограничивались возрастом до 30 лет... Это означало бы, что тот же вступительный взнос и подписка были бы неадекватны расходам и погребальному фонду общества, которое допускает членство в 46 и более лет.

Более того, нельзя исключать тот факт, что формирование таких обществ обязано также и тому, что ветераны, потратив почти 30 лет своей жизни на армию, утратили связи с прежними друзьями и родственниками, и предпочитают войти в общество, где они встретят тех, кого интересуют те же вопросы, что не всегда имеет место в простом гражданском обществе»⁸⁰.

Впоследствии римским императором Маркианом эти общества были объявлены незаконными и запрещены. По-видимому, это произошло вследствие того, что объединения людей, обладающих военным опытом, но уже не связанных воинской дисциплиной, и не очень довольных своей жизнью, было признано опасным для государства.

Поскольку детальное изучение ветеранских обществ не привносит никаких серьезных сведений о страховой стороне деятельности римских погребальных обществ, похоже, нет необходимости вдаваться в более детальные подробности их истории⁸¹.

Plate IX.

⁷⁹ Digest. Liber XLVII, title xi, section 2.

⁸⁰ Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 25.

⁸¹ См. подробнее о таких коллегиях Halkin Léon. Les Collèges de Vétérans dans l'Empire Romain, Revue de l'Instruction Publique en Belgique. Nouvelle Série. Mons, Bruges, and Ghent, 1895–1906.

Военные общества. Эти общества, которые ограничивались военными лагерями, существенно отличались от гражданских обществ. Во-первых, они не были религиозными и практически не ограничивали себя ни в отношении решаемых задач, ни услуг, которые предоставляли своим членам. В частности, эти услуги включали в себя следующее:

(1) Денежная помощь в случае, если члены общества должны быть нести расходы в связи исполнением своих профессиональных обязанностей.

(2) Выплата определенной суммы каждому члену, который умер в период его военной службы или участия в боевых действиях

(3) Выплата меньшей суммы членам, которые были уволены со службы.

(4) Выплата определенной суммы, *nomine annularium* (именная разовая выплата), членам, которые получили увольнение со службы в качестве ветеранов.

Последняя выплата, по мнению ряда историков, представляла собой эквивалент *funeraticium*, т. е. предполагалось, что ветеран был вправе использовать сумму, полученную им по уходу на пенсию для получения членства в ветеранском обществе с тем, чтобы это общество могло достойно похоронить его в случае смерти.

В противоположность этому мнению Ч. Ф. Треннери предположил, что «услуга не являлась одним платежом, а ежегодной выплатой специальной суммы, которая в силу этого представляла собой эквивалент аннуитета»⁸².

Похоже, что сторонники той точки зрения, что эти платежи использовались как *funeraticia*, имеют предубеждение, связанное с желанием поставить военные общества в один ряд с практикой гражданских обществ. Даже в отношении гражданских обществ, как указывалось ранее, нет убедительных свидетельств того, платежи, производимые этими обществами в 3-м и 4-м веках н. э. представителям умерших членов, осуществлялись исключительно с целью компенсации погребальных расходов.

Членство каждого из этих обществ отличалось значительно как по размеру вступительных взносов и подписок, так и по предоставляемым услугам. Некоторые из этих обществ в дополнение к допуску в свои члены лиц, которые полностью квалифицировались как рядовые, оркестранты и т. п., принимали и *tirones* (рекрутов или студентов), и в этой связи они были похожи на торговые гильдии (*collegia*), которые также допускали в свои ряды учеников. Студенты обладали определенными привилегиями. Они могли оплачивать свой вступительный взнос полностью либо частично и по выбору оплачивать аналогичную пропорцию ежемесячных подписок. Соответственно, они имели право пользоваться услугами членства пропорционально сумме оплаченной подписки.

Рассмотрим эти общества более детально на примере коллегии «*College of Cornicines*⁸³ at *Lambæsa*» (древний город-государство Ламбоуса или Ламбеза на Кипре).

---

⁸² Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 26.

⁸³ Cornicine — Корнисин или корницен (римский горнист) был младшим офицером (или унтер-офицером) в римской армии. Его работа состояла в том, чтобы дублировать приказы офицеров солдатам. Корнисины играли на корну. Они всегда шли во главе центурии с тессерарием (дозорный) и сигнифером (нес эмблему когорты). Корнисины также использовались в качестве помощников центуриона.

Корнисин (младший офицер римской армии)

Это общество, которое состояло из 36 членов, работало по следующим направлениям.

При вступлении каждый полноправный член был обязан оплатить вступительный взнос в 750 динариев, а каждый новобранец или рекрут сумму поменьше. Вероятно, что с каждого члена также взимался ежемесячный сбор.

Член общества при переводе в другой легион по морю мог получить, будучи пехотинцем, 200 динариев, а кавалеристом — 500 динариев. Это правило предписывало, что каждый член должен получить 200 динариев, и что аналогичная сумма должна была выплачиваться каждому члену на случай его возвращения.

Члены коллегии, которые становились ветеранами, получали 500 динариев в качестве *nomine anularium* (именное пособие при выходе из общества или коллегии).

Каждый член, который повышался в звании, получал 500 динариев.

В случае смерти члена общества его наследник или агент получал 500 динариев.

Любой член коллегии, который увольнялся со службы, получал 250 динариев.

Scannarium (сумма для вступления в общество) включала в себя вступительный взнос в размере 750 динариев. Правда, сомнительно, что уплата этого взноса исчерпывала финансовые обязательства членов общества, либо с них взимались дополнительно периодические сборы. Ясно лишь то, что большинство, если не все, гражданских обществ назначали ежемесячные сборы в дополнение к вступительному взносу и прекращали членство тех, кто не оплачивал их своевременно. Известный французский историк-антиковед Р. Канья (René Cagnat) придерживается мнения, что *scannarium* состояла из двух частей: (1) вступительный взнос и (2) ежемесячные сборы⁸⁴.

---

⁸⁴ См. Cagnat Rene. L'Armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs. Paris, 1892 and 59

Что касается услуг, то здесь более-менее все понятно, однако, следует заметить, что выплата 500 динариев в случае смерти члена общества должна была производиться наследнику или агенту, и что нет ссылки на то, как это должно было осуществляться. По мнению Ч. Ф. Треннери, маловероятно, что рядовой солдат, который получал сравнительно большую сумму денег для использования ее по своему усмотрению, сохранял ее на похоронные нужды, потребность в которых могла наступить много лет спустя, а трата таких денежных средств по своему усмотрению позволяла ему еще и зарабатывать на жизнь. Когда младший офицер или унтер-офицер умирал на службе, выплата тратилась на его погребение, однако, по большей части член общества покидал его через несколько лет по разным причинам, и нельзя было допустить, чтобы он терял из-за этого все свои пожертвования на похоронные цели, поэтому ему, живому выплачивали сумму, на которую он бы имел право в случае своей смерти⁸⁵.

Далее, следует помнить, что закон более тщательно оберегал имущество и права солдат по сравнению с гражданскими лицами. Не забывая о том, что солдат уходил с действительной службы в запас в возрасте 46 лет и в большинстве случаев нуждался в заработке на жизнь, вполне вероятно, что деньги, получаемые ветеранами, нередко вкладывались в какое-нибудь дело или имущество, что позволяло им зарабатывать на жизнь нежели тратить на вступительный взнос в похоронный клуб.

Поскольку существовали общества, членство в которых частично либо всецело касалось ветеранов, можно допустить, что во многих случаях демобилизованный солдат действительно вступал в похоронное общество и, предположительно, платил сумму, которую он получил по увольнению со службы.

Позиция *tirones* (рекруты), о которой речь шла в последнем абзаце правил, весьма интересная. Они имели право на услуги, если платили в казну определенную сумму, при этом право на услуги начинало действовать со дня уплаты ими необходимой суммы. Правда, из уставных документов неясно, должны ли они были уплатить вступительный взнос либо только периодические сборы. В уже упоминавшемся ранее «*Corpus Inscriptionum Latinarum*» («Свод латинских надписей») встречается фраза «*item discentib(us) pro proport(ione) scamnari sui (sestertios) m(ille) n(ummos)*» — «также новобранцы выплачивают за обучение тысячу сестерций собственных денег пропорционально своим денежным средствам в виде *scamnari*», которая показывает, что рекруты или новобранцы могли уплачивать либо часть вступительного взноса (или часть всего сбора, т. е. вступительный взнос плюс периодический сбор в зависимости от значения слова *scamnarium*) и имели право получать услуги в пропорции, соответствующей размеру их фактического взноса.

Ветераны, увольнявшиеся с действительной службы, должны были получать 500 динариев в качестве *nomine anularium* (именное пособие при выходе из общества). Аналогичные выплаты, но в размере 6 000, осуществлялись квестором (казначеем) 1 января согласно правилам коллегии «*College of Optiones*» (Коллегия помощников центурионов) выходящим из нее ветеранам.

Что касается пропорций услуг к сборам, то в уже упоминавшейся коллегии «*College of Cornicines*» вступительный взнос составлял 750 динариев, а компенсации (кроме тех, которые выплачивались ветеранам) варьировались от 200 до 500 динариев, отсюда можно сделать вывод, что, вероятно, вступительный взнос был достаточным для осуществления таких выплат. Предположив, что этот ежемесячный сбор имел такую же пропорцию к вступительному взносу, как и в гражданских обществах, и взять за среднюю ставку единицу, применявшуюся в уже

Waltzing, Jean Pierre, Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains depuis les origins jusqu'à la chute de l'Empire d'Occident. Académie Royale des Sciences, des Lettres et des Baux Arts de Belgique. Vol. 50. P. 470.

⁸⁵ См. Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 212–213.

упоминавшейся Ланувийской коллегии Дианы и Антиноя, а именно, 1,25 %, ежемесячный сбор в «*College of Cornicines*» для каждого члена составлял бы 9 динариев.

Военные общества в дополнение к взаимопомощи и услугам, оплачиваемым в случае конкретных событий, предназначались для оплаты определенной суммы в случае смерти их членов, если они умирали в определенный период, а если они доживали до определенного срока, они могли рассчитывать на выплату фиксированной суммы либо оплаты аннуитета до смерти бенефициара. Первый вариант напоминает современное страхование на дожитие до 46 лет и аннуитет, первая выплата по которому производилась в среднем при достижении 46,5 лет.

Конечно, невозможно утверждать определенно, что нет данных, что гражданские общества предоставляли аналогичные услуги. Можно все-таки предположить, что они оказывали некоторые из этих услуг. Однако, поскольку в 3-м веке н. э. правительство распорядилось признать военные общества противозаконными, хотя к армии относились более снисходительно или терпимо, чем к гражданским образованиям, ясно, что, если какое-либо гражданское общество предоставляло аналогичные услуги своим членам, оно делало это скрытно от властей. Отсюда следует, что в уставах этих гражданских обществ не было ссылок на подобные выплаты, а потому и нет официальных свидетельств.

Иные формы страхования жизни. Свидетельство того, что римляне использовали ограниченную форму страхования жизни, по крайней мере, со 2-го века н. э., состоит из статутных положений, содержащихся в римском гражданском праве. Самое раннее из них относится к уже упоминавшемуся Гаю Светонию Транквиллу около 150-го года н. э., а самые поздние к времени византийского императора Василия I Македонянина (Basil I Makedonian) около 900-го года н. э. Эти положения подтверждают, что действовали определенные договоры, которые были прототипами полисов страхования жизни. Вполне правомерно утверждение, что некоторые из них явились основой для современных договоров страхования жизни.

В то же время оснований для однозначного вывода об этом нет — не представляется возможным точно сказать, идет ли речь именно о договоре страхования жизни, но при этом можно предположить, что такой договор более подходил для страхования жизни, чем для чего-либо иного. Можно также допустить, что они использовались в связи с делами о наследстве, возвратом приданого в случае смерти замужней дочери и т. д.

Наиболее обстоятельно эти вопросы исследованы С. Ф. Треннери. Например, он указывает, что в одном случае перевод термина *responsum* следующий: «если кто-либо делает оговорку «за деньги, которые должны быть выплачены мне после смерти моей дочери», его требование будет считаться законным». По его мнению, разумно предположить, что оба договора относятся к страхованию, в первом случае это страхование жизни отца в пользу дочери, а во втором — страхование жизни дочери в пользу ее отца.

Далее он отмечает, что в институты Юстиниана (опубликованные в декабре 529-го г. н. э.) добавлено положение о том, что можно заключать договор, основанный на смерти третьего лица. Существует несколько ссылок в римском праве между 2-м и 6-м веками н. э., включая одну, содержащуюся в Сборнике короля Аралика Второго, которая касалась того же вида договора. Из сравнения различных ссылок становится ясным, что договор мог быть заключен во времена Светония в очень ограниченной форме, и что ко времени Юстиниана определенные ограничения были устранены.

Анализируя положения, содержащиеся в уже упоминавшемся сборнике «*Basilicôn*», изданном императорами Василием I Македонянином и его соправителем Львом VI (Лев Мудрый) примерно в 870-920-х гг. н. э., находим, что эти договоры могли заключаться намного свободней. Один отрывок из Книги 24 можно перевести следующим образом: «В древние времена оговорки, наследственные дела и другие договоры, которые подлежали оплате после смерти (= в момент смерти), были отменены, но ради их общей полезности для человечества мы одоб-

ряем их; как было согласовано, положения, которые действовали в древности, были заменены зафиксированным обычаем»⁸⁶.

Из этого отрывка, как он считает, можно выделить несколько ценных намеков касательно анализируемых договоров. Во-первых, ясно, что наследство формировало лишь часть предмета данных договоров. Во-вторых, очевидно, что договор представлял собой длительное соглашение.

Первое замечание далее усиливается положением, содержащимся в Книге 43, которое гласит со ссылкой на договоры, в основе которых лежит обстоятельство смерти, «что оговорка в равной степени действительна как по отношению к наследству, так и любому иному договору».

С. Ф. Треннери резюмирует, что приведенные им отрывки из римского права, безусловно, содержат прямые или косвенные важные условия для заключения договора страхования жизни, в том числе:

- 1) Застрахованная жизнь.
- 2) Лицо или компания, с которыми заключен договор.
- 3) Срок действия или длительность риска.
- 4) Встречное удовлетворение в ответ на заключение договора.
- 5) Услуга.
- 6) Бенефициар (выгодоприобретатель).

Подпункты (1), (3) и (4) напрямую отражены в оговорке, например, «должны выплачиваться моей дочери после моей смерти» и «когда я умру» или «если я умру».

Подпункт (2). Из того факта, что договор или оговорка считались действительными (*utilis*), т. е. они могли быть предметом иска в Преторианском суде с целью реального исполнения, следует, что лицо или компания, гарантирующие страхование, должны быть указаны в договоре, поскольку для реального исполнения договора было необходимо, чтобы в договоре было четко указано, против кого может быть подан иск.

Подпункт (4). Для того, чтобы договор являлся эквивалентом современного договора страхования жизни, встречное удовлетворение или возмездность должно быть оцениваемым и меньше, чем сама услуга, т. е. сумма возмещения. Кроме того, обуславливалось, что удовлетворение должно было оплачиваться единовременно либо в рассрочку. Для действительности договора было необходимо, чтобы оплачивалось именно ценное удовлетворение, поскольку договор не мог вступить в силу, если он основывался исключительно на встречном добровольном обещании, а не на возмездности.

Подпункт (5). Поскольку договор считался *utilis*, т. е. действительным и потому подсудным Преторианскому суду, ясно, что сумма или полное описание услуги или суммы возмещения должно было фигурировать в договоре.

В итоге он делает общий вывод — суммируя вышеизложенное, можно утверждать, что следующие моменты подтверждают вывод, согласно которому римляне были не только осведомлены, но и практиковали систему невзаимного страхования жизни:

- 1) Продажа и покупка страхований, предусматривающих выплату определенных компенсаций после смерти, а также пожизненные аннуитеты были известны в самый ранний период Римской империи, если не раньше.
- 2) По крайней мере, римляне обладали хорошими знаниями математики и финансов, что было свойственно и людям 16-го века, которые были знакомы с договорами страхования жизни.
- 3) Они также заметили влияние климата и расы на продолжительность жизни.

---

⁸⁶ Цит. по кн. Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 30.

4) Как видно из Таблицы Ульпиана, они имели грубое представление о таблицах продолжительности жизни или вероятности дожития.

5) Они признавали ценность страхования для торговых рисков и имели форму договора, а именно, «азартное» страхование, которое можно было использовать как механизм для страхования жизни⁸⁷.

С позицией С. Ф. Треннери, в целом, можно согласиться, подчеркнув, что речь идет об интерпретации общей конструкции соответствующих договоров, которые могли применяться и в иных целях.

Здесь мы рассмотрим вопрос о том, заключались ли римлянами договоры за уплату определенной суммы денег на выплату компенсации на случай смерти конкретного лица либо лиц, которая могла наступить в течение определенного срока или когда-либо, и имели ли эти договоры сходство с современными договорами страхования жизни.

Прямые свидетельства таких договоров состоят из многочисленных записей о широко распространенной системе взаимного страхования, которое, как указывалось выше, осуществлялось похоронными клубами и, возможно, обществами, которые занимались иным страхованием. Кроме этого, существуют определенные положения в римском гражданском праве, которые подтверждают, что римляне были осведомлены и практиковали страхование жизни. Вопрос об информации, на основе которой они оценивали риски и рассчитывали тарифы, к сожалению, не имеет однозначного ответа из-за отсутствия прямых свидетельств, но, весьма вероятно, что расчеты основывались косвенно на данных о смертности, и соответственно премия несла в себе разумную стоимость риска.

Внимательное изучение правовых кодексов Вавилона, Индии, Греции и Египта не позволяет обнаружить какие-либо следы существования договоров коммерческого страхования жизни либо соответствующих обычаев среди этих народов. Поэтому невозможно найти каких-то предшественников, от которых римляне могли получить знания об этих договорах. Кроме нехватки прямых сведений относительно практики любой исследователь может столкнуться с другой сложностью в силу того, что единственные прямые свидетельства можно найти в римском гражданском праве в виде тех или иных оговорок, которые могут быть истолкованы по-разному. Данное свидетельство, которое ограничивается ответами различных юристов на вопросы, возникавшие в отношении этих договоров, и правил определенных императоров, показывает, что указанные сделки считались законными, но само по себе не подтверждает, что эти договоры вообще применялись. Более того, отсутствует прямая информация о деловых, финансовых или математических деталях данных договоров. Однако имеется косвенное свидетельство того, что римляне и их предшественники следили за влиянием смертности на стоимость страхования, что у них была материальная и профессиональная необходимость в составлении аннуитетных таблиц. Одна из них, хотя и грубо, демонстрирует четкие признаки привязки к фактической смертности и показывает, что римляне понимали в деталях систему пожизненной ренты и обладали опытом, который включал в себя практические примеры инцидентов и влияния смертности на фонды обществ, выплачивавших денежные пособия в случае смерти своих членов.

Деловые операции римлян в течение последних дней Республики, в период Империи и вообще на протяжении первых десяти веков н. э. базировались, главным образом, на кредитах, т. е. стали уходить из употребления ранние системы бартера или меновой торговли, и, благодаря развитию финансовой системы и накопления капитала семьями патрициев и лиц уровня сенаторов, хотя им и было запрещено заниматься торговлей, крупные суммы денег авансировались торговцам в предпринимательских целях. Некоторые из этих операций по займам прак-

---

⁸⁷ См. Trennery C. F. *The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry*. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 32–33.

тически представляли собой товарищества, в которых владелец денег выступал в качестве пассивного компаньона, другие операции являлись договорами бодмерей.

Как отмечалось ранее, бодмерейный займ в большинстве случаев предназначался при определенных условиях для возмещения материальных потерь заемщику. Однако заимодавец мог потерять все или часть своих денег не только в случае возникновения каких-либо инцидентов, оговоренных в договоре *pecunia trajectitia*, но и в случае смерти торговца во время его торгового путешествия. Следовательно, можно предположить, что обладатель денег, видя, что торговец считает благоразумным защитить себя от убытка, следовал его примеру и заключал договор в виде «азартного страхования» или страхования на пари, чтобы покрыть свой риск утраты по договору бодмерей, а также для получения возмещения в случае смерти торговца. Если такие договоры применялись, они в каждом случае предназначались для срочного страхования жизни торговца.

Широко практиковалась еще одна форма ростовщичества, а именно, предоставление ссуды на случай вероятных выплат после смерти, что требовало знаний и возможностей для заключения договоров по дожитию и страхования от чрезвычайных обстоятельств.

Читаем опять же у Ч. Ф. Треннери: «Благодаря чрезмерной расточительности, которая превалировала в период ранней Империи, этот обычай реализовывался в такой степени, что потребовалось законодательство, которое выявляло злоупотребления имуществом и лишало ростовщиков права на какие-либо претензии на получения возврата денег в случае страхования жизни на пари. Существование весьма многочисленных операций подобного рода в последние дни Республики и в период ранней Империи приводит к мысли о том, что поскольку идея получения гарантии компенсации на случай риска в результате деловых операций возникла у римлян, что свидетельствуется в некотором смысле договорами бодмерейных займов и другими операциями, напомиравшими реальное страхование, ростовщики изменили некоторые способы защиты себя от определенных убытков, которые могли перейти на них в случае, если их клиенты умирали до унаследования долей в бизнесе своих отцов. Конечно, нельзя утверждать и то, что такой вид ростовщичества мог осуществляться без какой-либо системы страхования жизни; при этом предполагается, что такие займы могли оформляться с большей определенностью с точки зрения их стоимостей, если заимодавец мог застраховать себя от убытка, вызванного смертью лица, которому он предоставил займ, и что, если собственники денег и ростовщики приняли некую систему взаимного распределения убытков в ходе их инвестиций, существует большая вероятность того, что и практика займов становилась более адаптированной к потребностям общества. Далее, каждая покупка или продажа страхования на случай смерти требовала соответствующих расчетов в зависимости от страхования на дожитие или страхования от чрезвычайных обстоятельств»⁸⁸.

В дополнение к выгоде, которую получали ростовщики с помощью практики страхования жизни, существовали определенные преимущества, которыми могли воспользоваться и иные лица. В случае с людьми свободных профессий, лицами, которые получали аннуитеты, торговцами, связанными с морскими перевозками, ясно, что страхование, либо его эквивалент, считалось для них важной услугой. Римляне, знакомые со страхованием на пари в отношении товаров, не нуждались в дополнительных мотивациях для того, чтобы застраховать себя и на случай смерти. Предположив, что римское общество достигло такого уровня развития, вполне вероятно допустить, что они включали риск смерти в результате естественных причин в число рисков, покрываемых договорами, эквивалентными сегодняшнему срочному страхованию жизни. При этом сложно однозначно утверждать, что римляне и их юристконсульты четко различали разницу между «если он умрет» и «когда он умрет», т. е. между срочным

---

⁸⁸ Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 148–149.

страхованием жизни и страхованием на дожитие. Отсюда можно предполагать, что римляне расширили свою систему «азартного страхования» до включения в нее срочного страхования жизни, и тем самым, были знакомы с примитивной формой страхования на дожитие.

Хотя отсутствуют прямые свидетельства того, что древние нации учитывали и использовали статистику естественного движения населения (рождаемость, смертность, браки) в своих коммерческих целях, все же имеется много интересных ссылок на разные периоды в жизни людей, на возраст, когда человек может умереть, и на тот факт, что вообще все мы смертны, т. е. проблемы, связанные с продолжительностью человеческой жизни, подвергались определенному исследованию.

Ч. Ф. Треннери по этому поводу замечал: «Интересно отметить, что во всех классических ссылках на большее или меньшее долгожительство речь идет о прямом влиянии климата или национальных условий, в то время как в библейских ссылках на продолжительность жизни долгожительство трактуется как награда, предвкушаемая за строгое соблюдение религиозных заповедей евреев безотносительно климата, и вопрос не стоит и о национальности, поскольку Ветхий Завет предназначался исключительно для евреев»⁸⁹.

Можно утверждать, что расчеты, требовавшиеся для установления значений аннуитетов, подписок на похоронные фонды и клубы, в которых члены страховали друг друга на взаимной основе, а также единичные или периодические выплаты по случаю смерти либо в течение определенного срока на случай наступления оговоренного риска, требовали большего объема знаний математики и финансов. Не только римляне, но и ряд других народов древности имели достаточные знания финансовых методов разрешения таких вопросов, не с научной точностью современных актуариев, а весьма приблизительно, а также то, что они либо достигли такого уровня знаний, который позволял рассчитывать таблицы значений, либо они могли привлекать греческих или александрийских математиков в этих целях. Так, в конце 1-го века н. э. арифметика стала настолько важной наукой, что потребовало издания специального учебника. Соответственно, в Александрии около 100 года н. э. Никомах Герасский (Nicomachus — из Герасы, ныне Джараш в Иордании) опубликовал свой трактат по арифметике «Введение в арифметику» (Ἀριθμητικὴ εἰσαγωγή), за которым последовала в 300 году н. э. Алгебра Диофанта (Diophantus).

---

⁸⁹ Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 145–146.

«Введение в арифметику»

Эти две работы сохраняли свое значение в качестве стандартных учебников вплоть до 16-го века н. э. Далее, в дополнение к знаниям арифметики и алгебры римляне на протяжении длительного периода времени использовали абак (abacus — счётная доска, применявшаяся для арифметических вычислений приблизительно с V века до н. э. в Древней Греции, Древнем Риме), с помощью которого они разработали сложные арифметические расчеты.

Кроме этого, римляне были знакомы с теорией финансов, т. е. они понимали и постоянно применяли следующие финансовые методы использования денег и ведения учета своих операций: простые и сложные проценты, депозиты, займы, ценные бумаги, векселя, оплата в рассрочку, валютные операции и т. д., торговля (корреспонденты и агенты, вояжеры, распределение прибыли, ответственность партнеров и т. п.).

К приведенным аргументам следует добавить ещё один — как известно, эпоха Возрождения по сути представляла собой возврат в сфере науки и культуры к достижениям Древней Греции и Древнего Рима. Соответственно, есть весомые основания считать, и что известные в древности страховые технологии могли быть заимствованы народами средневековой Европы. В пользу данного тезиса говорит и тот факт, что известные нам наиболее ранние договоры страхования свидетельствуют о достаточно хорошем понимании их участниками основ страховой защиты от тех или иных рисков.

Таблицы значений аннуитетов. Хотя нет никаких упоминаний о попытках римлян составить таблицу смертности или цен подписки, оплачиваемых членами похоронных клубов, все же сохранились записи о двух таблицах, которые были санкционированы гражданским правом в части капитализации аннуитетов. Необходимость в таких таблицах возникала из поло-

жений Закона Фальцидия⁹⁰ (40 год до н. э.), согласно которому наследник или наследники, назначенные в завещании, должны были получить без обременения ее легатами⁹¹ не менее $\frac{1}{4}$ всего имущества, оставленного завещателем, так называемую Фальцидиеву четверть (*quarta Falcidia*).

В подобных случаях было необходимо, чтобы стоимость наследства была пропорционально уменьшена, чтобы общая стоимость не превышала $\frac{3}{4}$ всего наследуемого имущества. При простом наследовании подобное уменьшение не представляло сложностей, но когда завещатель оставлял пожизненную ренту одному или более наследникам, возникал вопрос об основании снижения размера таких аннуитетов. Для удовлетворения такого требования было необходимо капитализировать аннуитеты или превратить их в капитал, и в этих целях использовалась таблица значений аннуитетов, известная как «*Macer's Table*» («Таблица Мацера», или Макра)⁹². Данная таблица была узаконена в *Responsum* («Ответ») римского юрисконсульта Мацера, который, в свою очередь, санкционировал применение другой, более точной таблицы, авторство которой приписывается уже упоминавшемуся Ульпиану⁹³. В Таблице Мацера значения носят фактически произвольный характер, то таблица Ульпиана, судя по всему, основана на более точных расчетах.

Похоже, что Таблица Ульпиана была составлена с непосредственной ссылкой либо на статистику смертности, либо на данные подписок, при этом не ясно, каким образом формировалась сама таблица. При внимательном изучении можно прийти к выводу о том, что, если значения таблицы представляют собой среднюю продолжительность жизни при достижении соответствующего возраста, то показатель смертности в Риме был намного выше, чем сегодня. Сама таблица включает в себя последовательность значений, которые не могут представлять истинные значения либо e_x , либо a_x , где e_x — средняя продолжительность предстоящей жизни населения, достигшего x -лет, или ожидаемая продолжительность жизни в возрасте x -лет, а ax — ширина возрастного интервала.

То же самое, если допустить, что в расчет значений был включен фактор процентов, и что соответственно эти значения представляют собой значения аннуитетов, а не значения средней продолжительности жизни.

Хотя таблица Мацера была менее точной, все же, судя по всему, она имела более широкое хождение, возможно, потому, что ее было легче запомнить, а также в силу того, что она имела меньшие значения для всех возрастов сверх 50 лет. В первоначальной форме согласно Мацеру значение аннуитета для лица в возрасте 60 лет и более равнялось нулю, в то время как в таблице, представленной в уже упоминавшейся ранее «Базилике», это значение для 60 лет и более составляло пятикратную величину годовой выплаты. Похоже, что последняя таблица неточная, поскольку невероятно, что лицо в 59 лет получит одну годовую выплату, а лицо, скажем, в 61 год будет иметь право на пятикратную годовую выплату. Поэтому, более вероятно,

---

⁹⁰ Семья Фальцидиев была плебейской (т. е. низкого происхождения). Она известна, главным образом, по Гаю Фальцидию и Публию Фальцидию, которые оказали большое влияние на развитие римского права в 1-м веке до н. э. Гай Фальцидий — трибун плебеев и легат. О нем упоминает Цицерон в своей речи в пользу Закона Манилии (*Lex Manilia*), принятого в 66 году до н. э. Публий Фальцидий, трибун плебеев в 40 году до н. э., являлся автором Закона Фальцидия о легатах (*Lex Falcidia de Legatis*), который действовал вплоть до 6-го века н. э., когда он был включен в Институты Юстиниана

⁹¹ Легат (от лат. *legatus, legare* — предписывать, назначать, делегировать) — в римском праве специальная форма для указания в письменном или устном завещании дара в пользу конкретного лица (легатария), которое должно было обладать совершенной пассивной завещательной способностью. Легатарий получал легат после выплаты из наследственной массы всех долгов завещателя. Размер этого дара вычитался из оставшейся наследственной массы, и лишь после такого вычета наступала очередь остальных наследников. Второе значение слова «легат» — посланник римского сената.

⁹² Эмилий Мацер, жил в середине 3-го века н. э. Он разработал таблицу для закона *lex Julia de vicesima hereditatum*, который предусматривал пятипроцентный налог на наследуемое имущество.

⁹³ См. *Digest. Liber XXXV, title ii, para 68.*

что все лица старше 55 лет получали пятикратную выплату в качестве капитализированных значений своих аннуитетов.

Несмотря на простоту применения таблицы Мацера, вполне понятно, что использовалась и таблица Ульпиана, что, на наш взгляд, подтверждается ее применением в качестве официальной таблицы аннуитетов в Северной Италии до конца 18-го века.

Римские договоры о выплате на случай смерти человека. Выше было показано, что римляне знали о преимуществах совместного формирования фондов в целях компенсации расходов на погребение, что, вероятно, взаимное страхование жизни развилось из выплат на погребальные расходы и широко практиковалось под прикрытием таких платежей. Отсюда можно утверждать, что, если римляне изучали стоимость страхования жизни, похоронные или религиозные общества удовлетворяли все требованиям и считали необязательным развивать дальше страхование путем изменения системы страхования жизни, не основанного на взаимности.

Из различных ограничений и недостатков, свойственных клубному страхованию, видно, что данный вид страхования не был приспособлен для удовлетворения требований лиц, кроме тех, кто хотел получить гарантированную выплату небольшой суммы их представителям на случай смерти этих лиц. То, что эти лица стремились постоянно получать от этих клубов или обществ большие суммы, видно из того факта, что членство ограничивалось лишь одним обществом, тем самым, лимитруя сумму услуги, которую мог получить человек. Опять же, то, что запрещалось обществами, считалось абсолютно правомерным вне их рамок. Единственным известным тогда инструментом являлось «азартное страхование», которое осуществлялось на конкретный срок от определенных рисков. Поскольку идея страхования на дожитие реализовывалась похоронными обществами, и практиковалось имущественное страхование от морских и иных рисков, о которых будет сказано ниже, вполне вероятно, что лицо, которое хотело защитить себя на определенный срок, делало это с помощью «азартного полиса» или на пари, и при расширении системы страхования на пари, это лицо могло при желании заключить договор на компенсацию в случае его смерти, когда бы она не наступила.

Похоже, что такие договоры были весьма распространенными, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки в римском гражданском праве. По-видимому, эти договоры не имели связи с завещаниями либо наследством, поскольку в законах Юстиниана и предшествующих сборниках права, они не упоминаются в разделах, касающихся завещаний. Более весомым аргументом является указание в Институтах Юстиниана на то, что договоры могли предусматривать выплату на случай смерти третьих лиц.

Отметим, мнения юрисконсультов и положения законов о таких договорах написаны ясным и четким языком, что также говорит в пользу широкой известности подобных сделок.

Римское гражданское право не претендовало на то, чтобы быть полным или исчерпывающим сводом всех местных и частных законов, которые имели хождение в Римской империи. Поэтому не следует ожидать, что ответы юристов (почти полностью соответствовавшие мнению Совета) давали детальное описание договоров протострахования или способ их заключения и исполнения. Все, что можно было найти в каждом конкретном случае, так это мнение юриста по вопросу или вопросам, адресованным именно ему. Как отмечалось ранее, эти ответы признают действительность оговорок, обуславливавших выплату компенсации на случай смерти одной из договаривающихся сторон либо лица им назначенного.

Большинство развернутых ответов, касающихся вопросов, которые возникали из договоров протострахования в римском праве, либо намеков на них, относятся к уже упоминавшемуся неоднократно Ульпиану.

Наиболее интересны в этом плане «ответы» Ульпиана другому римскому юристу Сабину. Они содержат более детальную информацию в отношении анализируемых договоров, нежели Институты и Кодекс Юстиниана.

Основу *utilis action* (действующее соглашение), которое могло исполняться непосредственно перед претором Древнего Рима, формировали следующие положения:

«*Ulpianus libro 50 ad Sabinum.*

pr. Quodcumque stipulatur is, qui in alterius potestate est, pro eo habetur, ac si ipse esset stipulatus.

1. Sicuti *cum morietur* quis stipulari potest, ita etiam hi, qui subiecti sunt alienae potestati, *cum morientur* stipulari possunt.

2. Si ita quis stipulatus sit: «*post mortem meam filiae meae dari?*» vel ita: «*post mortem filiae meae mihi dari?*», *utiliter* erit stipulatus: sed primo casu filiae utilis actio competit, licet heres ei non existat.

3. Non solum ita stipulari possumus: «*cum morieris*», sed etiam: «*si morieris*»: nam sicuti inter haec nihil interest «*cum veneris*» aut «*si veneris*», ita nec ibi interest «*si morieris*» et «*cum morieris*».

«Что бы одно лицо не согласовывало в пользу другого лица, которое имеет контроль над этим [первым] лицом, будет считаться, как если бы последнее лицо само выдвинуло такое условие.

1. Поскольку каждый может оговорить условие «когда он умрет», тогда также и те, кто имеет полномочия от других, могут выдвинуть такое условие, что любое их действие вступит в силу на момент их смерти.

2. Если кто-либо формулирует условие следующим образом: «Ты обещаешь заплатить моей дочери после моей смерти?» либо «Ты обещаешь заплатить мне после смерти моей дочери?», такое условие будет считаться действительным; но в первом случае дочь будет иметь право на иск, основанный на праве справедливости, хотя она может и не быть наследницей своего отца.

3. Мы может оговаривать не только: «когда ты умрешь», но и также: «если ты умрешь», поскольку нет разницы между: «если ты умрешь» и «когда ты умрешь»⁹⁴.

Таким образом, соглашение могло быть заключено на случай смерти лица. Это мог быть и договор о выплате определенной суммы на случай его смерти, и в этой ситуации это может касаться:

а) либо наследства, либо продажи собственности, владение которым остается за ним в течение его жизни и передается наследнику в случае его смерти, или

б) выплаты денежной суммы его представителям после его смерти, когда имеется указание застрахованного лица, риска, срок исполнения договора после его смерти и выплата встречного обеспечения.

Возможность совершения такого договора предоставлялась не только дееспособным гражданам, но и лицам, находящимся под контролем других. Чтобы должным образом оценить значение этого правила, нужно напомнить, что до самого позднего периода римской истории главы семейств (*paterfamilias*) имели практически неограниченную правовую власть над своими наследниками, кроме замужних дочерей, и над своими женами, детьми и имуществом. Также главы семей традиционно передавали свои права сыновьям, особенно, если их сыновья женились.

Выгоды, предоставлявшиеся данными оговорками, были весьма ценными. Например, лицо *subjectus patris potestati* (по разрешению властей) могло заключить договор страхования на дожитие, но оно не могло сделать это без специальных полномочий.

Важно подчеркнуть, что лицо могло застраховать свою жизнь в пользу третьего лица и что оно могло сделать это в отношении дочери, но существует сомнение, действовала ли данная форма договора в случае, если лицо страхуется в пользу дочери. Вполне вероятно, что такой договор признавался действительным, если бы бенефициаром назначалась его жена или сын.

---

⁹⁴ Digest. Liber XLV, title i, section 45 (Ulpian).

Возможно, что такой договор распространялся на более дальних родственников и даже не родственников. Разрешается также договор, предусматривавший компенсацию в случае смерти его дочери в пользу страховщика.

Опять же, здесь возникает вопрос о степени распространения права страховщика застраховать жизнь третьей стороны, и не исключено, что такое право распространялось лишь на самых близких родственников. Но то, что это было не так, подтверждается отрывком из Институтов Юстиниана, который четко устанавливает, что действительность соглашения зависит от смерти другого лица (*post mortem alterius*). Читаем: «*Item post mortem alterius recte stipulamur*» — «Мы также вправе оговаривать какую-либо выплату или совершение каких-либо действий после смерти другого лица»⁹⁵.

Такой договор о выплате лицу в случае смерти его дочери можно рассматривать, как договор по возврату ее приданого в случае ее смерти. Если бы договор прописывался в разделе о приданом либо вообще описывался отдельно, подобное объяснение было бы весьма обоснованным. Однако это не так. Договор, очевидно, представлял собой вариант другой сделки в той же оговорке, которая выделена словами «*vel ita*» — «так или иначе». Поскольку первый договор, похоже, не имеет отношения к возврату приданого, следует, что и второй договор также, если не предположить, что Ульпиан поместил по соседству, как часть одного и того же предложения, два договора, которые касаются абсолютно разных вопросов.

Видно, что при допуске условий, которые основывались на фразе «если ты умрешь», лицо, которое соглашалось платить деньги в случае смерти другого лица либо получить деньги в случае своей собственной смерти, было вправе заключить: а) срочное страхование жизни, и б) страхование на период существования определенных рисков.

То, что эта форма условия не только могла, но и должна была подразумевать срочное страхование, вполне ясно, поскольку, благодаря тому факту, что каждый должен умереть, слова не несут смысла, если период, на который застрахована жизнь, не лимитирован, иначе жизнь не вечна, и, соответственно, должна быть выплачена оговоренная сумма. Из этого следует, что страхователь мог заключить строчное страхование жизни; он также мог в случае дожития сделать это и во второй раз после истечения первого срока, и, вероятно, и в третий раз с учетом увеличения каждый раз стоимости полиса. Вполне возможно, что при заключении таких соглашений можно было оговорить право продлить срок действия защиты от риска за дополнительную премию. Опять же, такое условие могло использоваться для страхования от чрезвычайных обстоятельств, которое бы возмещало расходы в случае, если «А» умирал в течение жизни некоего «В». То, что нет ссылок на такой договор, конечно, является сильным аргументом против существования таких договоров, хотя такой вывод неоднозначен. Как бы то ни было, такой договор мог заключаться на законной основе.

Приведем ссылки в римском праве на положения, которые основывались на смерти либо одной из договаривающихся сторон, либо третьей стороны:

До разделения Римской империи на Восточную и Западную империи.

А. Гай Фальцидий: *Комментарии*, том 1, титул 3, секция 100, примерно 150 год н. э. (Гай включен в Сборник короля Аларика Второго — *Breviary of Aaralic II*, титул 9, §§ 7 и 8, примерно 150 год н. э.)

(Ульпиан включен в Дигест Юстиниана, Книга 45, титул 1, секция 45, примерно 225 год н. э.).

Западная Римская империя.

Б. (Гай) Сборник Аларика Второго, том 2, титул 9, §§ 7 и 8, примерно 500 год н. э.

3. Восточная Римская империя.

В. Кодекс Юстиниана, Книга 8, титул 38, §§ 11 и 15, апрель 529 года.

⁹⁵ Institutiones of Justinian. Liber III, title xix, section 16

Дигест Юстиниана, Книга 45, титул 1, секция 45 (Ульпиан). Декабрь 533 года н. э.

Институции Юстиниана, Книга 3, титул 20, §§ 13, 15, 16 и 17. Декабрь 533 года н. э.

Г. Базилика (*Basilikôn*), Книга 24, титул 3, секция 19; Книга 43, титул 1, секция 42; Книга 43, титул 5, секция 2.

Из данного перечня видно, что рассматриваемая практика протострахования жизни, существовала во 2-м — 10-м веках н. э. Хотя изначально договор был весьма примитивным и основывался на простом гадании касательно характера услуги или компенсации, то постепенно его форма совершенствовалась и учитывала систему расчетов стоимости такого договора.

Анализируя ссылки, указанные в таблице, в их хронологическом порядке, первыми для исследования являются «Комментарии» Гая Фальцидия. В период, когда Гай составлял свои «Комментарии», Римская империя находилась в зените своего процветания. Поэтому разумно предположить, что среди граждан существовал запрос на механизмы, с помощью которых человек мог заключить договор, по которому он платил или получал сумму денег в случае своей смерти либо смерти другого лица. Возникали случаи, требовавшие обращения к консулу или в суд. Юрисконсульты, к которым направлялись подобные вопросы, рассматривали их исключительно в правовом аспекте, поскольку вряд ли они были хорошими математиками или глубоко разбирались в тонкостях экономики такой деятельности.

Из «Комментариев» Гая видно, что, хотя он не отвергал такие договоры, тем не менее, он основывал свое мнение на том, что подобные сделки неправомерны, если они негативно влияют на статус наследника или наследников любой из их сторон. Он утверждал, что все договоры, заключенные по форме: «Ты обещаешь, что ____ будет выплачена после моей смерти?» либо «Ты обещаешь, что ____ будет выплачена после твоей смерти?», являются недействительными на том основании, что недопустимо возлагать обязательство на наследника. Также он считал, что такие оговорки, как «Ты обещаешь, что ____ будет выплачена за день до моей смерти?» или «за день до твоей смерти?» являлись неправомерными, потому что в этом случае дата, на которую полагается выплата, может быть известна лишь в момент смерти, когда более приемлемой является фраза «Ты обещаешь, что ____ будет выплачена моему наследнику?». В то же время Гай считал, что договоры, основанные на формах «Ты обещаешь, что ____ будет выплачена *когда* я умру?» либо «Ты обещаешь, что ____ будет выплачена *когда* ты умрешь?», являются действительными, поскольку в этих случаях обязательство наступает в самый последний момент жизни стороны договора или лица, дающего обещание.

Не известно, сам ли Ульпиан намеревался высказать благосклонное мнение в отношении данного вопроса или нет. Даже если Ульпиан делал различие между разными формами подобных договоров по аналогии с Гаем, то Юстиниан игнорировал эти различия и использовал «Ответы» Ульпиана для признания правомерности таких договоров.

Западная Римская империя. Аларик Второй, император Западной империи, в свои законодательные положения или, как их иногда называют «стипуляции», приложил позицию Гая, касающуюся недействительности договоров по выплате денег *post mortem meam* («после моей смерти») или *tuam* («твоей смерти») либо *pridie quam moriar* или *moriaris* («накануне моей смерти») или («твоей смерти»), но не указал, что такие стипуляции нарушают права наследников. Следует заметить, что лицо, которое оговаривало выплату денег, рассматривается в качестве кредитора, а другая сторона договора, которая обещала оплату, называлось дебитором. Похоже, что стипуляции Аралика были четко направлены против ростовщиков, поскольку его закон делал бесполезными договоры по обратному возврату прав на имущество (договоры реверсии). Однако, вполне возможно, что эти термины использовались в бухгалтерском смысле, и что *debitor* означало лицо, которое получило встречное удовлетворение (премию) в ответ на свое обязательство выплатить оговоренные деньги, и, аналогично, что *creditor* означало лицо, которое оплачивало премию. Подобная ссылка на стороны договора встречается только в привязке к вышеупомянутым договорам, а во всех иных стипуляциях Аралика

стороны попросту не описываются. На другую форму договора (т. е. *cum moriar* или *moriaris* — «когда я умру» или «ты умрешь»), которую Гай считал правомерной, в Сборнике Аларика ссылок нет. Это упущение имело место либо в силу того, что эта вторая форма использовалась постоянно, поскольку не требовала последующего законодательного разрешения, либо от ощущения, что все договоры, касавшиеся смерти людей, считались аморальными и противоречащими благосостоянию империи. Как бы то ни было, отсутствие свидетельств не дает возможности четко объяснить данную ситуацию. Похоже, что имело место жесткое противодействие со стороны церкви, которая выступала категорически против любых финансовых, необязательно коммерческих, обязательств, связанных со смертью людей.

Восточная Римская империя. В «*Corpus Juris Civilis*» Восточной империи можно найти несколько разделов, касающихся договоров или стипуляций, предметом которых являлась смерть человека. Первая секция по дате опубликования находится в Кодексе Юстиниана и, очевидно, ссылается на «Комментарии» Гая касательно таких стипуляций. Обратимся к оригиналу, где император Юстиниан отвечает преторианскому префекту Менна:

«*De inutilibus stipulationibus.*

38.11

Scrupulosam (veterum) inquisitionem utrum post mortem an cum moreretur vel pridie quam moreretur, stipulates sit aliquis, vel in testamento legati, vel fidei comissi nomine aliquid dereliquerit, penitus amputantes omnia quæ vel quocumque contractu, vel stipulate, vel pacti sunt contrahentes, vel testator in suo testament disposuerit etiamsi post mortem, vel pridie quam moreretur, scripta esse noscuntur; nihilominus pro tenore contractus, vel testament valere præcipimus.

«Заклучение стипуляции.

Мы намерены абсолютно устранить определенные технические трудности древних, а именно: что, если кто-либо заключает стипуляцию или оставляет что-либо по наследству, либо по доверенности, на условиях своего завещания, со словами: «После моей смерти», «На момент моей смерти» или «Накануне моей смерти», мы постановляем, что всё, включенное в стипуляцию, договор, соглашение или распоряжение со стороны наследодателя в его завещании, которое должно вступить в силу после его смерти либо накануне его смерти, тем не менее, будет считаться правомерным в соответствии с содержанием указанного договора либо завещанием»⁹⁶.

То есть Юстиниан постановляет, что все такие договоры, даже, если в их основе лежат формулы «после смерти» или «накануне смерти», являются действительными. Из этого правила Юстиниана, ясно, что юристы его времени намеревались игнорировать тонкие различия, прописанные Гаем и другими авторами тех работ, которые не сохранились до времен Юстиниана. Такая тенденция более свободного и широкого толкования договоров наиболее четко проявляется в более поздних законах Юстиниана, а также уже упоминавшихся византийского императора Василия I Македонянина и Леона VI.

В своих Институциях Юстиниан касается того же вопроса, но более детально:

«*De inutilibus stipulationibus.*

13. *Post mortem suam dari sibi nemo stipulari poterat, non magis quam post eius mortem a quo stipulabatur. ac ne is qui in alicuius potestate est post mortem eius stipulari poterat, quia patris vel domini voce loqui videtur. sed et si quis ita stipuletur, ' pridie quam moriar ' vel ' pridie quam morieris dari? ' inutilis erat stipulatio. sed cum, ut iam dictum est, ex consensu contrahentium stipulationes valent, placuit nobis etiam in hunc iuris articulum necessariam inducere emendationem, ut, sive post mortem sive pridie quam morietur stipulator sive promissor, stipulatio concepta est, valeat stipulatio.*

15. *Ita autem concepta stipulatio, veluti si Titius dicat ' cum moriar, dare spondes? ' vel ' cum morieris ', et apud veteres utilis erat et nunc valet.*

⁹⁶ Code of Justinian. Liber VIII, title xxxviii, section 11.

16. *Item post mortem alterius recte stipulamur.*

17. *Si scriptum fuerit in instrumento promisisse aliquem, perinde habetur, atque si interrogatione praecedente responsum sit».*

«Не имеющие силы стипуляции.

§ 13. В предшествующие времена никто не мог выставить условие, что что-то должно быть выплачено ему после его смерти, как и то, что он может что-то получить после смерти лица, к которому он заключил договор. Никто не мог, будучи под контролем [опекунством] другого лица, обусловить, что такое же действие должно быть произведено после смерти последнего, потому что понимается, что он говорит голосом своего отца или хозяина. Опять же, если кто-либо ставит условие: «Заплатишь ли ты накануне моей смерти либо накануне своей смерти?», такая стипуляция считалась недействительной. Но поскольку стипуляции действуют по согласию договаривающихся сторон, (как уже было сказано), мы решили внести необходимое изменение в эту часть закона с тем, чтобы стипуляция считалась действительной, если она содержит условия «после смерти» либо «накануне смерти» того, кто заключает стипуляцию или дает обещание.

§ 15. Стипуляция, выраженная следующим образом, считалась действительной среди древних и считается таковой и сейчас; например, если Титий спросит: «Ты обещаешь заплатить, когда я умру либо когда ты умрешь?».

§ 16. Мы также вправе обусловить какую-либо выплату или исполнение чего-либо после смерти другой стороны.

§ 17. Если где-либо сказано, что определенная сторона дала обещание, это считается равнозначным тому, как если бы ответ был дан на предыдущий вопрос»⁹⁷.

Здесь обсуждается вопрос действительности стипуляций, основанных на формуле «накануне моей/твоей смерти». Причиной пересмотра являлось то, что стипуляции получали правовую действительность от того, что они базировались на взаимном согласии сторон договора, и что, соответственно, Юстиниан был рад изменить прежний закон. Такие положения Институций позволяют допустить, что во времена Юстиниана:

1) существовала практика стипуляций или заключения соглашений на выплату денег в случае смерти одной либо обеих сторон;

2) такие стипуляции могли заключаться в отношении другой стороны, т. е. в отношении некой третьей стороны, и

3) важными считались решения, касавшиеся особых форм договоров или стипуляций.

Первый из этих подпунктов вполне понятный, поскольку в нем напрямую утверждается, что древними (*apud veteres*) определенные стипуляции объявлялись действительными. Что касается второго подпункта, который соотносится с § 16 Институции Юстиниана, то здесь следует вернуться к стипуляциям, которые звучат как «Ты обещаешь заплатить мне после смерти моей дочери?» или «Ты обещаешь заплатить моей дочери после моей смерти?» и которые признавались Ульпианом законными, и соответственно подтверждались Юстинианом и Василием Первым. При этом данные признания можно рассматривать как особые разрешения, предоставляемые отцам, но, если бы не было привязки к отцам, можно предположить, что общее правило позволяло заключать подобные стипуляции в отношении жизни другого лица. Интересно отметить, что это единственное место в Своде гражданского права (*Corpus Juris Civilis*), где заключение договоров на случай смерти кого-либо еще, кроме лица, дающего обещание, предусмотрено за исключением особых случаев в отношении отца и дочери. В третьем подпункте, касающемся важности решений в отношении таких стипуляций, подчеркивается необходимость их должного соблюдения. Необходимость таких решений демонстрируется тем фактом, что они включены в Институции, которые были составлены по распоряжению Юстиниана

---

⁹⁷ Institutiones of Justinian, Liber III, title xix, §§ 13, 15–17.

с целью, чтобы они стали первым учебником гражданского права для студентов права его времени.

Если это так, то следует, что, если решения касательно действительности стипуляций стоили того, чтобы быть упомянутыми в Институциях, то они представляли собой практическую ценность. Отсюда очевидно, что практика заключения таких стипуляций носила общий характер и в таком масштабе, что передача знаний по правовым решениям являлась необходимой частью подготовки молодых юристов.

Эти общие правила, похоже, удовлетворяли всем требованиям, возникавшим из таких договоров, на протяжении более, чем 300 лет, что подтверждается следующим упоминанием в Книге 24 «Базилики», как основного правового свода Восточной Римской империи. Приводим отрывок на латыни в переводе с греческого:

«Cum et stipulations, et legata, et alios contractus post mortem compositos, antiquitas quidem respuerit, nos autem pro communi hominum utilitate receperimus: consentaneum erat, etiam illam regulam, qua vetustas utebatur, certo more emendare».

«В древние времена стипуляции, наследства и другие договоры, которые подлежали оплате в виду наступившего срока после смерти, отвергались, но мы ради их общей полезности для человечества, принимаем их (как действительные): поскольку было согласовано, что это правило, которое существовало в древности, изменено установленным обычаем»⁹⁸.

Из данного отрывка следует, что с учетом полезности таких договоров отменялись какие-либо правовые ограничения для их совершения. Тем не менее, здесь разделяется мнение Гая и других юристов о том, что со стороны наследников не должны предприниматься злонамеренные действия, и что любые обязательства могли вступать в силу только, если не урезается свобода договаривающихся сторон. Далее, что эти договоры, даже, если они заключались до времен Юстиниана, не ограничивались смертью одной из сторон. Опять же, ясно, что этот обычай подвергся дальнейшему изменению, поскольку закон признает действительность договоров любого рода в случае смерти одной из сторон.

В позднем римском праве, а именно в «Базилике», есть еще две ссылки на соответствующую практику. Первая содержится в Книге 43:

«§ 1. И оба, он, который сам себе хозяин, и также тот, кто находится во власти другого, могут оговорить (т. е. заключить стипуляцию на выплату денег), *когда он умрет*.

§ 2. Я оговариваю правильно (т. е. заключаю действительную стипуляцию), что после моей смерти деньги должны быть выплачены моей дочери, *либо* выплачены мне после смерти моей дочери.

§ 3. Стипуляция в равной степени действительная, скажет ли он: «Если я умру» или «Когда я умру».

Отрывок прилагает *Responsa* Ульпиана, которые были приложены и Юстинианом к его Дигестам. Из повторяющегося разрешения стипуляции, заключенной отцами со ссылкой на денежные выплаты, зависящие от их собственной жизни либо жизней их дочерей, очевидно, что такая практика была хорошо известна.

Еще один интересный вопрос представляет приложение как Юстиниана, так и Василия Первого мнения Ульпиана касательно равнозначности оговорки «когда я умру» и «если я умру», поскольку вторая оговорка, должно быть, ссылается на риск, который мог наступить лишь в определенный срок или период времени.

Третье правило этих договоров содержится в Книге 43 «Базилики»: «И касательно того, кто оговаривает *после смерти* либо *накануне его смерти*, считается одним и тем же, и каждая

---

⁹⁸ Basilicón, Liber XXIV, title VI, § XIX.

оговорка является действительной, поскольку все, что сделано, является правомерным, будь то записано в завещании либо ином договоре»⁹⁹.

Отсюда следует, что обе формы стипуляции «после смерти» или «накануне его смерти» являются равными по значению, и договоры, основанные на одной из формул, являются действительными. Из контекста вполне очевидно, что юристы изучили *Responsa* ранних авторов и решили отказаться от своих мнений, поскольку они базировались на очень тонкой и ненужной правовой игре слов и могли создать ограничения, которые не были бы полезными. Затем, что эти договоры были прямо или косвенно привязаны ко времени смерти лица либо лиц, независимо от того, являлись ли они аналогией завещания или иным механизмами обеспечения выплат. Из этих двух выводов видно, что договаривающиеся стороны при своем желании могли на законных основаниях заключить любой договор, который они считают удобным. Такие договоры по своему содержанию могли быть несколько похожи на современные договоры страхования жизни.

Элементы страхования иного, чем страхование жизни, в Средние века. Беспорядки, вызванные разделением Римской империи на Западную и Восточную, набеги варваров (так римляне и греки называли чужеземцев) наряду с враждебным влиянием церкви, побуждали деловых людей того времени, по возможности, охранять секреты своих торговых обычаев. Эта секретность, несомненно, усиливалась благодаря зависти многих соперничающих морских портов и торговых центров Средиземноморья.

Люди, жившие в Средние века, могли узнать о страховании из практики работы гильдий Мемписка (Mempisc), Фландрии (Flanders) — древние районы на севере Франции и Бельгии, и т. д., которые являлись местом формирования семейных групп фламандцев и немцев, и некоторых форм иного страхования, практиковавшихся фламандцами в начале 13-го века. Этот вывод основывается на том, что система страхования римлян, судя по всему, исключала риски гибели в результате пожаров, болезней или иных подобных инцидентов, в то время, как гильдии предоставляли подобную защиту.

Развитие гильдий из системы семейных групп. Направление развития средневекового страхования из семейных групп фламандцев и немцев было следующим:

- 1) «Семейная группа» немцев и фламандцев.
- 2) Гильдии Мемписка и Фландрии (8-10-е века н. э.).
- 3) Взаимное страхование жителей деревень с 11-го по 13-й века н. э.
- 4) Общинное страхование групп деревень с 14-го века н. э. и далее.

Первобытные племена германцев и фламандцев рассматривали в качестве единицы объединения семью, а не каждого индивидуума. Коллективные права и обязанности членов семей по отношению к отдельным людям представляли собой, как правило, (1) общую собственность на территории, принадлежащей группе, (2) общее право наследования завещанным имуществом, (3) общая обязанность обвинять убийцу члена группы, (4) общая ответственность выплачивать *wergild* (вира)¹⁰⁰ за убийство, совершенное членом группы, (5) общая обязанность помогать членам группы, (6) общие религиозные обряды и ритуальные погребения.

Впоследствии эти семьи стали утрачивать свою значимость и постепенно были заменены гильдиями или собранием лиц, связанных вместе скорее родословными предпочтениями и занятиями, нежели родством по крови или религией. К ним поначалу относились с подозрением как члены еще оставшихся семейных групп, так и власти, поэтому эти общества приняли квази-закрытый метод отправления ритуалов, собраний и т. д. Считая недопустимым предоставить властям какую-либо возможность контролировать их деятельность или вмешиваться

⁹⁹ Цит. по кн. Trennery C. F. *The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry*. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 236–237.

¹⁰⁰ Вира — вергельд (*wergild*) или денежный штраф за убийство.

в их дела, они постарались так организовать свои внутренние отношения, чтобы обязать персональной клятвой своих членов для должного соблюдения их обязанностей по отношению к обществу.

Эти общества были известны как гильдии или *geldonia* и процветали, главным образом, во Фландрии, Мемписке и т. д. Среди их других задач были попытка защитить себя от притеснения со стороны крупных феодалов, а также от убытков в результате пожаров, кораблекрушений или других бедствий. Поэтому они фактически представляли собой общества, которые формировались с целью осуществления взаимного страхования своих членов. Хотя мало что известно о способе их формирования и деятельности, ясно что изначально они организовывались как тайные общества, а их члены были обязаны давать клятву верности своим гильдиям и их членам.

В ряде случаев эти общества напоминали коллегии римлян, поскольку они состояли из лиц одного сословия и существовали за счет периодических взносов своих членов. Однако они существенно различались по своим задачам. Римские коллегии, в большинстве своем, носили религиозный характер, а гильдии были менее всего заинтересованы в соблюдении религиозных обрядов, их основной целью было взаимное благосостояние и страхование своих членов.

То, что эти гильдии были многочисленны, и что осуществление ими взаимного страхования одобрялось властями, подтверждается законодательством так называемых «*Carlovingian Emperors*» (Карловингские императоры)¹⁰¹, в период правления (9-й век н. э.) которых четко утверждалось, что никто не обязан давать клятву при вступлении в такие гильдии. Это явно указывает и на то, что со стороны властей не было возражений в отношении самих гильдий или преследуемых ими целей.

Самое первое упоминание об этих гильдиях содержится в законе «*Capitulare Francicum*», датированном 779-м годом н. э., который запрещал людям под присягой следовать цели взаимной защиты от бедствий, пожаров или кораблекрушений, но запретительная норма касалась только клятвы, а не взаимного страхования. Этот запрет постоянно подтверждался более поздними законами, что говорит о том, что эти гильдии, действительно, были многочисленными, и на них был определенный спрос.

Эти гильдии постепенно заменялись новыми формированиями, когда жители многих городов Фландрии, Мемписка и т. д. начали объединяться в общины, принимая свои собственные законы, которым члены общины были обязаны подчиняться, хотя при этом не предусматривались какие-либо санкции, поскольку правители или сюзерены не признавали такие объединения и сначала активно им противодействовали. Однако скоро правители осознали безуспешность своих попыток и посчитали наилучшим выходом постепенное разрешение общин, как правило, добиваясь в ответ на свою благосклонность их лояльности. В итоге, в конце 11-го века и впоследствии многие деревенские общины получили хартии от правителей, которые разрешали руководствоваться местным обычным правом. Среди этих объединений, которые получили хартии, была «*Amitié d'Aire*», которой была выдана хартия в 1100 году королем Робертом II

---

¹⁰¹ Каролингская империя (фр. L'Empire carolingien) — европейское государство, существовавшее в IX веке. В его состав входили части территории нынешних Франции, Германии и Италии, а также ряда других современных государств Европы. Официально государство называлось «Империя Запада» фр. Empire d'Occident, однако, в историографии его называют Франкская или Каролингская империя. Правители империи носили обычно титул «император Римлян» (лат. imperator Romanorum) или «император Римской империи» (лат. imperator Romanum gubernans imperium), позиционируя себя наследниками Западной Римской империи. Столицей был Ахен. Империя возникла 25 декабря 800 года, когда король Франкского государства Карл Великий был коронован папой Львом III в Риме императорской короной.

Король Роберт II

и его женой Клеменсой Бургундской (Clemence). Эта хартия содержала оговорку, касавшуюся возмещения члену общины, чей дом сгорел, либо тому, кто, попав в плен, в качестве выкупа заплатил большую часть своего имущества. Такому потерпевшему каждый из членов общины был обязан заплатить одну серебряную монету.

Другие сельские общины получали хартии такого же рода примерно в то же время. Эти хартии или *keuren* постепенно менялись по содержанию и к 13-му веку стали более формальными.

В хартии нидерландской общины *Veurnambacht*, например, указано, что лицу, чей дом сгорел в результате пожара *по неизвестной причине*, вся деревня должна компенсировать ущерб без промедления, а выплата должна осуществляться служащими, известными как *ceurherrs* (попечителями), которые избирались общиной. Здесь примечательное изменение между этим классом хартии и ранее упоминавшейся хартией для *Amitié d'Aire*, в которой нет упоминания о причине пожара и согласно которой каждый член общины компенсировал одинаковую сумму, при этом не исключалось, что общая подписная сумма могла быть значительно меньше размера ущерба.

Правители признавали преимущества системы взаимного страхования от огня, и, как указано в Хрониках Аббатства Св. Николая в Фурне (*Chronicles of the Abbey of St. Nicolas of Furnes*), датированных декабрем 1241 года, сами правители были допущены ко взаимному

страхованию при условии, что они заплатят пропорциональную сумму стоимости своего имущества в случае страхования других членов от пожара по неизвестной причине.

К середине 13-го века возникла муниципальная система страхования от огня, которая находилась под контролем *échevins* (эшевены — члены муниципального суда, шерифы) и упоминавшихся выше *ceurherrs* (попечители), и теперь жители деревень осознали необходимость оговаривать, что можно застраховаться только от убытков в результате пожара, возникшего по неизвестным причинам, и что каждый участник в возмещение убытка обязан заплатить долю пропорционально стоимости его собственного имущества. Тем самым, старая идея братства канула в лету, а система страхования стала обычным бизнесом.

Позднее традиция сельских общин трансформировалась в объединение деревень одного региона и формирование общинной системы управления всем районом, как это имело место в случае со статутом «*le Statut du Mont ou 'Hoop' d'Hazebrouck*», датированным 1340 годом. В этом статуте сказано, что имущество может быть застраховано от пожара, если он возник в результате какой-либо внешней причины, и требование о возмещении должно выставляться в соответствии с законами страны.

Что касается выплаты компенсации в случае убытков, связанных с кораблекрушениями, то этот обычай возник в гильдиях, которые формировались из людей, живших на морском побережье, и эти случаи не регулировались хартиями в отношении наземных опасностей.

Возвращаясь к середине 13-го века, следует заметить, что тогда была популярна еще одна система взаимного страхования, известная как *Hamelinghe*. Например, в Секции 24 хартии, предоставленной деревням *Nord* и *Zud Schoöte* (5 марта 1266 года) со стороны правительницы — настоятельницы монастыря в городе Мессин в Западной Фландрии (*Abbess of Messines*), сказано, что лицо, которое умышленно нанесет травмы или убьет скот другого лица, должно уплатить штраф. *Hamelinghe* означает термин, применяемый к компенсации, выплачиваемой утратившему скот лицу, которое имело право на соответствующее возмещение со стороны других членов деревенской общины.

Ч. Ф. Треннери писал: «Не-взаимное или капиталистическое страхование можно проследить с середины 13 века н. э., сначала как возмещение, гарантированное от определенных специфических рисков, предлагавшееся правителем в ответ на определенные небольшие оплаты, и позднее в случае с морскими рисками, предлагавшееся корпорациями и страховщиками»¹⁰². Термин «капиталистическое» применительно к Средним векам не может не вызывать возражений, т. к. эпоха капитализма началась все-таки несколько веков спустя.

Самая ранняя ссылка на какую-либо форму невзаимной гарантии на случай убытка, практиковавшейся в Бельгии, содержится в некоторых письмах эшевенов из Брюгге и Ипра (*Ypres*), датированных 1227 годом. В этих документах, указывается, что определенные торговцы, посещающая ярмарку в городе Мессина, должны были платить на два динария больше, чем другие, а в ответ аббатиса обещала взять под свою защиту на весь период проведения ярмарки торговцев и товары. Она также обещала, что по ее приказу будет отправляться правосудие по жалобам участников ярмарки. Такие отношения вполне можно рассматривать как имеющие элементы страхования.

Более четкое утверждение содержится в письме Герцога Лимбургского (*Duke of Limbourg*), датированном 12 января 1248 года, где он указывает на то, что торговцы должны платить определенную цену за пересечение его территории, и что в ответ он компенсирует любой убыток, который может возникнуть либо в отношении товара, либо его владельцев в границах его владений.

---

¹⁰² Trennery C. F. *The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry*. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 38–39.

Аналогичное обязательство было возложено на аббатису Мессины в Брюгге 1 декабря 1298 года.

Морское страхование. В Хрониках Фландрии (*Chronyke van Vlaenderen*) говорится о том, что по просьбе жителей Брюгге в 1310 году Роберт, граф Фландрии — count Robert of Flanders) разрешил в этом городе учредить Страховую палату, где торговцы могли застраховать свои товары от рисков, морских или иных, по цене нескольких динариев. Более того, чтобы нести обязательство в таком объеме перед торговцами и разрешении претензий как можно быстрее, он принял различные законы и положения, которые должны были соблюдать и страховщики, и торговцы — страхователи.

Это утверждение подкрепляется прямыми ссылками в реестрах *Jaer-Boecken van Brugge* и *Brugschen Koophandel*. Правда, поскольку эти ссылки на Страховую палату были сделаны в 18-м веке, а сама хартия не обнаружена, то данные доказательства не являются безусловными. В то же время, и оснований сомневаться в их соответствии действительности нет.

В городском реестре Брюгге *Ouden Wittenbouc* (зарегистрирован Коллегией эшевенгов 12 апреля 1377 года) есть запись, датированная декабрем 1377 года, которая содержит решение эшевенгов под названием «*Chartere van Zecggerscepe*», предусматривавшее компенсацию стоимости определенных товаров, которые были утрачены и были застрахованы по полису морского страхования. Это решение являлось частью рутинной работы Коллегии эшевенгов и в отсутствие каких-либо комментариев или пояснений свидетельствует о том, что страхование понималось всеми заинтересованными сторонами. Здесь следует отметить, что договор являлся соглашением о возмещении, и не рассматривался в качестве «азартного» страхования или страхования на пари.

В 15-м веке практика морского страхования стала настолько распространенной, что породила многочисленные судебные процессы, записи о которых сохранились до нашего времени. Страховой полис так и назывался «*Chartere van Zecggerscepe*», а позднее как *policie d'assurance*, который мог оформляться сторонами в форме *cédule* или долговой расписки либо рукописного документа, скрепляемого частной печатью или удостоверяемого нотариусом или проктором (поверенным), и который подлежал либо нет оплате по распоряжению ответственного лица. По всем договорам страхования претензии урегулировались незамедлительно после получения документов, свидетельствующих о наступившем страховом случае. Встречные претензии на уступку могли зачитываться только против претензии, подлежащей оплате по конкретному полису.

В те времена страхование осуществлялось от захвата судна пиратами, кораблекрушения, немореходности судна (если об этом не было известно грузовладельцу) и т. д. Полисы не покрывали *fraude de ribaudise* (мошенничество) со стороны капитана судна, хотя полисодержатель и не контролировал действия капитана. Они также считались недействительными, если страховщик мог доказать, что страхователь намеренно погрузил товар на немореходное судно.

Уже тогда фигурировал термин «Общая авария», и как указано в деле, датированном 15 июля 1441 года, такой риск страховался на протяжении многих лет, при этом в том же деле есть ссылка на то, что товары должны быть перечислены согласно древнему обычаю.

Если полисодержатель намеревался заявить претензию на общую страховую сумму по полису, он был обязан передать свои права на товары страховщикам. В полисе имелась спецификация (*schedule*), в которой перечислялись все застрахованные товары, а после подписания полиса и оформления договора страхования, эта шедула, похоже, являлась существенным свидетельством наличия застрахованных товаров, поскольку при предъявлении претензии по морскому страхованию для ее удовлетворения требовалось, чтобы страховая сумма соответствовала содержанию шедулы. Страховать могли как товары, так и суда.

Страховые полисы выдавали, как правило, торговцы, которые выступали гарантами или оценивали риски. Объем обязательств страховщиков зависел от размера возможных убытков.

Если на стороне страховщика действовали несколько торговцев, они могли нести долевые обязательства или солидарные.

При изучении записей о морском страховании видно, что многие торговцы, истцы или ответчики, были из Италии, Испании или других городов Европы.

Страхование жизни. В законах Антверпена, датированных около 1550 года, есть прямая ссылка на практику страхования жизни, которое, как указывается, было традиционным «с древних времен» и считалось законным. В более поздних законах, например, в ордонансе 1571 года наоборот страхование жизни запрещалось, но разрешалось страховать товары, корабли и т. д. Также имеются записи о том, что в 1544 году было запрещено заключать договоры «азартного» страхования в отношении малолетних детей. Следует отметить, что существовала разница между *asseurantien* (страхованием жизни) и *weddinghen* (страхованием жизни детей), поскольку *asseurantien* не признавалось «азартным» страхованием (*wager insurances*).

Морское страхование (кроме договоров бодмерей), которое практиковалось римлянами. Определенные ссылки у латинских авторов и в «*Corpus Juris Civilis*» достаточно определенно указывают на существование в течение позднего классического периода (т. е. примерно с 1-го века до н. э. по 5-й век н. э.) 1) государственного страхования определенных товаров от морских рисков в ответ на услуги, предоставляемые государству; 2) договора, заключаемого частными лицами по страхованию грузов; 3) гарантии со стороны императора на компенсацию ущерба от морских рисков, похожей, в какой-то степени, на государственное страхование; 4) страхования от одной или более опасностей; 5) страхования, которое назывались «азартным» или на пари; (б) страхования (а) жизни страхователя, (б) жизни сына или дочери, (в) жизни иного лица либо в пользу страховщика, либо в пользу иного лица.

Иногда утверждается, что эти ссылки, взятые вместе, представляют собой вывод о том, что та или иная система страхования обуславливалась конкретным соглашением и постоянно применялась, по крайней мере, торговцами в Риме в период, скажем, с 300 года до н. э. по 1000 год н. э. Некоторые из этих ссылок подтверждают, что страхование было известно и практиковалось римлянами, в то время, как другие авторы придерживаются того мнения, что есть ссылки на торговые или иные обычаи, но совсем иного рода. В частности, Ф. Хендрикс указывает: «Отсутствие в древние времена теории вероятности как науки либо чего-либо за рамками философской идеи весомости свидетельства (*weight of testimony*) не может приниматься в качестве причины маловероятности существования ранней практики страхования ... в ранние века не было известно численное выражение непредвиденного обстоятельства, и в таком случае впоследствии усовершенствования науки, *из природы обстоятельств*, практически не применялись для оценки морских рисков, в основе чего лежали обычай или изучение очень приблизительных средних результатов»¹⁰³. При этом нидерландский юрист К. ван Бейнкерсхук (*Cornelius van Bynkershoek*) отмечает другое: «Все же в те времена договоры [страхования] не были известны настолько, чтобы давать повод найти их в Римском праве»¹⁰⁴.

---

¹⁰³ Hendricks Frederick. Contributions to the History of Insurance, and of the Theory of Life Contingencies, with a Restoration of the Grand Pensionary De Witt's Treatise on Life Annuities // Journal of the Institute of Actuaries (The Assurance Magazine). 1852. P. 126.

¹⁰⁴ Bynkershoek Cornelius van (1995). Quaestiones Juris Publici (On Questions of Public Law). William S. Hein & Company, Lib. 1, cap. 21.

К. ван Бейнкерсхук

Д. Дуер по этому поводу писал: «Вопрос о том, было ли морское страхование, как оно практикуется сегодня, известно древним, остается нерешенным... Вероятные рассуждения, похоже, диктуют дать утвердительный ответ; тем не менее, когда мы рассматриваем документальное наследство, сохранившееся из античности, полное отсутствие прямых и положительных свидетельств представляет собой возражение, которое не так легко преодолеть и, возможно, что этот отрицательный аргумент перевешивает саму вероятность. Всеми признается, что договоры морского займа или бодмереи — займ денег на судно или груз, который должен возвращаться только в случае благополучного возвращения судна, и при котором заимода- тель выступает просто страховщиком в размере своего аванса, были хорошо известны и имели широкое хождение. Термины «*de nautico faenore*» (морской займ) и «*de usuris*» (проценты), кото- рые содержатся в этих договорах, относятся к наиболее подробным и информативным в Рим- ском праве; вместе с тем, нигде в огромном массиве гражданского права, ни в институциях, сводах законов, кодексах или статутах Юстиниана, ни в каких-либо законах императоров, пре- емников Юстиниана, нет следов существования страхования как отдельного и независимого договора. Поэтому многие видные ученые и юристы пришли к заключению, что страхование, в собственном смысле слова, не просто как название, но и сам договор, не были известны римля- нам...»¹⁰⁵. При этом сам же Д. Дуер делает оговорку, что «молчание Римского права» не совсем корректная фраза, поскольку «*wager policies*» или «азартные (на пари) полисы» были знакомы римлянам: «Такой вид страхования был известен римлянам. Если некий корабль прибудет из Азии, я вам дам такую-то сумму... Если он не прибудет, вы мне дадите такую-то сумму»¹⁰⁶. Д.

---

¹⁰⁵ Duer John. The Law and Practice of Marine Insurance, New-York: John S. Voorhies, 1845, Vol. I. P. 7–8.

¹⁰⁶ Duer John. The Law and Practice of Marine Insurance, New-York: John S. Voorhies, 1845, Vol. I. P. 8.

Дуер при этом оспаривает позицию Эмеригона, который считал такие полисы азартными. Если лицо, которое оплачивает меньшую сумму в случае благополучного прибытия судна, фактически являлось его владельцем, договор считался так называемым «*valued policy*», т. е. валютированным полисом или полисом с объявленной стоимостью¹⁰⁷, однако, покрывавшим только единичный риск полной гибели.

В дигестах Юстиниана имеется еще один отрывок, в котором признается этот вид договора, и поскольку он выбран в качестве иллюстрации, справедливо предположить, что на практике он применялся нередко. «*Conditio vero efficax est quæ in constituenda obligatione inseritur, veluti centum dare spondes nisi navis ex Asia venisset?* — «Действительно ли включение обязательного условия о том, что если корабль не прибудет из Азии, необходимо нести обязательства?»¹⁰⁸. Все эти отрывки, если договоры, на которые ссылается Д. Дуер, не являются «азартными», позволяют достаточно обоснованно предположить, что определенные элементы страхования были известны римлянам. А если допустить, что данные договоры были «азартными», то, если предположить, что страхование практиковалось в форме пари, это усиливает догадку, что они были также известны как договоры гарантии или возмещения (*contracts of indemnity*). Вполне вероятно, что правомерное использование договоров предшествовало злоупотреблениям ими.

В поздней работе нидерландского философа, географа и дипломата К. Ф. де По (Cornelius Franciscus de Pauw) под названием *Recherches Philosophiques sur les Grecs* («Познавательная философия о Греках») сказано, что афиняне были хорошо знакомы с природой векселей, но при этом он также не был уверен, что они практиковали страхование морских кораблей. Хотя он отмечал, что афинянам было знакомо понятие баратрии¹⁰⁹. В подтверждение мысли о том, что страхование не было известно в Афинах и остальному древнему миру, А. Парк задается вопросом о том, что если бы это было не так, тогда почему мы не находим каких-либо следов обратного в истории, в речах древнегреческих ораторов или в законах. И вряд ли под векселями подразумевалось страхование, а также при упоминании баратрии, поскольку, если бы существовал договор страхования, наверняка было бы упоминание о том, кто несет убытки¹¹⁰.

Мнение, что страхование не было развито по причине того, что в древности торговля осуществлялась, главным образом, в каботажном плавании, и кроме обычных рисков, связанных с навигацией, других серьезных опасностей не наблюдалось, и потому ситуация не требовала страхования, вряд ли можно признать убедительным, т. к. тогда и суда были намного менее безопасными, а к тому повсеместно на торговых путях процветало пиратство, не брезговали захватом торговых судов и враги.

Мы придерживаемся того взгляда, что в древнем мире были известны и применялись на практике договоры, помимо бодмереи, содержащие в себе элементы страхования.

---

¹⁰⁷ Полис, в котором указана согласованная стоимость страхового объекта; в случае полного уничтожения застрахованного имущества в результате страхового события владельцу полиса будет выплачена согласованная сумма без каких-либо корректировок.

¹⁰⁸ Цит. по кн. Duer John. *The Law and Practice of Marine Insurance*, New-York: John S. Voorhies, 1845, Vol. I. P. 8.

¹⁰⁹ Cornelis de Pauw, *Recherches Philosophiques sur les Grecs*, Georges Jacques Decker & Fils, Berlin, 1788, Vol. II, Sect. V, § 1, p. 271.

¹¹⁰ Park, James Allan, *A System of Law of Marine Insurances*, 6th Ed. London, A. Strahan, 1809, Vol. I, Introduction, XIX, (b).

Тит Ливий

Так, согласно Ливию, правительство Рима для поддержки купцов, которые снабжали римские армии за границей вооружением, провиантом и другими товарами, согласилось нести все убытки, которые могли возникнуть в отношении перевозимых морем грузов в результате захвата противником или реализации морских опасностей. По свидетельству Светония в более позднее время, в период предполагаемого голода в Риме, император Клавдий поощрял импорт зерна для последующего распределения в столице, обещая тем, кто будет участвовать в перевозках зерна, аналогичную компенсацию¹¹¹.

Однако Дж. А. Парк возражал: «Но при всем уважении к такому великому имени, похоже, что это не имеет ничего общего с договором страхования, поскольку это не более, чем то, что обязано делать любое правовое государство в рамках естественного права¹¹².

Справедливо, что те, кто помогал соотечественникам во времена общей опасности, должны были получать компенсацию из государственного фонда для возмещения своих убытков, если они имели место.

Еще один пример мы также находим в историческом труде Тита Ливия, о некоторых людях, которые отвечали за доставку провизии в армию и которые, *quia publicum periculum erat a vi tempestatis in iis, quae portarentur ad exercitum* (досл. с лат. «и без того подвергая природным опасностям товары, которые перевозились по морю» — прим. авторов), пытались мошеннически погубить корабль, а затем рассказывали правителям государства, что на борту находилось очень много ценных товаров, хотя на самом деле они снаряжали очень старые и ветхие суда, на которые грузилось небольшое количество товаров с незначительной стоимостью¹¹³.

Интересными представляются записи древнегреческого философа Плутарха (46 г. н. э. — 127 г. н. э.), который отмечал, в некоторой степени саркастически, что Марк Порциус Катон (Marcus Porcius Cato или Cato the Censor/Cato the Elder — 234–149 до н. э.), являлся крупным ростовщиком и «ссужал деньги в самой дискредитирующей форме спекуляции, т. е. *страховании кораблей*». Он также подчеркивал, что Катон тоже вкладывал деньги в работорговлю. Он пояснял, что «те, кто хотел, занимал у него [Катона] деньги, были должны сформировать большую ассоциацию, и если она составляла 50 партнеров и включала большое количество кораблей, он сам участвовал одной долей в этой компании, и его представлял Квинтио (Quintio),

---

¹¹¹ См. Titi Livi. Ab Vrbe Condita Libri, Lib. 23, cap. 49//www.thelatinlibrary.com/liv.html.

¹¹² Park, James Allan, A System of Law of Marine Insurances, 6th Ed. London, A. Strahan, 1809, Vol. I, Introduction, XV–XVI.

¹¹³ См. Titi Livi. Ab Vrbe Condita Libri, lib. 25, cap. 3.

его освобожденный раб, который сопровождал его клиентов во всех их путешествиях. Тем самым, его безопасность не подвергалась опасности, а лишь частично, и он получал большую прибыль»¹¹⁴.

Но вернемся к Д. Дуеру и его ссылкам на Эмеригона и Тита Ливия. «Если договор купли (contract of purchase) по своей сути не считался выполненным до момента доставки грузов в порты назначения, римское правительство не несло обязательств ни в соответствии с так называемым «позитивным правом» (positive law)¹¹⁵, ни по естественной справедливости нести убытки, которые могли возникнуть во время морской перевозки. Правило в любой системе права, с которым я знаком, прямо противоположное, и это правило основано на четкой причине: прямое намерение сторон в любом таком договоре переложить риски морской перевозки на продавца. Даже, если покупатель товаров, которые должны быть доставлены продавцом в иностранный порт, соглашается также принять риски на себя, дополнительное соглашение не меняет имущественный интерес. Продавец остается владельцем до момента доставки, а покупатель в течение рейса является его страховщиком в истинном и правовом смысле термина...

Ливий рассказывает нам, что купцы требовали гарантию правительства на случай предполагаемых ими рисков в качестве безусловного обязательного условия договора (express condition)...

Согласно закону, ни владелец, ни капитан судна никогда не несли ответственность за убытки, вызванные непреодолимой силой или неизбежным происшествием (inevitable accident)¹¹⁶. Здесь, пожалуй, следует обратиться к указу одного претора¹¹⁷, упомянутого в дигестах Юстиниана, который объявляет, что владелец судна должен нести ответственность за безопасную транспортировку всех товаров, принятых капитаном судна, и, исходя из общих условий указа, можно сделать предположение, что эта ответственность была общепринятой и абсолютной. Но Ульпиан в своих комментариях к указу ясно указал на то, что убытки в результате таких неизбежных происшествий, как *кораблекрушение* или пиратство, должны исключаться из обязательств¹¹⁸.

Ливий утверждает, что некоторые купцы, которым была обещана компенсация, пытались обмануть правительство путем сфабрикования счетов по кораблекрушениям и убыткам, которые никогда не происходили, и по его мнению по этим притворным убыткам купцы надеялись по специальному соглашению с правительством на денежное возмещение. Ясно, что на такую компенсацию, даже если убытки были надуманными, могли претендовать только судовладельцы и собственники товаров.

Что касается отрывка из Светония касательно императора Клавдия, он требует также небольшого комментария. Из него не следует, что Клавдий планировал покупать зерно. Оно

¹¹⁴ См. Park J. A., A System of Law of Marine Insurances, 6th Ed. London, A. Strahan, 1809, Vol. I, Introduction, XVI–XVII.

¹¹⁵ «Позитивное» или «положительное право» (лат. ius positivum) — система общеобязательных норм, формализованных государством, выражающих волю суверена (в роли суверена может выступать народ или монарх), либо не противоречащих данной воле, посредством которых регулируется жизнь субъектов права на некой территории, которые являются регуляторами общественных отношений и поддерживаются всей силой государства.

¹¹⁶ Duer John. The Law and Practice of Marine Insurance, New-York: John S. Voorhies, 1845, Vol. I. P. 16–17.

¹¹⁷ Претор (лат. praetor, от prae-ire — идти впереди, предводительствовать) — государственная должность в Древнем Риме. В ходе исторического развития содержание и функции этой должности менялись. В период ранней римской республики (после упразднения царства) преторами именовали две высшие магистратуры — консулов и диктаторов. В 367 до н. э., со времени законов Лициния и Секстия (Leges Licinia Sextiae) верховное должностное лицо стало именоваться консулом, а термином «претор» стала обозначаться следующая по старшинству должность, при этом его основной компетенцией стало совершение городского правосудия по гражданским делам. В отсутствие консула претору принадлежала высшая власть. На должность претора могли претендовать римские граждане не моложе 40 лет и прошедшие через нижестоящие должности. Претор избирался сроком на один год и свои обязанности исполнял безвозмездно. С 242 года до н. э. стало избираться два претора — городской претор (praetor urbanus), ведавший судебными процессами между римскими гражданами, и претор для ведения дел между римскими гражданами и чужестранцами или между самими чужестранцами (перегринский претор) (praetor peregrinus).

¹¹⁸ См. подробнее Duer John. The Law and Practice of Marine Insurance, New-York: John S. Voorhies, 1845, Vol. I. P. 17.

должно было импортироваться на общий рынок Рима для последующей продажи его обитателям, а поддержка императором купцов состояла исключительно в том, чтобы выплатить возмещение, если зерно погибнет во время морской перевозки, и некую фиксированную правительственную премию в случае благополучной доставки этого товара¹¹⁹.

В целом вывод выглядит бесспорным, что в ситуациях, упомянутых Ливием и Светонием купцы являлись владельцами перевозимого груза, и в каждом случае оставались ими как во время транспортировки, так и до момента доставки. Поэтому в каждом случае император являлся страховщиком купца. Он брал на себя все риски во время рейсов, исходя из общественной пользы в случае благополучного завершения перевозки. Возражение по поводу того, что императору не платилась премия, вряд ли заслуживает внимания, поскольку речь идет не о классическом страховании, а о протостраховании, когда еще принцип возмездности не сформировался в качестве конститутивного для договора страхования. Кроме того, власти получали «выгоду» в виде пользы для общества. Наконец, если бы риски транспортировки были возложены на купцов, стоимость рисков, как они их оценивали, была бы, несомненно, добавлена к запрашиваемой ими цене. Если товары перевозятся морем, страхование, оплачено ли премия или нет, или, другими словами, когда возникает справедливая компенсация, всегда представляет собой составную часть цены возмещения, также и фрахт является составной частью этой цены, даже тогда, когда грузовладелец является и судовладельцем. Правда в том, что исторические факты, доказывающие страхование со стороны государства, недостаточны для свидетельства того, что морское страхование было известно как частный договор: но поскольку они [факты] говорят о нежелании купцов отправлять свое имущество в опасные рейсы без гарантии возмещения, свидетельства допускают вероятность того, что, будучи склонными получать большую прибыль, купцы участвуют в рейсах, в которых правительство не заинтересовано, и заключают договоры с частными лицами, поскольку они привыкли рассчитывать на соответствующую компенсацию.

Если морское страхование было известно во времена Юстиниана, это знание и его использование, вероятно, ограничивалось пределами морских городов империи, и это страхование существовало в каждом из них, не в силу какого-либо позитивного права, а как местный обычай. Это была практика купцов, и все вопросы, связанные со страхованием, были определены либо самими купцами, либо местными трибуналами.

Обращение к Риму не было необходимо, когда единственной гарантией могло быть страхование. Если страхование и практиковалось, оно осуществлялось в древние времена либо в форме взаимной гарантии объединившихся торговцев, либо путем распределения бремени среди нескольких лиц, каждый из которых становился ответственным за умеренную часть страховой суммы, и поэтому купец, как правило, заключал страхование без особых проблем в месте своего проживания. Таким образом, морское страхование, сохранявшее изначальную форму торгового обычая, продолжало оставаться незнакомым для законов Рима, в то время как морские займы были приняты и затем защищены законами.

Поэтому неправильно делать вывод на основании «молчания Римского права» о том, что морское страхование не было известно в то время. Составители Кодекса Юстиниана не намеревались включить в свои труды всё морское право, которое действовало на тот момент, и поэтому страхование могло быть пропущено по тем же причинам, которые привели к исключению других отраслей коммерческого права. На самом деле, другие законы морского права, кроме тех, которые относились к морским займам, можно обнаружить под разными названиями в нескольких трудах, как в Пандектах, так и в Кодексе.

К этому следует добавить тот факт, который бесспорно установлен исторической наукой, что трибуналы Рима достаточно активно использовали при разрешении конкретных спо-

---

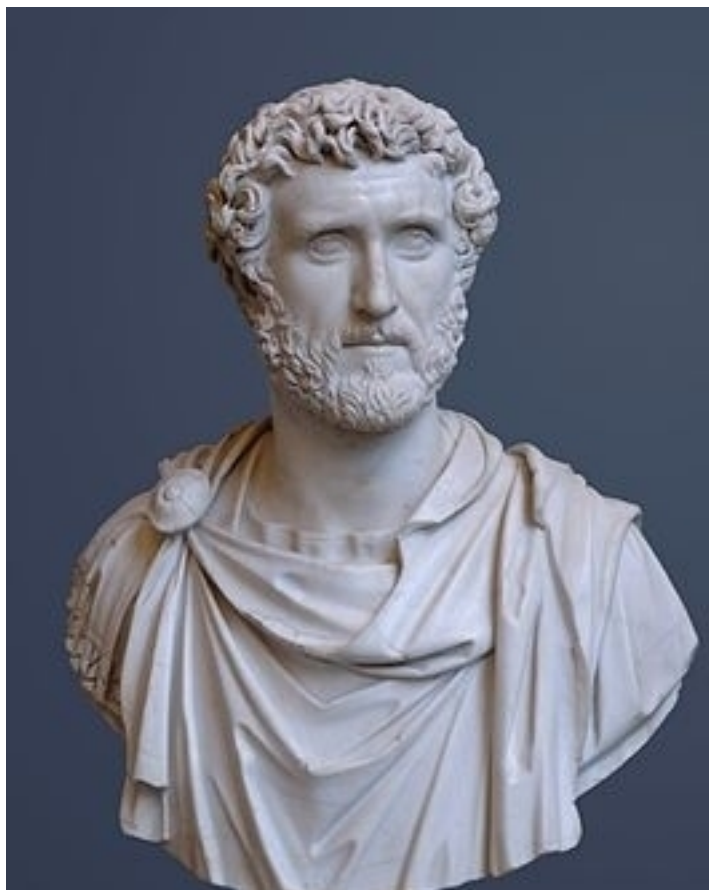
¹¹⁹ См. Duer John. The Law and Practice of Marine Insurance, New-York: John S. Voorhies, 1845, Vol. I. P. 17.

ров законы острова Родос. Эти закона и в первых решениях Октавиана Августа (Octavianus Augustus).

Octavianus Augustus

В последующие годы решения Августа были подтверждены и продлены Антонином Пием, правившим в Риме с 10 июля 138 года по 7 марта 161 года.

Антонин Пий

Указ этого императора конечно же отличается по форме от современных законов, но поскольку он необычайно краток и представляет собой замечательный образец стиля, в котором властители мира привыкли обращаться к своим подданным, приведем его с переводом с латинского языка: «*Ego quidem mundi Dominus, lex autem maris: lege id Rhodia, quæ de rebus nauticis præscripta est, judicetur, quatenus nulla nostrarum legume adversatur. Hoc idem Divis quoque Augustus judicavit*» — «Земля находится в моем владении, и моря также принадлежат мне по праву. Пусть дело рассудит закон Родоса в части морских дел, положения которого я предписываю соблюдать в будущем во всех случаях, когда он не противоречит законам Рима. Такое же решение было официально принято святым Августом»¹²⁰.

Итальянский юрист Д. Адзуни (Azuni) также утверждал, что в соответствии с указаниями Августа, отраженными в 9-ом Законе Дигеста, по всем морским вопросам римляне обязаны были придерживаться законов Родоса, если не существовало какого-либо иного закона, регулирующего предмет спора¹²¹.

Соответствующий указ Антонина был вновь издан Юстинианом. Он включен в Пандекты. Затем Юстиниан по примеру своих предшественников подтвердил действие законов Родоса и потребовал, чтобы им следовали во всех случаях, кроме тех, которые были обусловлены в его собственных законах. Поэтому по большинству интересующих нас в рамках этого исследования вопросов, включая особо важные, законы Юстиниана молчат. Безусловно, имело бы смысл обстоятельно рассмотреть законы Родоса. Именно там мы должны были бы искать

---

¹²⁰ Цит. по кн. Duer John. The Law and Practice of Marine Insurance, New-York: John S. Voorhies, 1845, Vol. I. P. 24–25.

¹²¹ См. Azuni Domenico Alberto. The Maritime Law of Europe, New-York: G. Forman, 1806, vol. 1. P. 271–2.

свидетельства существования страхования, поскольку, если и имело место какое-либо правовое регулирование договора страхования, то оно должно быть именно в законах Родоса, а не в Кодексе Юстиниана. К сожалению, сегодня нельзя провести необходимое исследование, т. к. законы Родоса до нас не дошли. Однако от этого наши ранее высказанные суждения относительно того, что при развитой морской торговле жители Родоса не могли не знать простейшие способы финансовой защиты от морских рисков, основной формой которой наряду с договором бодмереи служит страхование, а точнее в тот период времени — протострахование, остаются в силе.

В Дигестах Юстиниана существуют определенные решения, которые, как представляется, ссылаются на страхование и показывают, что заключались договоры не только в четких целях страхования, но и в целях, не связанных с морскими рисками.

Известна уже упоминавшаяся фраза Ульпиана «*salva fore*» («сохранять» или «спасать»). Можно посчитать, что эта ссылка слишком короткая и не очень четкая, чтобы служить основанием для установления факта наличия страхования, но, вместе с тем, обещание сохранности содержит в себе всё для доказательства того, что договор либо являлся страхованием от убытка, либо являлся гарантией от третьей стороны.

Здесь следует заметить, что эта гарантия имеет ту же природу, что использовалась и в одном из Дигестов Юстиниана, в главе под названием «*Rem pupilli vel adulescentis salvam fore*» — «Касательно гарантии безопасности имущества лица, находящегося под опекой, или несовершеннолетнего» — «*Cum pupillo rem salvam fore satisdatum sit, agi ex ea tunc potest, cum et tutelae potest*» — «Если дается гарантия того, что имущество лица, находящегося под опекой, будет сохранено, согласно данной оговорке должны быть предусмотрены соответствующие процедуры, когда бы опекунство ни было оформлено»¹²². Согласно ей договор более напоминал гарантию, предоставляемую третьей стороной. В случае с опекуном он был обязан выступать надежным наставником по отношению к несовершеннолетнему лицу или лицу, находящемуся под опекой, и выступать гарантом того, что он сам будет платежеспособным. Даже в этом случае можно утверждать, что, если сторона, чья платежеспособность гарантируется, осуществляет (в качестве премии) встречное предоставление гаранту в ответ на его гарантию. Такой гарант страхует платежеспособность наставника в пользу ученика. Однако в упомянутом Дигесте нет ссылки на третью сторону либо какого-либо предположения, прямого или косвенного, о заинтересованности третьей стороны. Похоже, что оговорка была сделана неким лицом, которое имело деньги, подверженные риску, и которое, боясь их потерять, перекладывало риск утраты на гаранта, с которым это лицо оговорило в своих собственных интересах, что оно будет в безопасности от какого-либо убытка. Если допустить, что данный отрывок предназначен для ссылки на основное соглашение, согласно которому «А» получает от «Б» обещание гарантировать ему компенсацию убытка, тогда следует в качестве вывода, что заявления, которые делались относительно отсутствия какого-либо упоминания о страховании в римском праве, основываются на неверном толковании этого отрывка. Ясно, что ответ «Обещаю» указывает на договор гарантии на случай реализации риска; и, похоже, что сам договор заключен между «А» и «Б», поскольку нет упоминания какой-либо третьей стороны. И далее следует, что «А» оплатило «Б» что-то (т. е. премию) за гарантию на основании того, что оговорка считалась действительной, поскольку, как известно, согласно римскому праву ни один договор не признавался действующим, если в ответ не предоставлялось или не оплачивалось встречное обеспечение. Отсюда, вопрос о том, касается ли ссылка на общий договор всех видов рисков или нет, зависит от того, является ли этот договор между двумя заинтересованными сторонами или просто представляет собой гарантию третьей стороны. Ч. Ф. Треннери писал по этому поводу следующее: «Сам по себе этот отрывок возможно толковать по-разному, но предпола-

---

¹²² Digest. Liber XLVI, title vi.

гается, что, принимая во внимание ссылки на исторические операции и определенность в том, что эти операции являлись соглашениями между двумя сторонами касательно возмещения на случай риска (безотносительно того, была ли оплачена премия или нет), а также [принимая во внимание] тот факт, что «азартные страхования» были известны и практиковались римлянами, существует вероятность того, что решение Ульпиана ссылается на договор страхования»¹²³.

В дополнение к описанным выше методам, с помощью которых могло осуществляться страхование, вполне возможно, что существовал способ, известный как страхование на пари. В Дигесте Юстиниана в Книге XLV содержатся ответы юристконсультов на вопросы, адресованные им относительно правовых последствий определенных соглашений или оговорок, которые напоминают договор пари. В частности: «*Africanus 6 quaest.*

Si ita quis stipuletur: «sive navis ex asia venerit sive titius consul factus fuerit», ultra prius condicio exstiterit, stipulatio committetur et amplius committi non potest. sed enim cum ex duabus disiunctivis condicionibus altera defecerit, necesse est, ut ea, quae exstiterit, stipulationem committat. — «Когда кто-либо оговаривает следующее: «Если судно должно прибыть из Азии, или Титий будет назначен консулом», не важно, какое из условий наступит первым, оговорка становится действительной, но это не будет иметь силу во второй раз. Поскольку, если одно из двух условий не будет выполнено, то то условие, которое будет исполнено, обязательно сделает оговорку действительной»¹²⁴. И также: «*Scaevola 12 quaest. Si quis ita stipulatus fuerit: «decem aureos das, si navis venit et titius consul factus est?» non alias dabitur, quam si utrumque factum sit. idem in contrarium: «dare spondes, si nec navis venit nec titius consul factus sit?» exigendum erit, ut neutrum factum sit. huic similis scriptura est: «si neque navis venit neque titius consul factus est?» at si sic: «dabis, si navis venit aut titius consul factus sit?» sufficit unum factum. et contra: «dabis, si navis non venit aut titius consul factus non est?» sufficit unum non factum.* — «Когда кто-либо оговаривает следующее: «Ты оплатишь десять ауреусов¹²⁵, если судно прибывает и Титий станет консулом?», деньги не потребуются, если произойдут оба эти события. То же правило применяется в противном случае, «Ты обещаешь заплатить, если судно не вернется, и Титий не будет назначен консулом», поскольку существенным является то, что ни одно из этих событий не должно произойти. Следующее письменное соглашение напоминает это, а именно, «Если судно не прибывает, и Тития не сделают консулом». Однако, если оговорка будет прописана в следующих условиях: «Ты оплатишь, если судно прибывает, или Титий станет консулом?», важно, чтобы *имело место одно из этих событий*. С другой стороны, если оговорка звучит как «Ты обещаешь заплатить, если судно не вернется, или Титий не будет назначен консулом», важным считается то, что *не произойдет только* [или хотя бы] *одно из этих событий*»¹²⁶.

Утверждение, что такие соглашения являлись исключительно «азартными», адаптированными или приспособленными к коммерческим результатам, безусловно, подтверждается тем фактом, что в течение позднего периода существования Римской империи и раннего Средневековья такая система страхования на пари постоянно применялась в ведущих портовых городах, таких как Флоренция, Неаполь, Марсель, хотя было признано, что подобные договоры не являлись договорами истинного страхования.

Англичане называют его «true insurance». А скорее эти договоры имели аморальную природу, поскольку в них отсутствовали необходимые положения для предупреждения лица не страховать для получения выгоды в случае утраты своего имущества, т. е. не использовать термин «страховаться» в противоправном смысле.

¹²³ Trennery C. F. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 127.

¹²⁴ Digest. Liber XLV, title I — De verborum obligationibus («Касательно устных обязательств»), sect. 63, Africanus.

¹²⁵ Ауреус (aureus) — золотая монета древнего Рима, изначально стоила 25 денариев, имела хождение с 1-го века до н. э. по 4-й век н. э., впоследствии была заменена солидом (solidus).

¹²⁶ Digest. Liber XLV, title I — De verborum obligationibus («Касательно устных обязательств»), sect. 129, Scaevola, 12.

Данный недостаток в системе привел к запрету страхования в большинстве крупных торговых центрах. Это имело место в Амстердаме, Генуе, в Англии и Франции, где, на основании того, что страхование может означать лишь компенсацию и не может использоваться как средство зарабатывания прибыли, было принято специальное законодательство, направленное против такой формы договора. Опять же, как упоминалось ранее, в 215 году до н. э. обман правительства посредством организации намеренных кораблекрушений и заявлением явно завышенной стоимости утраченных товаров носил достаточно массовый характер. Поэтому частные лица или общества, которые осуществляли коммерческое страхование, должно быть, были более ответственными за мошенничество, если применяли «азартное страхование». Такая система мошенничества была известна каждому торговцу того времени. То, что законодательство было строго направлено против какой-либо сделки, которая побуждала собственника или капитана судна к соблазну погубить судно, не вызывает сомнений. Как частные лица, участвовавшие в договоре в качестве компенсирующей стороны в случае убытка, так и государство были настроены против мошеннических действий, и, более того, государство принимало специальное законодательство для предотвращения распада морской торговли. Поэтому маловероятно, что договоры, которые так легко допускали мошенничество и встречали сопротивление у наиболее честных членов торгового сообщества, были молчаливо разрешены либо считались легальными. Отсюда следует, что эти «азартные страхования», вероятно, рассматривались в качестве истинного страхования только, если речь шла о стоимости товаров. Д. Дуэр отмечает: «Если страхование практиковалось в форме пари, это усиливает предположение, что оно было также известно как договор возмещения. Судя по опыту современной Европы, вполне вероятно, что легитимное использование договора предшествовало злоупотреблениям»¹²⁷.

Существует и другое возможное объяснение этим отрывкам, а именно, то, что они поддерживались мнением римских консулов в отношении любых договоров страхования от чрезвычайных обстоятельств. Разумно предположить, что, если, а это почти достоверно, существовали частные ассоциации, осуществлявшие взаимное страхование, и, вероятно, компании либо ростовщики, проводившие страхование для своей собственной прибыли. Эти объединения насколько это возможно вели свои дела замкнуто, а в случае спора, который не мог быть урегулирован между членами гильдии или компании и их клиентами, дело вуалировалось так, чтобы скрыть истинную природу деловых операций.

Поэтому ещё раз подчеркнем, что есть все основания для утверждения о том, что страхование иного, чем страхование жизни, было известно и практиковалось римлянами. В подтверждение этого концентрированно укажем на следующие, ранее анализируемые, свидетельства:

(а) 215 год до н. э. Договор, по которому правительство страхует торговцев. В этом договоре предусмотрено существование гарантии на случай убытка, возникающего вследствие определенных причин; эквивалентность или равнозначность услуг, предоставляемых за оплаченную премию; и владение грузами.

(б) 49 год до н. э. Договор между Цицероном и частными лицами, которые гарантировали благополучную доставку казны, которую Цицерон направлял в Рим.

(в) 58 год н. э. Договор, согласно которому император Клавдий обязывался возместить грузоотправителям убытки в результате штормов.

(г) Дигесты Юстиниана. Ответ Ульпиана, в котором он утверждает, что должны соблюдаться договоры, которые гарантируют что-то ценное или стоимостное.

(д) Дигесты Юстиниана. Страхование на пари, включая, возможно, страхование от чрезвычайных обстоятельств (*contingent insurance*).

---

¹²⁷ Duer J. Lecture on the law of representations in marine insurance. New York, 1844. P. 33, note 1.

Раздел II. Страхование в период позднего Средневековья и раннего Возрождения

Глава 1. Элементы страхования в Средние века и начальный период Возрождения

Материалы о протостраховании и первых примерах привычного для нас страхования в Средние века и начальный период Возрождения носят фрагментарный характер, поэтому и наш рассказ будет охватывать лишь отдельные страны.

Начнем со взаимного страхования в гильдиях и братствах.

Тайные братства своей историей уходят ко времени изгнания израильтян из Вавилона в 587 году до н. э., когда многие из тех, кто подвергся гонению, объединялись в братства взаимопомощи и защиты.

Забывтое после краха Римской империи взаимное страхование возрождается в 10-м—12-м веках в Англии, Германии, Дании в форме организаций взаимопомощи гильдий и цехов, где уже существовали элементы имущественного (от наводнений, пожара, краж) и личного страхования (на случай смерти, болезни, инвалидности, для выкупа из плена).

В примитивных социальных структурах естественным местом для снижения неопределенности и построения ассоциации по распределению рисков являлась расширенная семья. В Средневековье роль по распределению рисков брала на себя гильдия, чья роль возросла до такой важности, что она накладывала свою печать на любое значительное событие средневековой жизни.

«Средневековое страхование, начинаясь, во всяком случае, с XII—XIII вв., по сравнению с античным страхованием гораздо более изучено, поскольку о средневековых носителях страхования, гильдиях и цехах, известно больше, чем даже о наиболее изученных организациях античного страхования: римских профессиональных коллегиях. Но и в области средневекового страхования еще многое остается неисследованным. Теряется в неизвестности уже само его начало. Его обычно относят к XI, самое раннее — к X веку. Тем не менее, можно считать установленным, что еще и до X века в королевстве франков существовали именованные гильдиями, хотя и отличавшиеся от позднейших купеческих гильдий, союзы, и что в этих союзах уже была организация взаимопомощи, носившая страховой характер. Франкский король, Карломан — брат Людовика III и императора Карла III Толстого, Капитулярием 884 г. воспретил гильдии, направленные на самозащиту (а вместе с тем и возмещавшие своим членам убытки) от грабежей.

Итак, уже для 8-го-9-го веков засвидетельствована гильдейская страховая взаимопомощь в случаях обнищания, пожара, кораблекрушения, грабежа.

По отношению к другим странам наиболее ранние указания на гильдейское страхование относятся: для Англии — к 10-му веку (лондонские гильдии при короле Этельстане, 925–940 гг., имеются сведения о том, что англо-саксонская гильдия в 10-м веке учредила кассу для возмещения членам гильдии стоимости украденного у них скота¹²⁸) и 11-му веку (гильдии в Кембридже и в Экзетере — главном городе Девонширского графства); для Германии — к 10-му-11-му векам; для Дании и Исландии — к 12-му веку (как и в античное время, страхование начинается с обществ взаимного страхования).

---

¹²⁸ См., например, Фогельсон Ю. Б. Введение в страховое право. М., 1999. С. 46.

В 11-м веке в Германии широко распространились купеческие гильдии. В Дании в 11-м веке членам гильдии из общей кассы возмещались средства при аварии или при выкупе из плена. В 12-м веке в Исландии жители острова объединились для взаимного обеспечения погашения убытков от пожаров и от падежа скота. Союзы состояли из 20 зажиточных крестьян, в случае несчастья пострадавшему возмещалась часть убытка деньгами, часть — материалами или работой. Однако большого распространения деятельность таких союзов не получила.

Таким образом, для эпохи феодализма, наряду с принципом вассальной зависимости, распространявшим свое действие также и на города, характерно усиленное развитие принципа взаимопомощи во внутренней жизни города. Гильдии и цехи сохранили, и даже развили ту свою функцию, которая не вызывала возражений со стороны государства: функцию взаимопомощи в несчастных случаях.

«Первоначально страховая взаимопомощь декретировалась в уставах гильдий и цехов еще в совершенно общей форме, без точного определения размеров пособий или возмещения убытков и даже самого круга страховых случаев»¹²⁹.

Как и в античные времена, в рассматриваемый период вначале еще не взимались периодические страховые взносы, а возмещение убытка или выплата пособия производились либо из общегильдейской или общецеховой кассы, на общих основаниях со всеми другими расходами, либо путем последующей раскладки между членами. Так, например, в датских гильдиях еще в начале 13-го века сохранялась система последующей раскладки убытков (от кораблекрушения) и пособий (на выкуп из плена, на совершение паломничества и т. д.).

Средневековые гильдии были основой для многих западных обществ взаимопомощи. Устав одной из гильдий 1200 года гласит: «*To become a gildsman, ... it was necessary to pay certain initiation fees, ... (and to take) an oath of fealty to the fraternity, swearing to observe its laws, to uphold its privileges, not to divulge its counsels, to obey its officers, and not to aid any non-gildsman under cover of the newly-acquired 'freedom'*» — «Для того, чтобы стать членом гильдии, ... было необходимо оплатить определенный вступительный взнос, ... (и принести) присягу верности братству, поклясться соблюдать его законы, защищать его привилегии, не разглашать его секретные намерения, подчиняться его руководителям, и не оказывать помощь не членам гильдии под видом недавно приобретенной «свободы»¹³⁰.

Этот отрывок показывает важность братства и принципы дисциплины и верности. Вступая в такую организацию, человек приобретал «свободу» масонской ложи и исключительные выгоды, которые организация могла предоставить своим членам.

Впоследствии, правовая организация взаимопомощи получила в гильдиях и цехах более точные и определенные формы. Воспроизводя путь, уже пройденный в свое время античным страхованием, средневековое гильдейско-цеховое страхование переходило, в одних странах ранее, в других позднее, от системы последующей раскладки к системе регулярных взносов. Вместе с тем, уточнялись основания, а нередко и размеры страховых выплат.

Страховое право средневековья закрепляло более четко и подробно основания страховых выплат и перечень страховых случаев. Причем круг страховых случаев определяется неодинаково в разные эпохи, в разных странах, в разных типах организаций (например, в купеческих гильдиях и цехах) и даже в отдельных организациях одного и того же типа.

Например, гильдейское взаимное страхование предусматривало самые различные случаи, как непосредственно касающиеся личности, так и относящиеся к имуществу членов гильдии, подразделяясь, таким образом, по существу на имущественное и личное страхование. В области имущественного страхования гильдии возмещали убытки как от стихийных (кораб-

---

¹²⁹ Потоцкий, Владимир Михайлович, Краткий популярный курс страхования / Под ред. и с доп. М. И. Семенова. М., 1924. С. 114.

¹³⁰ Gross Charles. The Gild Merchant: A Contribution to British Municipal History. Oxford, UK: Clarendon Press, 1890. Retrieved September 4, 2007.

лекрушение, наводнение, пожар, падеж скота), так и от социальных (кража, грабеж, разбой) бедствий. Наряду с этими специальными видами имущественных потерь, страховым случаем, создававшим право на помощь со стороны гильдии, являлось и вообще всякое, независимо от его причины, разорение члена гильдии.

В области личного страхования гильдии выплачивали пособия, главным образом, в случаях смерти, болезни, инвалидности. В случае смерти пособия выдавались, во-первых, на погребение (этот вопрос и в средневековом страховании играет немалую, хотя и не такую важную, как в древнеримских коллегиях, роль), а во-вторых, на поддержку вдов и сирот. Помощь больным оказывалась обычно при особо тяжелой или неизлечимой болезни. Нередко устанавливался более определенный список болезней, дававших право на страховое пособие. Так, например, по сведениям, относящимся к 1284 году, одна из английских гильдий (Ludlow — г. Ладлоу в графстве Шропшире — Spropshire) выплачивала пособия в случаях слепоты, проказы и иной неизлечимой болезни. Эта норма успешно действовала в английском страховом праве уже с 10-го века.

Кроме указанных случаев, встречающихся и в сфере современного личного страхования, гильдии выплачивали пособия и на выкуп из плена (в современном российском законодательстве не допускается страхование расходов, к которым лицо может быть принуждено в целях освобождения заложников — пункт 3 статьи 928 ГК РФ), и на случай совершения паломничества, а в более ранние времена рассматриваемого периода — принимали на себя и выплату виры за неумышленные преступления своих членов.

В цехах взаимное страхование было направлено по преимуществу на случаи, непосредственно затрагивавшие личность членов цеха: смерть, болезнь, инвалидность и т. д. Однако выкуп из плена, выплата виры и т. п. в круге страховых гарантий уже не встречаются. В области же имущественного страхования устанавливалось не столько возмещение отдельных убытков от определенных несчастных случаев (пожар, кража и т. д.), сколько пособие в случаях бедности (социальное страхование). Но «...в условиях цехового строя впадение отдельных членов цеха в бедность было возможно, главным образом, в результате несчастных случаев: пожар, длительная болезнь, инвалидность и т. д.»¹³¹.

Наряду с помощью, оказываемой потерпевшему из гильдейской (или цеховой) кассы, гильдии (а иногда и цехи) обязывали своих членов оказывать друг другу активное содействие в непосредственной борьбе против того или иного бедствия: в борьбе с опасностями морского плавания, в тушении пожара, в защите от грабителей, в преследовании вора и т. д. Все понесенные спасателями жертвы и расходы возмещались гильдией так же, как и основной убыток от кораблекрушения, пожара и т. п.

В ряде случаев гильдии возлагали на своих членов обязанности по предупреждению страховых случаев и по спасанию собственного своего имущества (аналогичное правило предусмотрено пунктом 1 статьи 962 ГК РФ). Невыполнение указанных обязанностей (например, нарушение предписанных правил охраны имущества, отказ от участия в розысках и преследовании вора и т. д.) лишало права на возмещение убытка. За участие же в этих действиях (в преследовании вора и т. д.) получали особое вознаграждение не только другие члены гильдии, но и сам потерпевший.

Американский экономист Д. Парта заметил, что «с ростом городов и торговли в Европе средневековые гильдии, изначально формировавшиеся как братство ремесленников, обязывались защищать своих членов от пожаров и кораблекрушений, выкупать их из захвата со стороны пиратов и предоставлять надлежащую помощь на случай болезни, бедности и оплачивать похоронные расходы в случае их смерти. Гильдия играла длительную и важную роль в

---

¹³¹ Потоцкий, Владимир Михайлович, Краткий популярный курс страхования / Под ред. и с доп. М. И. Семенова. Москва, 1924. С. 124.

эволюции страхования в виду того, что это не была ассоциация, основывающаяся на кровном родстве, а братство, рожденное необходимостью во взаимопомощи среди ее членов, занимающихся одним и тем же ремеслом или торговлей, например, членство могло быть установлено по некоторым поддающимся проверке характеристикам таким, как рождение. Например, в 10-м и 11-м веках древние англосаксонские и датские гильдии предусматривали, что убытки, понесенные их членами в результате кораблекрушения, пожара, наводнения либо кражи или похищения домашнего скота, должны были компенсироваться совместно всей организацией. В этих целях члены гильдии делали регулярные взносы. Постепенно стало традицией в интересах членов гильдии включать положения о «социальном обеспечении» (social welfare), например, для управления похоронным фондом. Близкое соседство между членами было одной из черт гильдий. Оно позволяло знать характеристики каждого, а также положение друг друга. Поэтому в те времена не существовала проблема антиселекции (т. е. когда плохих людей сложно было бы отличить от хороших). Соседство также позволяло людям наблюдать за другими и составлять свое представление о людях, и соответственно определять, как вести себя по сравнению с тем, как бы человек себя повел, будучи полностью подверженным опасности) также не представлял из себя какой-либо значительной проблемы. Аналогичные формы ассоциаций (т. е. так называемых обществ взаимного страхования, которые снижали либо вообще устраняли антиселекцию или моральный риск) можно найти и сегодня при рассмотрении страхования малоимущего населения, например, среди людей, проживающих в бедных районах крупных городов, главным образом, в развивающихся странах. В таких районах люди оплачивают премию совместно и получают компенсации, относящиеся к страхованию малоимущих в пользу всей группы лиц, проживающих в таких районах»¹³².

Эволюция гильдийских союзов шла от заключения разовых страховых соглашений к долговременным соглашениям. Первые в основном содержали обязательства по возмещению убытков, связанных с сухопутными или водными перевозками. Вторые — обязательства по защите имущественных и личных интересов своих членов. Наконец, эти соглашения превратились в постоянные гильдийско-страховые организации.

Характерно, что вначале заметно сказывалась рецепция древнеримского коллегиального страхования. Средневековое гильдийско-цеховое страхование копировало римское по содержанию, целям, условиям, вкладу и т. д. Была воспринята форма братства с объединением товарищеских защитных целей, а именно: оказание всесторонней помощи каждому члену братства и братству в целом.

Средневековое страхование от римского отличают три существенных аспекта. Во-первых, средневековые гильдии нередко были более универсальными, чем древнеримские коллегии, так как принимали в членство представителей различных профессий. Во-вторых, в братствах средневековья общность интересов была более тесной, чем в римских коллегиях. Наконец, страховые выплаты стали носить не только разовый, но и регулярный характер, за что получили название аннуитетов (ежегодные) от латинского «аннус» (год).

Развитие гильдийского страхования в 13-м — 14-м веках в Европе привело к разделению гильдий на защитные (охранительные) и профессиональные. Целью первых была охрана личности и имущества членов гильдии от различных опасностей. Целью вторых — защита интересов членов гильдии, принадлежащих к одной профессии. Например, организовывались гильдии со страховыми обязательствами купцов, торговцев, актеров, наемных солдат и т. д. Так, обычаи купеческой гильдии сразу оговаривают, что купец, не вступивший в гильдию, в случае изгнания из города, вызова на поединок, лишения своего имущества не будет защищен братством. Защита распространяется только на членов гильдии, а расходы покрываются гильдийским имуществом.

---

¹³² Partha Dasgupta. Economics. Sterling. London, New York, 2010. P. 23–24.

К. Уолфорд приводит сведения о том, как получали возмещение люди, пострадавшие от пожара. Согласно статье XI Закона Кора или Кюре (Law of Cora or Keure), провозглашенного в 1240 году Томасом, графом Фландрии (средневековое графство, затем одна из провинций Нидерландов — прим. авторов) и его супругой графиней Йоханной, существовала следующая общность ответственности на случай возникновения пожара, известная как «*custom of Furnes*» (обычай города Фурне — голл. Верне): «*In quacunq̄ villa combustio facta fuerit occulte, tota villa statim solvate damnum per illos quos eligent coratores; quod si malefactor sciri poterit, bannietur perpetuo, et solvetur damnum de bonis ejus; residuum vero cedat comiti. Qui vero de nachbrant acclamatus fuerit, per quinque coratores purgare se poterit; alioquin suspendetur, omnia bona sua erunt in gratia comitis, restituto prius damno illi qui damnum habuet; si prius tamen querimoniam fecit*» — «В случае, если какой-либо дом тайно сгорит, от всей местности потребуются возмещение убытка. Преступник, если он будет обнаружен, должен изгоняться из деревни, а убыток должен оплачиваться за счет его имущества, и разница передаваться в распоряжение графства. Пока обвиняемый не реабилитирован, он будет считаться подозреваемым, а его собственность будет находиться в распоряжении графства»¹³³.

В заметках известного английского переводчика, лексикографа и антиквара Г. Т. Райли — *Riley's Memorials of London* — за 1868 год можно найти еще одну ссылку, относящуюся к 1302 году:

«*Agreement to indemnify the City against Fire, and to roof houses with tiles.*

30. Edward I., AD 1302. Letter Book C, fol. lxxv. (Latin).

Thomas Bat came before John le Blund, Mayor of London, and the Alderman, on the Friday next before the Feast of St. Hilary, 13 January, in the 30th year of the reign of King Edward, son of King Henry, and bound himself and all his rents, lands, and tenements, to keep the City of London indemnified from peril of fire and other Losses, which might arise from his houses covered with thatch, in the parish of St. Laurence, Candelwykstrete, and he agreed that he would have the said houses covered with tiles about the Feast of Pentecost then next ensuing. And in case he should not do the same he granted that the Mayor, Sheriffs, and Bailiffs of London should cause the said houses to be roofed with tiles out of the issues of his rents aforesaid».

«Соглашение на возмещение города от пожара и о покрытии крыш домов черепицей.

30. Ed. I., AD 1302. Книга (напечатанная готическим шрифтом) С, стр.65 (оригинальный текст на латыни)

Томас Бэт посетил Джона ле Бланда, мэра и олдермена (наместника) Лондона в пятницу, следующую до праздника Св. Хилари, 13 января, на 30-й год правления короля Эдварда, сына короля Генри, и принял на себя обязательство и обязал всех своих арендаторов, владельцев поместий и землевладельцев защищать город Лондон от пожара и других убытков, которые могли возникнуть от его домов, покрытых соломой в приходе церкви Св. Лоуренса на Кэндлвик-стрит, и согласился покрыть указанные дома черепицей накануне приближающегося праздника Св. Троицы. И если он этого не сделает, он передаст мэру, окружным шерифам и судебным приставам право принудительного покрытия указанных домов черепицей за счет вышеупомянутых арендаторов»¹³⁴.

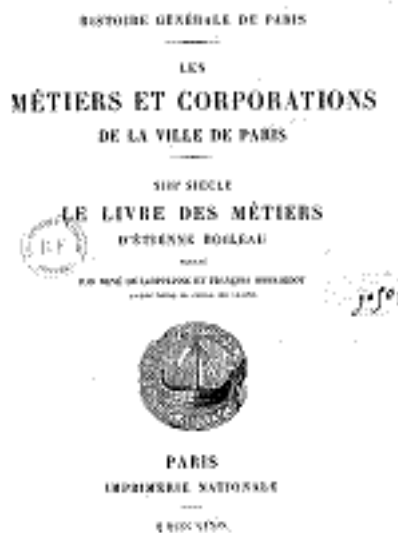
---

¹³³ Цит. по кн. Relton Francis Boyer. An Account of the Fire Insurance Companies, Associations, Institutions, Projects and Schemes, established and projected in Great Britain and Ireland during the 17th and 18th Centuries, including the Sun Fire Office: Also of Charles Povey, The Projector of this Office, His Writings and Schemes, London, Swan Sonnenschein & Co., 1893. P. 7–8.

¹³⁴ Memorials of London and London Life, a series of Extracts from the City Archives, 1276–1419. («Мемориалы Лондона и лондонской жизни, ряд извлечений из городских архивов, 1276–1419 гг.»), ed. Henry Thomas Riley (London, 1868). P. 46.

Ф. Хэйнес пишет о том, что единственным практичным методом борьбы с пожаром или огнем вообще была изоляция, но скорее не в форме изоляционного материала, а отделение от огня, т. е., например, быстрое разрушение прилегаемого (соседнего) имущества во избежание распространения большого пожара. В записях старых гильдий можно найти следующее правило: «Если дом какого-либо брата или сестры сгорел в результате несчастного случая, каждый брат и сестра должны выделить по полпенни на постройку нового дома»¹³⁵.

Западноевропейский цех как союз ремесленников одной специальности в 12-м — 14-м веках кроме социально-экономических, религиозных целей преследовал и цель взаимопомощи. Цеховые статуты зафиксировали все многообразие случаев страховой защиты: от несчастных случаев, болезней, потери трудоспособности из-за старости и в случае смерти. Цех обязан был поддерживать семью умершего цехового мастера, а сирот следовало воспитывать и обучать мастерству. Так, в статутах парижских ткачей шерсти («Книга ремесел города Парижа») в параграфах 13, 14, 17 цех гарантирует защиту

Титульный лист «Livre des métiers» 1879 года издания

учеников от злоупотреблений мастеров, обеспечивает надлежащее содержание и обучение учеников, контролирует наличие у мастеров «достаточного имущества и знания, чтобы взять ученика». С другой стороны, корпорация сукновалов возмещает мастеру убыток из-за сбежавшего ученика (параграф 14); гарантирует вдове мастера возможность содержать мастерскую умершего супруга (ст. 5). Устав кёльнских бочаров (1397 г.) показывает, как из вступительных взносов формировалась касса братства, как ее использовали для оказания помощи при обстоятельствах разорения, болезней, несчастных случаев.

Согласно гильдийским и цеховым уставам страховые взносы формировались за счет общей кассы.

В 15-м веке гильдийско-цеховое страхование создает новую, более совершенную форму формирования страховых денежных фондов. Организуются специальные кассы, в которые принимаются регулярные взносы членов этого братства. В зависимости от появления новых

¹³⁵ Haines Frederick Henry. Chapters of Insurance History: The Origin and Development of Insurance in England. London: Post Magazine & Insurance Monitor, 1926. P. 36–37.

видов рисков средневековое страхование дифференцируется, и страховые взносы также дифференцированно направляются на возмещение того или иного ущерба.

С середины 15-го века в Европе действовали небольшие учреждения взаимного страхования — «огневые товарищества». Из них наиболее известными были гильдии Шлезвига (с 1446 г.), Гольштейна (с 1442 г.), Лондона и Парижа.

Одновременно шло дальнейшее углубление разделения средневекового страхования на две отрасли — имущественное и личное. В связи с этим расширялись обязанности членов братства как страхователей. Они кроме уплаты взносов должны были бережно сохранять свое имущество, принимать все меры для его спасения, чтобы свести к минимуму ущерб от стихийных бедствий и других оговоренных в уставах случаев. Наказанием при нарушении этого правила было лишение права на получение пособия по возмещению убытка. Это подтверждают, например, уставы немецкой Ганзы.

Таким образом, вплоть до середины 15-го века в Западной Европе развивался в основном некоммерческий тип страхования. Страховое дело еще не стало повсеместно предпринимательской деятельностью, направленной на получение прибыли как основной цели и на распределение ее между учредителями страховой организации.

В последующие века стремление людей к объединению в целях улучшения своей деятельности столкнулось с гонениями со стороны высших слоев общества, которые видели в таких объединениях не только источники доходов (налогов), но и угрозу своей власти. Например, в период своего конфликта и разрыва отношений с Римской католической церковью английский король Генри VIII рассматривал гильдии как организации, поддерживающие Папу, и в 1545 году он конфисковал все имущество гильдий.

После запрета гильдий королем Генри VIII вскоре стали появляться общества взаимопомощи, главным образом, для поддержания семей умерших членов таких обществ. Самое известное из таких ранних обществ была Корпорация Картерсов (Incorporation of Carters), основанная в 1555 году в шотландском городе Лит (Leith), а согласно «Документарной истории страхования», на которую авторы часто ссылаются, в 1560 году. По мнению К. Уолфорда эта корпорация «была, вероятно, ранее гильдией, которая, утратив некоторые из своих привилегий, преобразовалась в ассоциацию в форме дружественного общества»¹³⁶.

Отмена торговых гильдий лишила простых работников важной формы взаимной социальной и финансовой поддержки.

«Дружественные общества» («Friendly Societies»). Разные источники говорят о том, что предшественниками дружественных обществ во всех странах мира, в первую очередь, в древнем Китае, Греции и Риме, были либо гильдии, либо так называемые «*burial clubs*» («похоронные (погребальные) клубы»). Подходом любой религии, если не считать это общим инстинктом человечества, было окружение умершего человека ритуалами, расходы по которым нередко выходили за финансовые возможности его живых родственников. Обращение за помощью к друзьям и соседям вскоре трансформировалось в систему взаимопомощи, что совпадало с религиозными церемониями отдания почестей усопшим.

В Китае ещё относительно недавно почти во всех городах и деревнях существовали похоронные общества, называемые *long-life loan companies* (досл. «компании долговременного заимствования»), хотя не исключено, что кое-где неформально они имеют место и сейчас.

Одной из характерных черт последующих дружественных обществ было то, что теперь они формировались не по признаку соседства, а людьми с общим знаменателем, как, напри-

---

¹³⁶ Цит. по кн. The Documentary History of Insurance, 1000 B. C. — 1875 A. D., Memorial Publications of the Prudential Insurance Company of America, Prudential Press. Newark, New Jersey, 1915, p. 18. The Documentary History of Insurance, 1000 B. C. — 1875 A. D., Memorial Publications of the Prudential Insurance Company of America, Prudential Press. Newark, New Jersey, 1915. P. 18.

мер, одинаковой профессией или общим этническим, географическим или религиозным происхождением.

Английские гильдии и дружественные общества 17-го — 18-го веков. Небезинтересно проследить, как после роспуска религиозных гильдий в 16-м веке и заменой организованной системы материальной помощи законодательством королевы Елизаветы I о бедных, выстраивалась система дружественных обществ.

Королева Елизавета I отобрала у гильдий возможность обучать подмастерьев, и к концу ее правления (умерла 24 марта 1603 года) большинство гильдий было запрещено. Последняя гильдия согласно архивам существовала в 1628 году, и есть записи о дружественных обществах уже за 1634 и 1639 годы. Между ними сложно установить какую-то историческую связь. Нет никаких записей об обществах во второй половине 16-го века или большей части 17-го века, кроме одного общества, упоминающегося в самом конце этого столетия и находившегося в порту Борроустоунесс (Borrowstounness) на юге Шотландии.

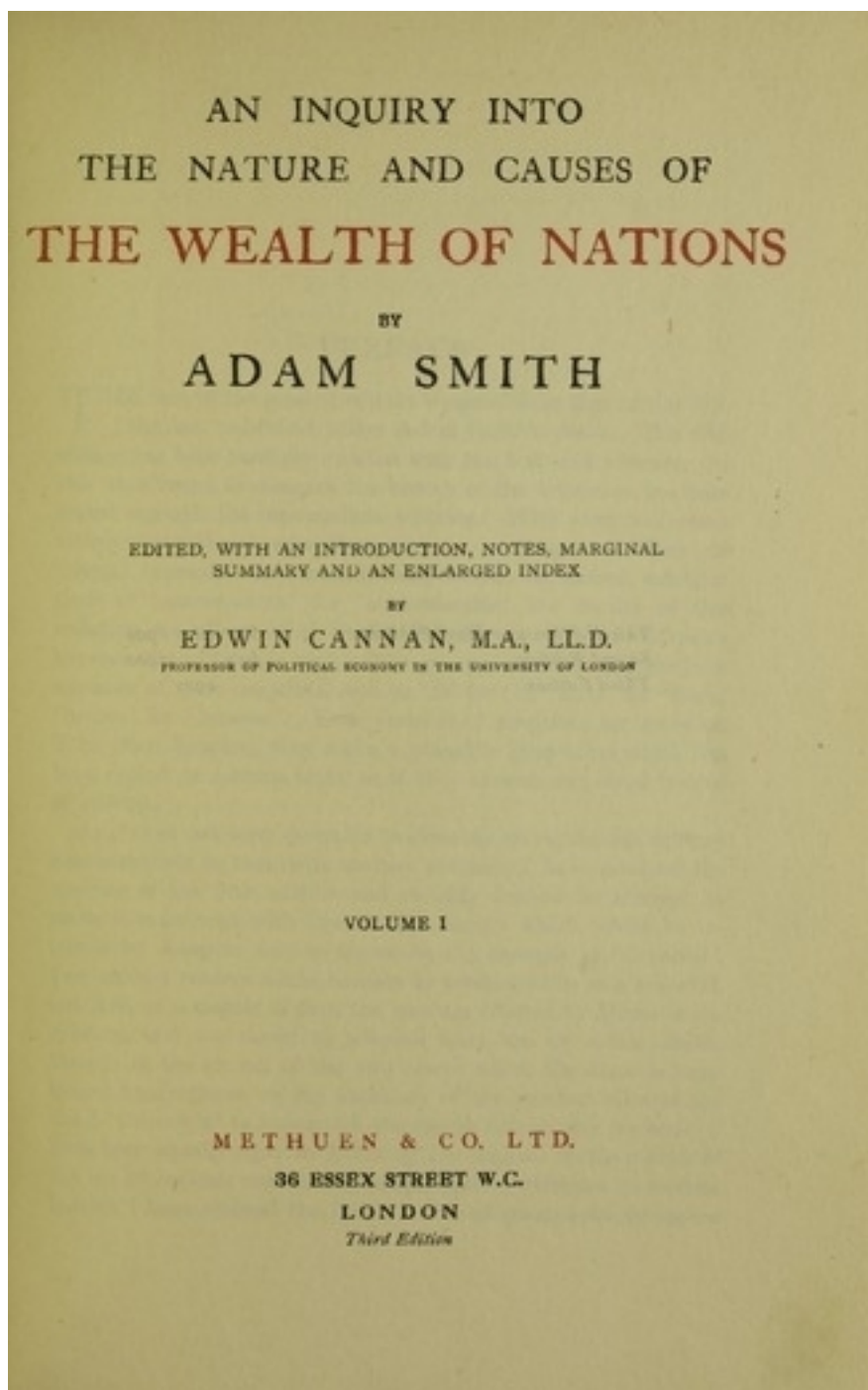
Вполне вероятно, что современные общества взаимопомощи или дружественные общества обязаны в большой степени своим возрождением протестантским беженцам из Спиталфилдса, некоторые из которых в 1703 году образовали свое общество, которое просуществовало 176 лет.

Формирование очередного дружественного общества в Англии датируется 24 января 1705 года, но лишь 25 июля 1706 года его инициаторы в лице епископа Оксфорда Томаса Элина (Sir Thomas Aelyn) и других его сподвижников получили хартию королевы Анны (на пятый год ее правления), которая наделяла их и их правопреемников от имени королевы полномочием покупать землю, выступать в качестве истца и ответчика и иметь корпоративную печать. Это было первое общество страхования жизни, основанное на надежных актуарных расчетах, оно получило развитие и в 1866 году было поглощено компанией «*Norwich Union Life Assurance Company*».

Еще одно общество «*Lintot*» («Ленто» или «Линт», название французского происхождения, по-видимому от названия реки Линт в Швейцарии) было основано в 1708 году, в котором в офисе секретаря более пятидесяти лет заседали лица под французской фамилией «*Levesque*» («Левек»), один из которых опубликовал перевод первых правил общества. Возраст члена общества не меньше 18 лет, и он должен быть членом церкви. Член общества не имел права обращаться за помощью в течение первого года своего членства, но если он заболел в этот год, члены общества могли предоставить ему материальную помощь. Общество насчитывало всего 50 человек, но его фонд превышал £ 2 000.

Пример предвидения, который демонстрировали эти общества, привлек столько последователей, что в 1793 году был принят Закон сэра Джорджа Роуза (Sir George Rose's Act), который признавал существование многих обществ и обуславливал их всяческую поддержку, а также освобождение от части налогов. Следует отметить, что в данном законе впервые было использовано слово «*mutual*» («взаимный»). Закон давал следующее определение «дружественному обществу» или обществу взаимопомощи: «Общество доброго взаимопонимания с целью увеличения время от времени путем добровольных взносов капитала или фонда для оказания взаимной помощи и поддержки всех и каждого члена в старости, на случай болезни и немощи либо помощи вдовам и детям умерших членов».

Дружественные общества находились ещё на стадии становления, но уже получили легитимацию. Почему? Во-первых, это был период бунтов и беспорядков, принесенных промышленной революцией, а также Великой французской революцией, которая бушевала рядом через Ла-Манш. Во-вторых, данные революции сами по себе вызывали невзгоды и ожесточение в среде рабочего класса. С одной стороны, Британия была страной свободной торговли, где главенствовал экономический рационализм. Адам Смит уже опубликовал свою работу «*The Wealth of Nations*» («Богатство народов») 1776 года,

а богатая прослойка населения желала снижения налогов и сокращения аппарата правительства. С другой стороны, как раз в это время мятежи и волнения среди республиканцев происходили за рубежом, и для того, чтобы идти воевать с Наполеоном, требовались расходы на армию и флот. И правительство меньше всего нуждалось в несговорчивом рабочем классе. Другими словами, некоторые безработные могли быть привлечены на военную службу, а остальных надо было как-то отвлечь от требований повышения заработной платы или улучшения условий труда. В-третьих, правительство хотело потворствовать объединению «хороших рабочих» и препятствовать союзу «плохих рабочих».

Для правительства в то время союз «плохих рабочих» являлся тем, который объединял отрасли, связанные с головным офисом, другими словами, имел федеральную структуру и так

называемую «*Grand Lodge*» («Великая Ложа»). Союз «плохих рабочих» был также тем объединением, которое использовало взносы своих членов на поддержку рабочих, которые оказались безработными. «Взаимная помощь» представлялась нормальной, пока информация о ней не стала распространяться из города в город, из одной масонской ложи в другую, и не стала означать, что рабочие могли хотя бы на время отказаться от зарплаты и условий, которые им предлагал работодатель, и существовать за счет ложи.

Возвращаясь к Джорджу Роузу можно отметить следующее.

Джордж Роуз

Он считался британским бюрократом и представителем партии Тори на рубеже 19-го века, и, самое главное, главным архитектором экономической политики Уильяма Питта. Но Роуза по большей части ассоциируют с реформами последнего в отношении бедного населения. Он был главным защитником дружественных обществ, а точнее схем взаимного страхования среди семей рабочего класса, которые предоставляли помощь на случай инвалидности, вреда здоровью, при достижении старости и на случай смерти. Его закон 1793 года стал своего рода объединительным актом для всех дружественных обществ взаимопомощи. Количество таких обществ стало быстро расти, они фактически стали прототипами трейд-юнионов или профсоюзов. В том же законе 1793 года Роуз также обеспечил жизненно важное исключение обществ из старого Закона о бедных 1662 года, который позволял руководству приходов исключать вновь прибывших бедняков из прихода на основании лишь своей прихоти. В 1795 году Питт и Роуз распространили это изъятие на каждого, тем самым, никто не мог

быть выдворен, если сам человек не обратился за помощью в приход, при этом безработным разрешалось перемещаться по стране в поисках работы вместо того, чтобы быть привязанным к своему приходу. Питт и Роуз расширили законодательство о бедных в 1796 году, которое предусматривало дополнительные льготы, легализовало помощь вне приходов и отменило ненавистный «*workhouse test*» 1723 года. Закон 1723 года касался работных домов или домов призрения (*workhouses/poorhouses*) для бедняков с жестким режимом и обязательной работой в пользу благотворительных обществ и приходов, в ведении которых такие дома находились. Благодаря закону 1796 года работные дома были преобразованы из мест принудительного труда безработных в богадельные хосписы (*poorhouse hospices*) для престарелых и инвалидов. Законы Питта-Роуза подверглось жестким атакам со стороны многочисленных критиков, и, главным образом, со стороны Томаса Роберта Мальтуса (*Thomas Robert Malthus*). В своей работе 1798 года «*An Essay on the Principle of Population*» Т. Мальтус отмечал, что рост производства продуктов питания улучшил благосостояние населения, но это улучшение носило временный характер, поскольку это вело к росту населения, который, в свою очередь, восстанавливал изначальный уровень производства на душу населения. Такое положение вещей известно как «*Malthusian trap*» («Малтусианская ловушка») или «*Malthusian spectre*» («Малтусианский призрак»). Т. Мальтус критиковал законы о бедных, которые, по его мнению, скорее вели к инфляции, нежели к улучшению уровня жизни бедняков. Он поддерживал налоги на импорт зерна, поскольку обеспечение продовольствием было важнее, чем максимизация богатства. В конечном итоге, Мальтус предлагал отменить работные дома. Как обычно, Роуз отвечал критикам фактами. В 1803 году он, собрав сведения о расходах приходов и количестве бедняков, предложил так называемые *Poor Returns* или налоговые льготы в пользу бедного населения.

Далее целесообразно остановиться на некоторых известных обществах взаимопомощи.

«**Чудаки**». Название «*Oddfellows*» возникло в связи с тем, что в 17-м веке в небольших городах и деревнях Англии очень незначительное количество «*Fellows*» (люди, занимавшиеся одними и теми же торговыми операциями) образовали гильдию. Позднее к ним присоединились их коллеги из других торговых центров и организовали братство «*Oddfellows*». При этом в то время было удивительным обнаружить людей, объединившихся с целью оказания помощи нуждающимся и разрабатывающих проекты благотворительности для всего человечества. Поэтому тех, кто принадлежал к такой организации, называли «*Odd Fellows*» или попросту «Чудаками».

В таких крупных городах, как Лондон, некоторые гильдии («*Free Masons*» — досл. «Свободные масоны» и те же «Чудаки») выжили за счет того, что они адаптировали свою роль в социальном развитии общества. Хотя обе гильдии располагались в Лондоне, они основывали свои отделения (называемые «ложами») по всей стране. Старейшие сохранившиеся записи о ложе «*Oddfellows*» датируются 1730 годом со ссылкой на ложу «*Loyal Aristarcus Oddfellow Lodge*» в Лондоне. Сегодня многие пабы в Англии имеют название «*The Oddfellows*» или «*Oddfellows Arms*», возможно потому, что когда-то это были места встреч членов масонских лож.

Французские революционеры с опаской относились к таким объединениям. Членство в них считалось во Франции уголовным преступлением, и такие организации были вынуждены уйти в подполье и использовать шифры, пароли, специальные рукопожатия и иные опознавательные знаки. Но боязнь революционеров не была единственной причиной гонения. «Дружественные общества» («*Friendly societies*»), подобные «*Oddfellows*», по существу являлись предшественниками современных профсоюзов и были в состоянии эффективно организовать местную забастовку, призывая всех своих членов к внесению дополнительных взносов в их благотворительные фонды, из которых могли выплачиваться компенсации семьям членов, которые участвовали в забастовках.

Братство «*Oddfellows*» предоставляло своим членам ряд новых преимуществ, включая так называемый «*Travel Warrant*», который позволял членам братства, которые искали работу, бесплатно останавливаться на ночлег в «*Oddfellows Hall*» (специальных зданиях, принадлежащих братству и расположенных по всей стране). Братство также выдавало стандартные защитные полисы, на которые люди могли подписаться для своей финансовой поддержки. В то время в Англии вплоть до 1948 года платным являлось посещение врача или визит в больницу, и многие люди вступали в «дружественные общества», подобные «*Oddfellows*», чтобы получить финансовое возмещение в связи с расходами на врачебную помощь.

В результате «Славной революции» в середине 18-го века братство разделилось на «*Order of Patriotic Oddfellows*», Орден, который располагался на юге Англии и поддерживался Вильгельмом, и на «*Ancient Order of Oddfellows*», Орден, располагавшийся на севере Англии и благосклонный ко всей династии Стюартов.

После провала восстания, организованного Карлом Эдуардом Стюартом в 1789 году,

Карл Эдуард Стюарт

оба Ордена объединились в Орден «*Grand United Order of Oddfellows*»,

сегодня более известный как «*The Grand United Order of Oddfellows Friendly Society*» (*GUOOFs*) (не путать с «*Grand United Order of Oddfellows*», учрежденном в США в 1843 году). В 1810 году члены Ордена, жившие в Манчестере, были разочарованы деятельностью Ордена «*Grand United Order*» и основали свой независимый Орден под названием «*Manchester Unity*». Сегодня эта организация именуется как «*The Independent Order of Oddfellows (Manchester Unity)*» или проще «*The Manchester Unity Order of Odd Fellows*» (*MUOOF*).

Последующие выходы из Ордена «*Grand United*» и Ордена «*Manchester Unity*» привели к образованию других Орденов «*Odd Fellows*». 26 апреля 1819 года в Балтиморе (США) было основано братство «*American Odd Fellowship*», а годом позже оно объединилось с Орденом «*Manchester Unity*».

В 1834 году была объявлена незаконной организация «*Tolpuddle Martyrs*», а ее члены были приговорены к ссылке на семь лет в Австралию. Совет директоров братства «*Oddfellows*» поспешил изменить свой устав, чтобы избежать аналогичную судьбу. Члены братства в США были недовольны тем, что старые ритуалы были изменены без их согласия, в частности, изменены в пользу английского правительства, против которого они вели войну за независимость. В результате братство в Америке объявило о выходе из Ордена «*Manchester Unity*» и образовало саморегулируемый Орден «*Independent Order of Odd Fellows*», который основал свои ложи по всему миру. Орден был также известен как «Братство трех связей» (англ. «*The Three Link Fraternity*»), поскольку на эмблеме Ордена были изображены три звена цепи, содержащие буквы F, L и T (*Freindship, Love, Truth*, т. е. Дружба, Любовь и Правда).

Деятельность братства вызывала подозрение со стороны властей вплоть до 1850 года, когда Орден «*Independent Order of Oddfellows Manchester Unity Friendly Society*» стал крупнейшим и самым могущественным дружественным обществом Англии. Стимулом процветания Ордена стала Индустриальная революция, нехватка профсоюзов и отсутствие личного или государственного страхования; и только объединение обществ взаимопомощи, подобных «*Oddfellows*», могло предоставить защиту простым людям и их семьям на случай болезни, травм или смерти.

В 1911 году, когда либеральное правительство Герберта Генри Эсквита (Herbert Henry Asquith) издало Закон о национальном страховании в Англии («*National Insurance Act*»), братство оказывало настолько большую помощь населению, что правительство использовало его актуарные таблицы для разработки системы взносов и компенсаций. К тому времени братство «*Oddfellows*» уже являлось самым крупным дружественным обществом в мире.

В середине 20-го века в Англии основная роль «дружественных обществ» перешла в сферу ответственности таких государственных институтов или программ как «*Welfare State*» и «*National Health Service*», и с 1948 года задачи братства «*Oddfellows*» были переориентированы на другие направления, но основной акцент сохранился в отношении вопросов социальной занятости, попечения, материальной помощи и финансовых льгот.

Программа «*Welfare State*» (досл. «государство всеобщего благосостояния», но в данном контексте «система социального обеспечения») в Англии включает в себя расходы на улучшение системы здравоохранения, образования, занятости населения и социальной защиты. В декабре 1942 года Междепартаментский комитет по социальному страхованию и сопутствующим услугам — «*Inter-Departmental Committee on Social Insurance and Allied Services*» — подготовил доклад «*Social Insurance and Allied Services*», известный также как «*Beveridge Report*» по фамилии председателя комитета Вильяма Генри Бевериджа (William Henry Beveridge),

Вильям Генри Беверидж 1879-1963

в котором были названы недостатки, которые назывались «Огромным злом» («Giant Evils») английского общества того времени: запустение, невежество, нищета, праздность и болезни. В связи с этим в докладе предлагалась всеобъемлющая реформа системы социального обеспечения. Доклад вышел в середине Второй мировой войны и стал основой послевоенной реформы, известной как «*Welfare State*», которая включала расширение национального страхования и создание Национальной системы здравоохранения «*National Health Service*». Закон о Национальной системе здравоохранения 1946 года вступил в действие 5 июля 1948 года. Следует отметить, что после войны были приняты и другие законодательные акты, в частности, Закон о государственном вспомоществовании (National Assistance Act 1948), Закон о национальном страховании (National Insurance Act 1946) и Закон о государственном страховании травматизма в промышленности [National Insurance (Industrial Injuries) Act 1946].

Во второй половине 20-го века «*Oddfellows*» перешло к реализации финансовых продуктов. Заканчивая историю этого братства, примечательно отметить, что в свое время его членами были: король Англии Георг IV (1820–1830 гг.), Уинстон Черчилль, премьер-министр Англии Стэнли Болдвин (1923–1937 гг.) и отцы Джорджа Харрисона и Ринго Стары, музыкантов группы «Битлз».

«Лесники». Братство «*Foresters*» являлось обществом взаимопомощи по уходу за больными. Согласно записям оно было образовано в 14-м веке в древних королевских лесах, принадлежавших монархии. Хотя нет серьезных подтверждений, но в 18-м веке якобы существовало общество «*Royal Foresters*». Изначально членство в обществе можно было получить за успехи в дуэле на палицах, потом на шпагах и, наконец, на дубинах, правда, в 1843 году палицы

отменили. В 1834 году общество «*Royal Foresters*» основало уже упоминавшееся «дружественное общество» «*Ancient Order of Foresters*» (AOF).

Орденская лента округа 3632 Ордена «Ancient Order of Foresters»

Как и все другие подобные общества и братства «*Foresters*» помогало преобразовать страховую отрасль путем распространения преимуществ страхования на среднюю рабочую семью. Допустив в члены женщин, братство обеспечивало и до сих пор обеспечивает пособиями детей-сирот либо детей заболевших членов общества. В наше время братство оказывает помощь в Канаде, США и Англии через прямые инвестиции в национальные и местные товарищества, а также путем финансирования конкретных отраслей производства и образовательных систем.

В период с 1870 по 1874 годы Королевская комиссия инициировала принятие различных законодательных положений о дружественных обществах. В конечном итоге, они были разделены на 13 классов.

Первый класс включает аффилированные общества или «ордена» («orders»), такие как упоминавшиеся «*The Manchester Unity Order of Odd Fellows*» (MUOOF), «*Ancient Order of Foresters*» (AOF), а также «*Rechabites, Druids & Co.*». Подобные общества имеют районные независимые подразделения, называемые «ложи» («lodges»), «правления» («courts»), «палатки» («tents») или «отделения» («divisions») и имеющие отдельный управляемый фонд, но пополнение фонда осуществляется под контролем центрального офиса. Сегодня общества имеют свои «ключи» («secrets»), которые, правда, не носят строгий характер, а скорее служат идентификации своих членов в отдаленных отделениях по паролю. На самом деле они далеки от того, чтобы называться «закрытыми обществами», поскольку на их собраниях присутствуют репортеры, а дискуссии публикуются в печати.

Второй класс состоит из так называемых «*general societies*» («генеральные общества»), которые в основном присутствуют в Лондоне и тратят на управление около 10 % своих доходов.

Третий класс включает в себя «*county societies*» («окружные общества»), само название которых говорит о том, что они создавались в регионах страны.

К четвертому, весьма многочисленному, классу отнесены «*local town societies*» («местные городские общества»). Среди них выделяются дружественные общества еврейской общины. Они отличаются от обычных обществ взаимопомощи в характере возмещений на случай

смерти, в частности, в них предусмотрена компенсация при потере занятости во время ритуального уединения (*ceremonial seclusion*), предусмотренного иудейским правом.

Пятый класс представлен «*local village and country societies*» («местные деревенские и сельские общества»), включая небольшие питейные клубы, большая часть которых не зарегистрирована.

Шестой класс называется «*particular trade societies*» («частные торговые общества»), при этом читателей не должно смущать слово «торговый», поскольку по сути это отраслевые общества, которые могут объединять в своих рядах людей конкретных профессий, не обязательно связанных с самой торговлей, например, рыболовецкие хозяйства.

К седьмому классу причислены «*dividing societies*» («разделительные общества»), т. е. общества, где каждый член осуществляет равный взнос в общий фонд, и если в конце года имеется излишек сверх выплаченных компенсаций, он равным образом распределяется среди членов общества. До 1875 года такие общества не признавались законом, хотя были весьма привлекательными для их членов. Эти общества сохраняли свою популярность и в 20-м веке, но вскоре их недостатки стали очевидными. Во-первых, нехватка аккумулированного фонда означала, что могло просто не хватить денег на возмещения, и, во-вторых, в силу ежегодного возобновления членства тяжелобольные лица иногда исключались из общества в конце года. Эти недостатки привели к появлению федераций с аккумулированными резервами и наличием права продлевать членство до тех пор, пока оплачиваются взносы.

Восьмой класс — «*deposit friendly societies*» («деPOSITные дружественные общества») — сочетает в себе характеристики сберегательного банка и общества взаимопомощи. Идея общества состоит в том, что определенная часть пособия по болезни должна компенсироваться из отдельного депозитного счета члена общества, и в случае не использования этого счета, он остается в распоряжение его владельца. Преимущества такого общества состоят в мотивации сбережения, а недостатком общества является то, что оно не может соответствовать случаям, когда болезнь затянулась, и исчерпан весь депозит члена общества.

Девятый класс называется «*collecting societies*» («коллекторские общества»), потому что взносы, направляемые в них, формируются за счет механизма поголовного сбора, что напоминает обязательное страхование жизни.

Десятый класс представляют «аннуитетные общества», которые превалируют сегодня в Западной Англии, но их количество постепенно сокращается.

Одиннадцатый класс означает многочисленные «*female societies*» («женские общества»), многие из которых являются аффилированными орденами известных обществ и называются *Female Foresters*, *Odd Sisters*, *Loyal Orangewomen*, *Comforting Sisters* и т. д. В их правилах можно найти условие о том, что член может быть оштрафован за поведение, не соответствующее правилам общества. Многие такие общества не зарегистрированы. В северных районах Англии их иногда называют «*life boxes*» («коробки жизни»), несомненно, от старой традиции помещать взносы в коробку. Доверенными лицами, казначеями, как правило, являются женщины, но очень часто секретарем назначается мужчина.

К двенадцатому классу относятся общества различного профиля, которым разрешено со стороны руководства графства регистрироваться в соответствии с Законом о дружественных обществах 1855 года. К таким обществам относятся так называемые «*working men's clubs*» («клубы рабочих») и ряд других специализированных организаций. Среди их целей оказание помощи членам в поисках работы, помощи в мертвый сезон торговли, а также вспоможение на случай хромоты, слепоты, умопомешательства, паралича или телесного повреждения в результате инцидента, кроме того, страхование на случай болезни или смерти, оказание помощи в случае кораблекрушения и т. д.

Последний, тринадцатый класс, представлен «*cattle insurance societies*» («общества страхования крупного рогатого скота»).

Из последних законов об обществах взаимопомощи можно отметить законы 1974 и 1992 годов.

Страхование в средние века и в эпоху Возрождения в Бельгии. Есть весомые основания считать, что средневековые и современные системы страхования обязаны своим появлением классической практике страхования морских либо наземных перевозок.

Применение страхования в отношении иных рисков могло передаваться из поколения в поколение лишь как деловая практика, но которая не была отражена ни в какой правовой системе.

В записях фламандцев, менапианцев¹³⁷ и западных или древних германцев обнаруживаются свидетельства роста взаимного страхования от убытков вследствие огня, кораблекрушений, несчастных случаев, пленения, ущерба скоту, начиная с системы «семейных групп» и до высокоразвитых деловых общинных систем 16-го века. Также имеется свидетельство происхождения и развития коммерческого страхования имущества торговцев и широко распространенной, сложной и высокоразвитой системы морского страхования и страхования жизни между 12-м и 16-м веками. Вспоминая, как развивались важные торговые связи между так называемыми «*Low Countries*» («низинные страны» или фламандцы, сегодня это страны Бенилюкса — Бельгия, Нидерланды и Люксембург) и Англией в течение 11-го — 15-го веков, по крайней мере, разумно предположить, что современное страхование в Европе обязано в большой степени развитию системы «семейных групп» среди жителей Фландрии, Менапии и Западной Пруссии.

Далее мы покажем различные этапы в развитии взаимного страхования в «*Low Countries*» и проведем сравнение некоторых временных интервалов, в течение которых практиковались различные методы коммерческого страхования.

Развитие страхования в Мемписке и Фландрии с 1 века по 16 век н. э.¹³⁸

Centuries.	MUTUAL.			NON-MUTUAL.		
	Nature of Group.	Nature of Insurance, etc.	Remarks.	Merchants' Stocks at Fairs, etc.	Marine.	Life.
I-VII	Family Groups of Germans and Flemings	(Assistance generally of members of Group)	—	—	—	—
VIII-X	Gilds— <i>Geldonia</i>	Against fire, shipwreck, misfortune	Secret societies—members bound by oath—illegal	—	—	—
XI-XIII	Brotherhoods <i>Amisid</i> <i>Mimus</i> <i>Confrérie</i> <i>Keuren</i>	Against fire, loss of merchandise, captivity, damage to live-stock, etc.	Granted charters by overlords. Marked change from friendly nature of Brotherhoods to businesslike character of later <i>Keuren</i>	Merchants and traders guaranteed against loss by Lords of Manors in return for payment	—	—
XIV-XV	Grouping of <i>Keuren</i> in district into one central commune. Cf. Statut du Mont d'Hazebrouck	Against fire	Advantage gained from widening the area of risk and of subscription	—	Company for Marine Insurance established in Bruges, 1310. Insurance by merchants, underwriters, etc.	Life Assurance Life Assurance
XVI	—	—	—	—	—	Life Assurance forbidden, 1571

¹³⁷ Менапианцы представляли собой бельгийское племя северной Галлии (в древности — территория, примерно соответствующая современной Франции, части Бельгии и Северной Италии) во времена доримские и Римской империи.

¹³⁸ Trennery Charles Farley. The Origin and Early History of Insurance, including the Contract of Bottomry. London: P. S. King & Son, Ltd., Westminster, 1926. P. 245.

Века	Взаимное страхование	Невзаимное страхование	Статус группы	Вид страхования	Примечание	Товары купцов на ярмарках	Морское страхование	Страхование жизни
I–VII	Семейные группы	(Общая помощь членов Группы)						
VIII–X	Гильдии	От огня, кораблекрушения, бед	Тайные общества — члены связаны клятвой — нелегальные					
XI–XIII	Братства	От огня, утрата товаров, рабство, гибель скота и т. д.	Хартии выдавались повелителями. Отмечался переход от дружественной природы братств к коммерческой	Возмещение ущерба торговцам со стороны лордов поместий за определенную плату				
XIV–XV	Объединение братств в одну центральную общину. Напр. Статут коммуны города Азбрука (Statut du Mont d’Hazebrouck)	От огня	Преимущество, полученное от расширения зоны риска и подписки		В 1310 г. в Брюгге основывается компания морского страхования. Страхование торговцами, страховщиками и т. д.	Страхование жизни		

XIV–XV						В 1571 г. запрет на стра- хование жизни
--------	--	--	--	--	--	---

Развитие общинного страхования из системы «семейных групп». Важной чертой семейного уклада было признание того, что права отдельных членов были ограничены их долями в имуществе всей семьи, оценка которого находилась в компетенции главы семьи, и что благосостояние каждого зависело от семьи. Таким образом, каждая группа формировала внутри себя сочетание взаимной помощи и поддержки. Со временем в связи с постепенной централизацией управления в руках различных крупных землевладельцев и позднее уже упоминавшихся «*Carlovingian Emperors*» (Карловингские императоры) уменьшилась власть глав семей в управлении делами племен, что привело к тому, что семьи стали терять свою власть и, соответственно, обладали уже меньшим контролем над своими членами. Далее, с развитием цивилизации и приходом новейших идей благодаря развитию торговых связей, члены семьи теперь были менее заинтересованы в узких взаимоотношениях, и семьи становились крупнее и, одновременно, менее зависимыми от внутренних интересов, а, наоборот, члены семей стремились иметь связи с членами других семей. Постепенно росло независимое население племенных районов; членами семей могли становиться рабы и свободные лица. Постоянно растущее количество людей стало отделяться от своих семей либо в связи с рождением в незаконном браке, либо с утратой кровного родства, либо в связи с добровольным уходом из семей. И в семьях стали появляться новые люди вместо ушедших родственников, что привело к тому, что клановые или семейные связи постепенно изменились в части взаимных интересов и деятельности. Результатом этих изменений стала постепенная трансформация общины, состоявшей из самостоятельных семейных групп в структуру, в которой либо сохранялись прежние семейные начала, либо в искусственную гильдию или общество, состоявшее из членов, которые были объединены не по крови, а по взаимным интересам.

Эти гильдии или общества находились в своей самой ранней форме простых собраний людей, которые встречались более-менее регулярно, чтобы обсудить интересующие их вопросы, такие как торговля, ремесло, религия и т. д. Одновременно, содействуя изменению формы ассоциации членов этих обществ, управление стало переходить в руки олигархии, и, соответственно, вместо того, чтобы удовлетворять интересы людей, представленных главами семей, оно стало противодействующим по отношению к ним. Это привело к следующему шагу в развитии гильдий, а именно, признанию значения силы в управлении путем давления на других членов. Постепенно пришла практика взаимного участия в убытках, понесенных отдельными членами общества, что и стало основой системы взаимного страхования в дальнейшем.

Такие объединения людей, которые находились вне границ старых семейных кланов, считались подозрительными с точки зрения членов все еще существующих семей и правителей страны. По этой причине общества использовали определенный квазисекретный способ проведения своих обрядов и собраний. Далее, поскольку споры или иски, возникавшие между членами гильдии, ослабляли ее влияние, члены каждой гильдии были вынуждены выстраивать свои внутренние дела таким образом, чтобы удержать силу своих решений в отношении всех случаев споров среди членов либо касательно любого иска со стороны одного или более членов, что могло навредить деятельности общества. Средством положить конец распрям, как показывают ранние записи этих обществ, было принесение присяги всем членами на сохранение операций гильдии в полной конфиденциальности и безоговорочное подчинение правилам ее исполнительного органа.

Гильдии (*Geldonia*) Мемписка и Фландрии. Эти гильдии являлись средством, с помощью которого низшие классы освобожденных рабов, да и сами рабы, стремились защитить себя от угнетения со стороны крупных местных правителей, а также от убытков, возникавших вследствие пожаров, кораблекрушений и иных бедствий. Они представляли собой клубы или общества для взаимного страхования своих членов. Изначально они формировались как тайные общества, а их члены были обязаны давать клятву верности гильдии и ее членам. Они также обязывали себя подчиняться статутам гильдии. Кроме этого, члены гильдии были обязаны делать периодические взносы в казну общества для формирования фонда, из которого компенсировались убытки членов общества. Эти общества напоминали некоторым образом ранее упоминавшиеся коллегии римлян в том, что каждая из них состояла из лиц одного и того же социального положения, главным образом, если не всецело, принадлежавших к низшим классам и имеющих общие интересы в торговле или работе. Следующим сходством являлось внесение членами римских коллегий и членами гильдий периодических взносов. Однако, на этом сходство и заканчивается. Эти организации отличались по своим целям или объектности. Римские коллегии, главным образом, предназначались для осуществления культов поклонения соответствующим божествам и, в отличие от обществ, компенсирующих уже упоминавшиеся погребальные расходы (*funeraticia*), и военных обществ, не предусматривали никакую форму взаимного страхования. С другой стороны, гильдии Фландрии не были сильно заинтересованы в соблюдении религиозных обрядов и, насколько известно, не возмещали своим членам похоронные расходы. Их основной целью было продвижение сочетания взаимного благосостояния их членов и взаимное страхование от определенных рисков. То, что эти гильдии были многочисленными, и их деятельность одобрялась властями, подтверждается законодательством Карловингских императоров, в частности, сборником Греческой Патрологии («*Patrologiae Cursus Completus*»)¹³⁹, где, хотя и четко прописано, что никто не должен присягать или давать

---

¹³⁹ *Patrologia Graeca* или *Patrologiae Cursus Completus* (Греческая патрология) — отредактированное французским аббатом Жаком-Полем Мином собрание трудов Отцов Церкви и различных светских авторов, написанных на греческом койне и византийском (среднегреческом) языке. Состоит из 161 тома, напечатанных в 1857–1866 годах в Католической типографии Миня.

Титульный лист «Патрологии»

клятву при вступлении в члены таких гильдий, тем не менее, там же ясно указывается на то, что это не противоречит целям обществ. Из ссылок на гильдии очевидно, что в свете закона единственной важной характеристикой в отношении них была клятва, которая формально запрещалась, а взаимное страхование косвенно одобрялось.

Из этого можно сделать вывод о том, что в 8-м веке н. э. существовало много групп лиц, которые добровольно становились членами обществ, основной целью которых было предоставление взаимного возмещения на случай убытков. Эти общества обладали самоуправлением и осуществляли свои внутренние дела по возможности при осведомленности властей, а законодательство запрещало все общества, где членство предполагало клятву. В частности, там есть следующий отрывок, датированный 779 годом н. э.: «*Charlemagne: Capitulare Francicum — 16. De sacramentis per gildonia invicem coniurantibus, ut nemo facere praesumat. Alio vero modo de illorum elemosinis aut de incendia aut de naufragio, quamvis convenientias faciant, nema in hoc iurare praesumat*» — «Касательно таинства клятв, которые гильдии используют для присягания между собой, то никто не должен делать этого. С другой стороны, хотя они заключают соглашения касательно своих пожертвований и касательно пожаров и кораблекрушений, не позволяйте никому присягать по данным вопросам»¹⁴⁰. Причиной этого запрета было опасение, что такие общества, формировавшиеся путем тайного членства под присягой, могли получить политическое влияние, которое могло быть использовано в ущерб местным правителям. Исходя из многочисленных ссылок в Греческой Патрологии, датируемых с 794 по 898 годы н. э., становится ясным, что обычай формировать гильдии стал обычным делом, опять же в силу их востребованности.

¹⁴⁰ Patrologiæ Cursus Completus, ed. by Jacques-Paul Migne, 1848: (a) Charlemagne: Capitulare Francicum, A. D. 779, § 16.

Подобные гильдии просуществовали вплоть до 11-го века, когда в систему управления поселениями постепенно вносились изменения, поскольку гильдии к этому времени уже не представлялись столь необходимыми. Со временем жители многих деревень и городов Фландрии и Мемписка стали объединяться в коммуны, имевшие местные законы, которые, по крайней мере, изначально составлялись самими коммунарами, хотя на это местные правители не давали разрешения. Позднее они перестали противиться формированию местных общин, которые были автономны экономически. В результате в течение 11-го века многие из этих деревенских общин, по большей части в ответ на оказываемые услуги, получили хартии от правителей на применение местного обычного права (т. е. основанного на местных обычаях) и укрепили свой авторитет за счет получения права наказывать за проступки, а также за счет применения римского права. В некоторых таких хартиях опускался вопрос взаимного страхования, который являлся важной частью деятельности гильдий.

Среди этих гильдий была община «*Amitié d'Aire*» (Братство города Айр-сюр-ла-Лис), которое получило хартию от Роберта II и его жены Клеманс около 1100 года н. э. Эта хартия содержит параграф, касающийся компенсации члену коммуны или братства, у которого сгорел дом, либо выкупа сверх имущества того, кто попал в плен. Пострадавшему члену братства каждый из членов был обязан уплатить по одной серебряной монете¹⁴¹.

Другую форму взаимного страхования предоставляла община, руководствовавшаяся «*La Charte de la Confrérie de la Charité de Valenciennes*» («Хартией Братства Милосердия города Валансьена»), датированной 1070 годом, в которой предусматривалось, что, если товары одного из членов общины были захвачены не по его вине, все остальные были обязаны возместить пострадавшему стоимость утраченных товаров.

Одним из первых и наиболее известных таких актов была Хартия общины «*Amitié d'Aire*». Другие деревенские братства получили хартии примерно в это же время. Они содержали положения, аналогичные Хартии общины «*Amitié d'Aire*». Такими были хартии братств бельгийских городов Брюгге и Гента, чьи названия сохранились в виде «*Minnemeersch*» и «*Minnewater*» («*Minne*» является фламандским эквивалентом слова «*Amitié*»).

Эти братства или общины постепенно становились более сплоченными и независимыми в силу полученных ими хартий. В 13-м веке такие хартии стали известными как «*keuren*». Эти «*keuren*» состояли из законов конкретного города и выдавались или подтверждались городским судом. Они содержали основополагающие нормы публичного и уголовного права соответствующих городов. Такие документы, главным образом, представляли собой подтверждения старого *обычного права*, что демонстрируется постоянным использованием фраз «*ce sont les usages*» («таковы обычаи»), «*l'usage est tel*» («таков обычай»), «*d'après l'usage*» («согласно обычаю») и т. п. Эти хартии также использовались при гражданском управлении городами.

В хартиях, датированных первой половиной 13-го века можно найти следующий шаг в развитии страхования от огня во Фландрии. В хартии нидерландского города *Veurnambacht* записано: «*In quacunqve villa combustion facta fuerit occulte, tota villa statim solvate dampnum per illos quos eligent coratores...*», т. е. лицу, у которого сгорел дом, должна быть незамедлительно выплачена компенсация от всей деревни, а также со стороны служащих, избранных деревней в качестве «*ceurherrs*» (или «*coratores*» = попечители)¹⁴². Аналогичная оговорка имеется в хартиях французских городов Берга (Bergues), Бурбур (Bourbourg) и Верне (Furnes), которые датируются 1240 годом.

В случае ранних хартий, таких как «*Amitié d'Aire*», нет ссылок на пожар. В более поздних хартиях некоторые характеристики изменились, и теперь компенсация причиталась, только

¹⁴¹ См., Wauters Alphonse Guillaume Ghislain. Les Libertés communales. A. — N. Lebegue et C-ie: Augusth Ghio, Brussels, 1878. P. 355.

¹⁴² См., Gilliodts van Severen Louis. Coutumes des pays et comté de Furnes. 1897, Brussels, Vol. III. P. 30.

если причина пожара была неизвестной. При этом выплата производилась уполномоченными попечителями общины, оценивавшими ущерб и определявшими долю, которую должен был оплатить каждый член общины. Очень хороший пример процедуры этих деревенских общин по страхованию от убытка в результате пожара можно найти в «Хрониках Аббатства Св. Николая в Верне» («Chronicles of the Abbey of St. Nicolas of Furnes»), состоящих из (а) хартии, датированной 1241 годом, которая предоставляла аббатству право, при согласии эшевеннов (заместителей бургомистра) и попечителей Верне, иметь такую же защиту от пожара, как и у жителей Верне, при условии, что аббатство будет участвовать пропорционально в убытках других лиц, вызванных пожарами, и (б) письма от эшевеннов и попечителей Верне, датированного 1241 годом, в котором утверждается, что аббатство, получив одобрение графа и графини, допускается к взаимному страхованию от огня жителей региона при условии, что аббатство должно компенсировать пропорционально убытки, которые могут понести местные жители в результате пожара неизвестного происхождения. Аналогичное разрешение было предоставлено графом Гвидо (Guido) в 1269 году в хартии, озаглавленной «*Summa et confirmation Guidonis comitis de bonis et libertatibus monasterii nostril*» — «Главная суть и утверждение Гвидона касательно имущественных и судебных прав нашего монастыря». Из сказанного ясно, что в 1241 году в аббатстве Св. Николая в Верне существовала хорошо организованная система взаимного страхования от огня, а также то, что она находилась под контролем муниципалитета и эшевеннов и попечителей города Верне. Похоже, что такая система страхования существовала довольно длительное время.

Хартиями также предусматривалось взаимное страхование скота. Секция 24 хартии от 5 марта 1266 года, выданной деревням Норд (Nord) и Зуд шуте (Zud Schoöte) их правительницей, аббатиссой города Мессина (Messines), находившегося в Западной Фландрии. В ней указано на старофранцузском: «*Ki autrui beste afole par malisse kon claime hamelinghe, il est a soisante sols et si rent le beste*», что означает, что лицо, которое злонамеренно повредит или убьет скотину другого лица, и, тем самым, позволит пострадавшему лицу подать иск в виде «*Hamelinghe*», будет оштрафовано на шестьдесят солей дополнительно к стоимости утраченного животного. Термин «*Hamelinghe*» применялся к компенсации потери скота со стороны жителей деревни по аналогии потери жилища в результате пожара¹⁴³.

Существует несколько других ссылок по вопросу страхования скота, среди которых можно выделить:

(1) Ордонанс Маргариты, графини Фландрии, датированный 1265 годом. В нем сделана прямая ссылка на обычай *Hamelinghe* и требуется, чтобы эшевенны Мессина сами урегулировали все претензии, о которых речь идет в ордонансе (*par la présente ordonnance*). Но в каждом сложном случае вопрос должен был направляться в Верне для последующего урегулирования. Расходы на проездку в Верне возлагались на ответчика. В данном ордонансе можно заметить, что обычай «*Hamelinghe*» в аббатстве Св. Николая в Верне был хорошо известен, а аббатство считалось как бы апелляционным судом в таких вопросах.

(2) В книгах аббатства Св. Николая в Верне за 1292 год сохранилось письмо, в котором поясняется обычай «*Hamelinghe*». Согласно этому обычаю на территории Верне с каждого жителя взимался налог, из которого компенсировались потери скота. Похоже, что этот обычай существовал многие годы, что подтверждается тщательными записями в книгах аббатства.

Как можно отметить, в хартиях отсутствуют ссылки на взаимное страхование на случай кораблекрушения, хотя подобное страхование осуществлялось в гильдиях. Вероятно, это можно объяснить тем фактом, что все упомянутые общины располагались на суше, и соответственно, у них не было потребности страховать своих членов от кораблекрушений, а также сложностью взаимного страхования кораблей и фрахта с разными стоимостями, поскольку

¹⁴³ Gilliodts van Severen Louis. Coutumes des pays et comté de Furnes. 1897, Brussels, Vol. III. P. 58.

ясно, что взнос в один серебряник не мог компенсировать убыток крупного торговца. Как бы то ни было, морское страхование осуществлялось торговцами, которые в большинстве случаев сами принимали на себя риски друг друга. Другая форма страхования, а именно, наземные перевозки товаров и страхование на период их хранения на ярмарках, обеспечивалось местными правителями.

Возвращаясь к хартиям 13-го века и прослеживая их дальнейшее развитие, можно обнаружить, что в середине этого века многие небольшие общины стали объединяться в более крупные формирования. Наиболее известным случаем последствия такого слияния является «Statut du Mont d'Hazebrouck», датированный 1340 годом. В его положениях имеется ссылка на выплату возмещения на случай ущерба в результате пожара при условии, что пожар возник из-за внешнего источника воздействия, и что требование о компенсации было сделано в соответствии с законодательством страны¹⁴⁴. Здесь следует отметить не только значительную распространённость страхования от огня, но и изменение условия, касающегося источника происхождения пожара. В документах ранних братств не было ссылок на причину возникновения пожара, затем в хартиях стала отражаться важность того, что причина пожара не известна, в то время как в рассматриваемом статуте четко указано на то, что пожар должен был возникнуть вне самого дома. Такие статуты и хартии сохраняли свое действие во многих странах Европы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что варианты взаимного страхования от убытков в результате пожара, кораблекрушения, повреждения скота, захвата товаров и пленения сформировались в самый ранний период во Фландрии, и что они оставались неизменными вплоть до позднего Средневековья.

Коммерческое страхование в 13-м веке. Как отмечалось выше, самая ранняя ссылка на какую-либо форму коммерческого страхования от убытка, практиковавшегося в Бельгии, которую можно найти в архивах аббатств Фландрии, содержится в регистрах аббатства города Мессина и состоит из писем эшевенов Брюгге и Ипра со ссылкой на «*tonlieu*» (вид городской пошлины или налога), который должны были уплатить торговцы, посещавшие ярмарку в Мессине. В этом документе, датированном 1227 годом, утверждается, что все торговцы должны были платить налог в 4 денье, называвшийся «*dorpinghe*» или «*pertusage*», кроме торговцев из Брюгге и Ипра, которые платили только 2 денье. Дословно: «*Pendant toute la durée de la foire et jusqu'à la fête de Toussaint, les marchands, en général, ne payeront qu'un droit de quatre deniers, droit qu'on appelle dorpinghe ou perlusage (droit d'étal), excepté les marchands de Bruges, d'Ypres...*» — «На время ярмарки и до праздника Туссен, купцы, как правило, будут платить только четыре денье, право называется *dorpinghe* или *perlusage* (право на прилавок), кроме торговцев из Брюгге и Ипра»¹⁴⁵. В ответ на этот налог торговцам не только разрешалось привозить свои товары на ярмарку и торговать ими, но также четко оговаривалось, что аббатисса обязывалась предоставить им защиту на период проведения ярмарки и удовлетворять их возможные претензии, т. е. фактически речь шла о страховании в ответ на определенные платежи или взносы.

В письме герцога Валеране (или Вальрама) IV (Duke Waleram) из Лимбурга (Limbourg), датированном 12 января 1248 года, со ссылкой на торговцев, путешествовавших между реками Маас (Meuse) и Рейн и, тем самым, пересекавшим его территорию владения, указывается, что они должны платить определенную цену за пересечение его территории, и что в ответ он ком-

---

¹⁴⁴ Coussemaker Ignace de, Comité Flamand de France. Observations sur l'acte de foundation de l'insigne collégialae du Saint-Pierre de Cassel, suivies de notes biographiques sur les Prévôts qui l'ont gouvernée jusqu'en 1790, et. Annales du Comité Flamand de France. Dunkirk, 1891, Vol. XI. P. 188.

¹⁴⁵ Inventaire analytique et chronologique des chartes et documents appartenant aux archives de la ville d'Ypres, Ieper (Belgium) Archives, Vandecasteele-Werbrouck, 1853. P. 123.

пенсирует любой убыток, который может возникнуть либо в отношении товара, либо его владельцев в границах его владений¹⁴⁶.

Аналогичное обязательство хартией от 1 декабря 1298 года было возложено на аббатису Изабеллу (Isabella), называемую Леди Вастина (Lady de la Wastine) и ее сына Джона, правителя Гистеля (Lord of Ghistelles) в Брюгге. В этой хартии предусматривалось право городских властей взимать пошлину в 2 соли за каждую бочку рейнского вина (*tonnel de vins rygnois*), и в ответ город «*tuitierent ... à tous jours plainement chascun en droit de lui*» — «наделили навсегда и полностью его правом»¹⁴⁷.

Из рассмотренных трех разных методов, которые предусматривали возмещение на случай различных рисков убытков, ясно, что жители Бельгии и, соответственно, торговцы Брюгге, должно быть, имели достаточно практических знаний преимуществ и недостатков страхования. Вполне вероятно, что подобная практика страхования товаров существовала в Брюгге уже в течение 12-го века.

Морское страхование. В «*Ouden Wittenbouc*» («Древние книги Виттенбука») есть упоминание о коллегии эшевенгов города Брюгге и свидетельство от 12 апреля 1377 года об операции, основанной на морском страховании. Это касается решения эшевенгов в отношении иска страхователя о компенсации стоимости нескольких застрахованных упаковок шелка и шерсти, которые были утрачены. Решением коллегии страховщик обязывался возместить страхователю утрату товаров, указанных в претензии. Данное решение показывает, что практика страхования понималась всеми сторонами. Из этой записи видно, что в 1377 году в городе Брюгге практика страхования морских рисков существовала уже достаточно давно. Это было похоже на современное страхование, т. е. договор страхования предусматривал защиту страхователя на случай утраты определенных товаров, и он не относился к взаимному страхованию, поскольку в противном случае ответчиком была бы община, а не конкретное лицо. Такое страхование действовало на протяжении значительного периода времени, поскольку первая страховая компания была основана в Брюгге в 1310 году. В «Хрониках Фландрии» («*Chronyke van Vlaenderen*»), опубликованных в 1735 году, есть такое утверждение: «По просьбе жителей Брюгге в 1310 году он (граф Фландрии Роберт III де Бетюн-Count Robert de Bethune)

---

¹⁴⁶ См., Eerstenwittenboeck, AA, fol. 46. See Warnkoenig, Vol. II. P. 443.

¹⁴⁷ См. подробнее, Gilliodts van Severen Louis. Coutumes de la ville de Bruges, Commission Royale, Vol. II. P. 104

Роберт III (настенный портрет в часовне города Куртре).

разрешил основание в этом городе Страховой палаты, где торговцы могли застраховать свои товары от рисков, морских либо иных, за пять динариев, как это имеет место и сегодня. Он также принял различные законы и положения, которые должны были соблюдать и страховщики (т. е. компании), и торговцы (т. е. страхователи).

Достоверность указанных документов была детально исследована французским юристом Ж. — М. Пардессю в своей работе «Коллекция морских законов до 18-го века», который в Томе 1 констатирует, что он ставит под сомнение надежность данного источника и приводит следующие аргументы. Во-первых, поскольку «Хроники» не были написаны автором, который был бы современником тех событий, их нельзя рассматривать как неоспоримые, т. к. нет иных убедительных свидетельств излагаемых фактов. Во-вторых, если Страховая палата была основана в Брюгге в 1310 году, невероятно, что она могла бы игнорироваться людьми, которые в 14-м веке и впоследствии занимались торговлей. И в-третьих, если практика страхования была настолько хорошо известна и имела такое значение, что это требовало принятия отдельного законодательства, тогда должны были быть найдены хотя бы какие-то намеки на него в сборниках законов, касающихся морских обычаев в странах Бельгии и Нидерландов. Однако в Томе 4 Ж. — М. Пардессю допускает, что могли существовать определенные традиции страхования. Далее, после ссылки на страхование в 14-м веке Пардессю считает вполне естественным, что практика страхования могла быть еще древнее: *«car ces documents supposent un état des choses*

connu et existant» (так как эти документы предполагают известное и существующее положение вещей).

Тем не менее, это не должно влиять на общий вывод о том, что коммерческое страхование было известно в Европе уже в позднем Средневековье. Как мы уже отмечали, практика взаимного страхования от огня и внесения взносов в фонд страхования скота имела место в 13-м веке, следовательно, страхование не являлось чем-то новым в 14-м веке. Имеются прямые ссылки на учреждение Страховой палаты в «*Jaer-Boecken van Brugge*»¹⁴⁸ и «*Brugschen Koophandel*»¹⁴⁹. Вполне возможно, что все эти источники получили информацию независимо от прямых свидетельств, которые либо были утрачены, либо уничтожены.

Есть также записи о договорах страхования, которые заключались в течение 14-го и 15-го веков. Тот простой факт, что такие, несомненно аутентичные, страховые процедуры фиксировались, более, чем очевидно показывает, что практика страхования была хорошо известна.

Следует отметить, что вопрос страхования в Брюгге не рассматривался в непосредственной привязке к морским путешествиям. Опять же, возможно, что Страховая палата находилась в положении, аналогичном торговой организации с ее собственным уставом, который был обязательным для самой компании и ее клиентов, но не для посторонних лиц, и, соответственно, эта палата не представляла для них нечто очень важное, что требовало бы составления сборников права. Этому существует также серьезное подтверждение в письме короля Португалии, датированном 1435 годом, об управлении фондом по возмещению торговцам налогов и пошлин на товары, которые они хотели экспортировать во Францию и Англию. В данном письме он ссылается на существование фонда во времена «королей, наших предшественников». Если подразумевались два короля, то речь идет о 1383 годе, а если пять — то письмо относит нас к 1325 году.

Суммируя сказанное, мы находим, что отсутствуют свидетельства того, что Страховая палата не была основана в Брюгге в 1310 году, кроме как мнения Ж. — М. Пардессю о слабости существующих доказательств. Далее вполне разумно предположить, что реальное взаимное страхование от огня и утраты скота существовало в Бельгии на протяжении многих лет. Кроме того, постоянно практиковалось страхование товаров, перевозимых по суше и по морю, в течение 14-го века и позднее торговцами Брюгге, Пизы, Милана, Флоренции и Лондона. Отсюда вполне можно рассматривать город Брюгге в качестве пионера, учредившего согласно хартии и в соответствии с его собственными законами Страховую палату, т. е. корпорацию с целью страхования товаров от рисков во время наземных и морских перевозок.

Развитие практики коммерческого страхования в течение 14-го и 15-го веков подтверждается документами публичного характера. Большая часть дел, на которые имеются ссылки, касаются договоров морского страхования. Однако это не говорит о том, что осуществлялось только морское страхование и не существовали другие виды страхования. Причиной того, что сохранились записи только данного класса договоров, возможно, является то, что город Брюгге делал основной акцент на морской торговле и стремился любым способом расширить эту отрасль. Соответственно, сделки такого рода имели большую огласку и значимость и тщательно фиксировались с тем, чтобы они могли стать прецедентами и примерами для будущих торговых и страховых операций. Поэтому, если мы хотим получить общую информацию о развитии страхования в Бельгии, следует обращаться к записям по морскому страхованию.

В 15-м веке обычай морского страхования стал настолько распространенным, что породил непрекращающиеся судебные тяжбы, записи о которых сохранились и показывают, что практика страхования достигла развития, почти аналогичного современному страхова-

---

¹⁴⁸ См. Custis Charles-Francois. *Jaer-Boecken der Stadt Brugge, behelsende der gedenckwurdigste Geschiedenissen*, Brugge, 1765, Vol. I. P. 301.

¹⁴⁹ *Beaucourt Patrice Antione, Beschryving Van Den Opgank. Voortgank En Ondergank Der Brugschen Koophandel*, Joseph De Busscher, Bruges, 1775. P. 23.

нию. Договор страхования, который заключался для гарантии возмещения реальных убытков и представлял собой то, что тогда называлось «*de assurance ghevallen*» («страхование от несчастных случаев») или «*l'assurance commise*» («страхование торговых служащих»), т. е. для покрытия товаров, был включен в документ, известный в 14-м веке как «*charter van zecggerscepe*» («разрешение на морское страхование») и позднее как «*policie d'assurance*» («страховой полис»), который мог быть составлен в любой форме, удобной для обычного договора. Он мог заключаться в форме простой «*cédule*» или долговой расписки, т. е. между заинтересованными сторонами, скреплявшими свои отношения частными печатями либо подписью нотариуса или брокера (т. е. попечителя). Однако, похоже, что все договоры страхования составлялись с той целью, чтобы претензия урегулировалась незамедлительно при получении доказательств убытка. В этом случае страховщик требовал письменную форму претензии — «*begheerde thebbene den heesch jn gheschrifte*», а страхователь отвечал, что вопрос страхования является «*sommaire*» (досл. «быстрым», т. е. без проволочек), и что платеж должен осуществляться согласно обычаю без каких-либо письменных документов. При этом контрпретензия на скидку или уступку могла заявляться только после оплаты самой претензии. У ответчика имелось право предоставить новые свидетельства в течение шести недель.

Риски, от которых можно было застраховаться, были очень похожи на современное покрытие и включали в себя захват со стороны противника или пиратов, кораблекрушения, как в результате шторма, так и вследствие посадки судна на мель, невозможности дальнейшего плавания в силу погодных условий, немореходности корабля (если об этом не знал грузовладелец на момент заключения страхования). Однако эти полисы не покрывали «*fraude de ribaudise*» (мошенничество), совершенное капитаном судна, хотя полисодержатель и не имел контроль над действиями последнего. Далее, полисы считались недействительными, если страховщик смог доказать, что страхователь намеренно разместил свой товар на корабле, который был немореходным, либо заключил договор путем обмана. Обычай распределения убытков, возникших в результате выброса части груза за борт или повреждения части груза в целях безопасности судна, известный как «Общая авария», как отмечено в деле от 15 июля 1441 года, использовался на протяжении многих лет.

Если полисодержатель имел право по тому или иному страховому случаю получить компенсацию в размере общей страховой суммы, он после получения такого возмещения был обязан передать свои права на товары страховщику. По современному толкованию речь шла об абандоне.

В сам полис включалась шедула или спецификация, в которой указывались характеристики товара, название страхователя, и эта шедула после подписания страхового полиса являлась существенным свидетельством того, что товар застрахован. Страхование касалось не только товаров, но и самих кораблей.

Как правило, страховые полисы гарантировались торговцами. Если страховщиками выступали несколько торговцев, то они несли ответственность за утраченный товар в рамках своих долей участия.

В то время (1450 год н. э.) было уже известно и перестрахование, но оно обычно заключалось в форме, согласно которой перестраховщики выступали гарантами или поручителями оплаты страхового возмещения со стороны торговцев, являвшихся страховщиками товаров первой руки.

В записях испанского консульства в Брюгге есть решение, датированное 7 октября 1447 года, касающееся арбитражного дела, в котором констатируется, что определенный товар, который являлся залогом, должен был быть застрахован за счет одной из сторон. Поскольку этот товар должен был оставаться в Брюгге, понятно, что речь могла идти не о страховании чисто морских рисков, а, вероятно, о страховании от огня или кражи. Имеется в виду сделка между «*Pierre de Sorye*» и «*Gonsalve de la Groigne*» в отношении «*Jehan Sanses de la Groigne*», в

которой есть такая фраза: «*que les marchandises données en gage seront assures aux dépens dudit Sanche*» — «что страхование данных товаров, являющихся предметом залога, производится за счет вышеуказанного господина *Sanche*»¹⁵⁰.

Страхование жизни. Страхование жизни осуществлялось прежде всего в Амстердаме, а также в ряде других городов в Бельгии. То, что жители Антверпена на протяжении длительного периода времени заключали такие договоры, ясно из ссылок на страхование жизни, содержащихся в записях этого города. В тех из них, известных как «*In Antiquis*»¹⁵¹, утверждается, что было традицией с древних времен заключать договоры страхования кораблей и товаров, которые перевозились по суше и морем, и также жизни граждан, и то, что такое страхование было разрешено.

Эти записи были составлены во второй половине 16-го века и показывают, что заключение таких договоров было обычной практикой с начала века, если не ранее.

В 1571 году был принят ордонанс, который касался страхования, и, разрешая страхование товаров, он, тем не менее, запрещал страхование жизни, как указано в Титуле LIV, известном как «*Impressæ of Antwerp*», датированном 1581 годом. Не ясно, происходил ли запрет на страхование жизни из Бельгии либо это предусматривалось нидерландским ордонансом Филипа Второго, который был издан годом ранее, т. е. в 1570 году. Очевидно то, что в Нидерландах практика сохранилась, о чем свидетельствуют ордонансы Амстердама и Роттердама.

В этой связи можно отметить, что, похоже, во всех католических странах в последней четверти 16-го века существовало движение, направленное против страхования жизни. Кроме ограничительного законодательства в Нидерландах и Бельгии был абсолютный запрет на данный вид деятельности в уже упоминавшемся «*Le Guidon*», который, как утверждает Ж. — М. Пардессю, вероятно, был опубликован примерно в 1570-х годах¹⁵².

Также существовало ограничение права страхования жизни известных людей, кто не получил разрешение сената, предусмотренного Гражданским статутом (Civil Statute) 1588 года: «*Sine licentia — Senatus non possint fieri securitates ... super vita Pontificis, neque super vita ... aliorum dominorum, aut personarum ecclesiasticarum...*» — «Без лицензии — Сенат не сможет гарантировать страхование — жизни Папы, или жизни ... других господ или церковных служащих ...»¹⁵³.

Поскольку до этого не было ограничений на данный вид страхования, невозможно предположить, что синхронное движение против страхования жизни во всех этих странах возникло независимо. Наиболее вероятно, что Римская церковь вынудила те правительства, которые находились под ее контролем, запретить страхование жизни. Как бы то ни было, существует четкое доказательство того, что около 1570 года в законодательном плане произошло кардинальное изменение в вопросе страхования жизни.

В тех же «*Impressæ of Antwerp*» в секции 3 утверждается, что в Ордонансе Карла V, датированном 4 декабря 1544 года, запрещалось заключать *weddinghen* («азартные страхования») в отношении маленьких детей: «*Gelijck dat oock volghende der ordinantien vande Keyserlijcke Majesteyt Caroli quinti vanden Decembris des jaers MDXLIII weddingen op knechtken oft meyskens sijn verboden*». — «Аналогично, что также в соответствии с указом Его Величества Короля от 4 декабря 1544 года ставки на страхование слуг и малолетних запрещены»¹⁵⁴.

¹⁵⁰ См. подробнее Gilliodts van Severen, Cartulaire de l'ancien consulat d'Espagne à Bruges. Bruges, 1901-2. Société d'Émulation de Bruges, Vol. I. P. 31.

¹⁵¹ Records of the City of Antwerp-In Antiquis, Titel XXIX. Contracten van assurementen. Longé Guillaume Philémon de. Coutumes du pays et duché de Brabant: Quartier d'Anvers. Bruxelles, Fr. Gobbaerts, 1870, Vol. I. P. 598.

¹⁵² См., Pardessus J. — M. Us et Coutumes de la Mer, 1847, Vol. II. P. 371–373.

¹⁵³ Genoa: Statut. Civil. Of December 16, 1588. V, 17.

¹⁵⁴ Records of the City of Antwerp-Impressæ of Antwerp, Titel LIV.

Страховые брокеры. Колыбелью брокерской деятельности считается Италия, и вполне примечательно, что данная услуга пользовалась спросом в ее торговых центрах, таких как уже упоминавшиеся Генуя, Пиза и Венеция, в конце 12 века и в 13 веке. Затем брокерство стало практиковаться и в испанской Барселоне. Своему возникновению брокерство обязано желанию торговцев иметь договоры и сделки, удостоверенные беспристрастной третьей стороной. Брокеры в Италии считались полуофициальными должностными лицами и, похоже, что их название «*sensalis*» («посредники») происходило от латинского слова «*censualis*» (досл. «относящийся к оценке имущества, касающийся наложения податей»), которое применялось к лицам, которые отвечали за составление и хранение документов и договоров. Даже если ответственность брокера, выступающего свидетелем сделки, приобретала все большую значимость, существенной считалась именно *экономическая* необходимость иметь доступные посреднические услуги. Изначально брокеры привлекались из-за наличия у них сети посредников, нежели за их знание товаров или производства. Лишь позднее брокеры стали специализироваться на определенных продуктах или услугах, среди которых страхование было одной из многих опций.

Глава 2. Эволюция страхования в Средние века в ранний период Возрождения

Истоки кодифицированного морского страхования. Составлению первого кодекса морского права, как и изобретению компаса, мы обязаны жителям древнего итальянского города Амальфи. Сегодня это небольшой рыбацкий городок и община в провинции Салерно в административном регионе Кампанья в Италии. Впервые в нем обосновались в 5-м веке н. э. люди, которые искали убежище от германцев в горах Латтари. Сначала они построили небольшую деревню на побережье, а затем были присоединены к Неаполю. Впоследствии, когда герцогство Неаполя отделилось от Византии, Амальфи стал независимым городом. В последующие века (с 9-го по 11-й века н. э.) этот город конкурировал в морской торговле с Генуей и Венецией. Примерно к концу 11-го века они разработали систему морского права, которая получила латинское название «*Tabula Amalfitana*» или итальянское «*Tavole amalfitane*» (досл. «Амальфитанские таблицы»). В истории права этот сборник норм, служивший кодексом для купцов Средиземноморья вплоть до 16-го столетия, также получил известность под традиционно «кратким» латинским названием «*Capitula et ordinationes curiae maritimae nobilis civitatis Amalphæ quae in vulgari sermone dicuntur la Tabula de Amalfa nec non consuetudines civitatis Amalphæ*» («Капитулы [положения] и порядок морской общины [сената?] известного города Амальфи, которые общепринято использует Амальфитанскую таблицу, но также и обычаи города Амальфи»).

Город Амальфи

Сама Амальфитанская таблица состояла из 116 разделов, включавших обычаи города Амальфи. Их преамбула гласит: «*Incipiunt consuetudines civitatis Amalphæ, compilatæ et ordinatæ anno Domini millesimo decimo, anno regiminis ipsius civitatis per ipsos Amalphitanos*» — «Первоначальные обычаи города Амальфи, собранные в надлежащем порядке в 1010 году, самими правителями города для его обитателей»). За таблицей следовала Хроника епископов Амальфи «с года Рождества Христова — 339 по 1530 годы», и краткая Хроника с продолжением до 1547 года. Эти документы находились в известной коллекции ученого венецианца Марко Фоскарини (Marco Foscarini), который 30 мая 1762 года был избран 117-м дожем Венеции.

Марко Фоскарини (1696–1763)

В 1801 году коллекция была выкуплена у наследников дожа императором Франциском (Francis).

Появление *Амальфитанских таблиц* или первого Кодекса торгового мореплавания в Амальфи было для той эпохи поистине новаторским событием. Оно в первую очередь способствовало распространению договора морской перевозки — *коносаменто*. Впрочем, известный всему миру коносамент сами итальянцы позднее назовут другим термином — *polizza di carico* (досл. с итал. «транспортная накладная» или «накладная на груз»).

Именно он заложил основу современного торгового права, которое со временем распространилось по всей Италии и далеко за её пределами.

В 10-м — 11-м веках амальфитанские купцы вели торговлю с Сицилией, Испанией, Тунисом, Египтом, со странами Леванта и с жителями Балканского полуострова. Даже когда Венеция стала перехватывать инициативу в торговле с востоком, город Амальфи продолжал оставаться главным посредническим центром в торговых отношениях с Северной Африкой и Испанией. Подчинение города власти норманов в 1131 году привело к утрате амальфитанцами части привилегий в Византии и в арабских странах, которые традиционно испытывали к норманнам весьма враждебные чувства. Однако самым тяжелым ударом для Амальфи явилось его поражение в морской войне с Пизой (1135–1137).

В. Н. Захватаев следующим образом подчёркивает значение Амальфитанского кодекса для формирования французского морского коммерческого права: «...кроме практики и обычаев, передававшихся в устной форме, существенное влияние на становление и развитие французского торгового права, и особенно морского торгового права, оказали средиземноморские сборники судебных решений и морских обычаев, среди которых были, например, Амальфитан-

ские таблицы (Tavole Amalfitane), составленные в самом начале второго тысячелетия в период процветания итальянского города-республики Амальфи»¹⁵⁵.

Амальфитанские таблицы получили всеобщее признание и стали кодексом морского права на всём Средиземноморье.

В конце 12-го века появляются так называемые «Олеронские свитки» («*Jugements*» или «*Rôles d'Oleron*», «*Lois d'Oleron*», «*Charte d'Oleron*»). Они представляли собой частную кодификацию морского права, составленную на острове Олерон (близ Бордо), входившим в состав герцогства Гиень (Франция), а затем в состав Англии. Свитки сохранились в нескольких манускриптах. Источником свитков послужили решения местных судов. Они предназначались для регулирования морской торговли и мореплавания в Атлантическом океане.

Эти свитки представляют собой систематизированный кодекс и представляли тщательную запись обычаев, сложившихся в торговле между атлантическими портами Франции. Они достаточно быстро завоевали признание и были постепенно восприняты всеми государствами Западной Европы. Однако именно на севере эти правила получили наибольшее распространение. По приказу английского короля Ричарда I они были переведены в Англии, и в английском Суде Адмиралтейства им придавалось особое значение как эдикту (указу) английского короля. Вскоре Олеронские свитки оказались общепризнанным кодексом морского права. Во Франции они были подтверждены ордонансом 1364 года. В конце 14-го века они были переведены на фламандский язык как «*Judgments of Damme*» («Решения города Дамм») или «*The Laws of Westcapelle*» («Законы Весткапелле»). Свитки действовали до 17-го века.

Анализ текста Свитков приводит к выводу, что в них отсутствует упоминание либо ссылки на страхование. Эти Свитки, в строгом смысле слова, представляют собой морское право. За исключением нескольких положений, касающихся кораблекрушений, они оговаривают исключительно обязанности капитанов и матросов в их взаимоотношениях с судовладельцем и торговцем, и отношений между ними в ходе начала рейса, его продолжения и окончания.

Мы приводим сведения о Амальфитанских таблицах и Свитках, исходя из принципа, что отрицательный результат тоже результат. Судя по всему, в тот период в сфере торгового мореплавания институт страхования не был настолько распространен, чтобы была необходимость его специально регулировать.

Церковь. Социальная значимость страхования привлекала внимание даже столь консервативной организации, как католическая церковь, которая с подозрением относилась к любым экономическим и финансовым новшествам, тем не менее, сыграла свою роль в эволюции страхования.

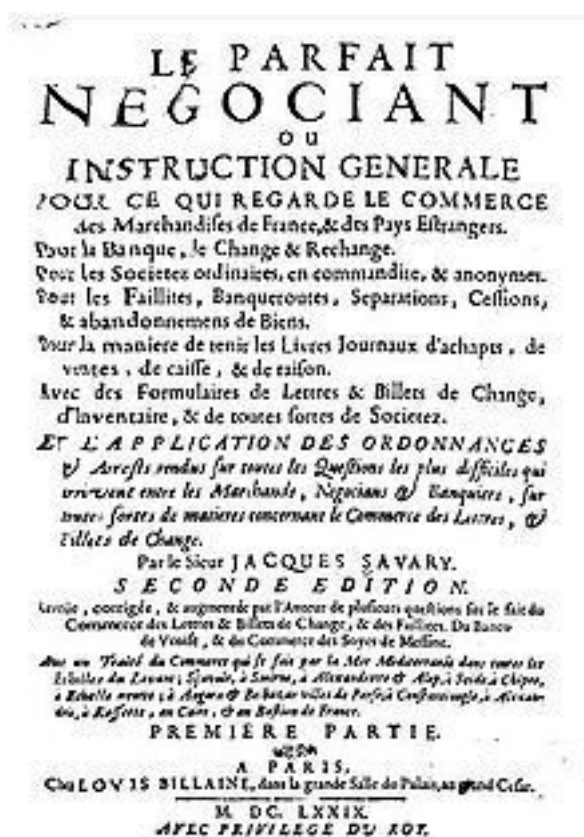
В 1155 году папа римский Адриан IV, находившийся на престоле с 1154 по 1159 гг., учредил в Варезе своего рода общество по защите от краж и грабежей, издав эдикт, по которому все рыцари, клирики и прочие состоятельные граждане вносили в городскую казну по 12 динаров в год (уплачивать которые предписывалось под страхом Божьей кары). Из образованного фонда выплачивалось полное возмещение всем жертвам краж и грабежей, правда, при условии, если и укажут место, куда увезено похищенное, либо назовут имя грабителя. История, к сожалению, умалчивает, чем закончилось столь оригинальное начинание, но сама идея выглядит вполне актуальной. В самом деле, чем не взаимное страховое общество при местном органе самоуправления, курируемое высшим должностным лицом?

Согласно Ж. Савари (Savary) евреи были первыми, кто ввел практику страхования около 1183 года. В своей работе «*Le parfait négociant ou Instruction générale pour ce qui regarde le commerce des marchandises de France et des pays étrangers*» («Идеальный купец или общая Инструкция для тех, кто смотрит на коммерческую торговлю во Франции и зарубежных стра-

---

¹⁵⁵ Захватаев Владимир Никитович. Коммерческий кодекс Франции. М., Wolters Kluwer Russia, 2008. С. 34.

нах») он писал, что он отмечал, что, переселяясь из Франции, они использовали страхование во избежание риска полной потери своего имущества¹⁵⁶.

Титульный лист труда Савари

Морской займ Средневековья, как источник института страхования. Проанализируем этот институт более детально с точки зрения наличия в нем элементов страхования.

В средние века общественные отношения, аналогичные тем, которые некогда создали этот институт, вновь вызвали его к жизни в пределах того же средиземноморского бассейна, но на этот раз, начиная уже не с восточной, а с западной его части.

В 12-м и 13-м веках морской займ получил большое распространение в Италии, Южной Франции, а затем в Испании, Португалии. На протяжении тысячелетий (от эпохи Вавилона или Финикии почти до самого конца средневековья), в трех частях света (от западных берегов Европы и северного побережья Африки до восточных берегов Азии) институт морского займа обслуживал морскую торговлю и способствовал ее развитию.

Морской займ был отправным пунктом развития и института страхования. Этот вывод давно стал практически общепризнанным¹⁵⁷.

В институте морского займа страховыми элементами являются:

- а) риск наступления несчастного случая (страховой риск);
- б) срок несения этого риска (срок страхования);
- в) вознаграждение за несение риска (страховая премия);

¹⁵⁶ См., Savary Jacques. Le parfait négociant ou Instruction générale pour ce qui regarde le commerce des marchandises de France et des pays étrangers, 1675, Paris, chez Jean Guignard fils, reprint by Edouard Richard, 1721, Geneva, Droz, Vol. I. P. 116.

¹⁵⁷ См., например, Wagner Rudolf. Handbuch des Seerechts, Vol. I, Leipzig, 1884; Потоцкий В. М. Краткий популярный курс страхования. М., Изд-е Главн. правления государственного страхования, 1925. С. 145.

г) возмещение, предоставляемое по принятому риску (страховое вознаграждение).

Страховой риск в договоре морского займа не требует особых объяснений. Это риск неблагоприятного исхода морского плавания, риск гибели судна с грузом; в этом случае заемщик свободен от своего долга и, следовательно, кредитор теряет данный взаймы капитал.

Обращаясь к сроку страхования, следует подчеркнуть, что период несения риска кредитором жестко отграничивается от периода пользования капиталом по морскому займу. И, действительно, оба эти периода могут не совпадать, так как заемщик подвергается морскому риску не в течение всего срока займа, а лишь в течение периода морского плавания. Более того: даже и время рейса не всегда совпадает с периодом несения риска. Кредитор несет риск с того момента, когда корабль, по условиям договора, должен был отплыть. Следовательно, если рейс фактически начался до обусловленного срока, кредитор еще пока риска не несет.

С другой стороны, прекращение риска до окончания рейса, если уже истек указанный в договоре срок несения риска или наступило прекращающее риск условие. С момента прекращения риска обусловленный процент снижается до размера обычного.

В институте морского займа строго определены и начальный, и конечный моменты периода несения риска кредитором. Это понятно: условия мореходства не одинаковы в разное время года, и кредитора нельзя заставить нести риск этого плавания за пределами согласованного с ним периода, являющегося по существу сроком страхования. Договор морского займа ввел в страхование очень важный элемент — этот срок. Ранее он не определялся и был равен либо сроку существования общества взаимного страхования, либо был пожизненным. В настоящее время срок действия договора страхования является его существенным условием (ст. 942 ГК РФ). Правда, в Концепции развития главы 48 Гражданского кодекса Российской Федерации, подготовленном рабочей группой Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, предлагается в составе существенных условий договора страхования заменить срок действия договора, имеющий в основном формальный характер, именно на срок страхования, поскольку последний играет значительно более важную роль и с точки зрения периода действия страхового покрытия, и с точки зрения величины страховой премии.

Юридическое объяснение страховой функции морского займа может быть найдено и более простым путем.

Сумма, выплачиваемая в договоре морского займа, есть только сумма займа и ничего более. Никакой (хотя бы «антиципированной») страховой суммы она собою не представляет. В качестве суммы займа она подлежала бы возвращению кредитору, независимо от исхода морского плавания. Но особенность морского займа в том именно и заключалась, что в случае неблагоприятного исхода плавания заемщик освобождался от возврата кредитору суммы займа (и от уплаты процентов).

Благодаря этому, заемщик освобождался в соответствующей мере от убытка, который иначе он должен был бы понести и который, вместо него, теперь несет уже сам кредитор. В этом, по существу, и сказывается страховой характер морского займа, страховое обеспечение, предоставляемое заемщику. Как в обыкновенном страховании, страховая выплата предоставлялась и здесь не «вперед», в порядке «антиципирования», не «ante factum», а лишь «post factum», после наступления несчастного случая. Но в отличие от обыкновенного страхования, страховая выплата выражалась не в положительной, а в отрицательной форме: не в форме предоставления средств, а в форме отказа от получения долга. Таковы элементы страхования, содержащиеся в институте морского займа. Страхование в составе кредитной сделки характерно как для античного, так и для средневекового страхового права — и в том, и в другом еще нет предпосылок для вполне развитого, самостоятельного правового института страхования коммерческого типа, а потому элементы коммерческого страхования существуют пока лишь в рамках

уже широко развившегося кредита, образуя, в сочетании с ним, его особую разновидность, своеобразную кредитно-страховую «амфибию».

Без особого труда обнаруживается в займе элемент страховой премии — обычный ссудный процент. Выше мы говорили об ограничениях процентов в разные эпохи. В средние века юстинианский лимит уже не менялся. И даже там, где для процентов по морскому займу действовал твердый, установленный обычаями тариф, он допускал значительные колебания ставок в зависимости от продолжительности рейса. Так, в пизанском «*Constitutum usus*» 12-го века ставки колеблются от 33 % до 35 % за рейс. В генуэзских договорах 12-го века встречаются ставки в размере 33% (*de tribus guattuor*) за полугодовой рейс в оба конца (туда и обратно), в размере 25 % (*de guattuor guingue*), 20 % (*sex per guingue*) и т. д. — за менее продолжительные рейсы.

В Генуе проценты на бодмерею в зависимости от длительности рейса колебались от 10 % до 50 %. В свою очередь, морское право Пизы предусматривало от примерно 3½% до 35 %.

В составе повышенных, по сравнению с обычными, процентов по морскому займу уже в римскую эпоху отчетливо разграничивались две различные части: вознаграждение за пользование капиталом и вознаграждение за риск. Правда, это еще не вполне точная квалификация. Потому что при наступлении несчастного (страхового) случая, кредитор, ввиду полного освобождения заемщика от обязательства по займу, не получает вознаграждение за риск. Договор займа переходит в договор страхования, а последний фактически «теряет» условие возмездности. Но все же и в таком виде вознаграждение за риск является в договоре морского займа своеобразной формой страховой премии. Это находит свое выражение даже и в том, что течение соответствующей части процентов, строго соизмеряется с продолжительностью «страхового срока», как то и полагается для страховой премии.

Если страховая премия в институте морского займа выступает достаточно наглядно — в простой и ясной форме увеличения ставки заемного процента, то не так легко и просто определить в морском займе юридическую форму страхового вознаграждения (страховой выплаты). Обычно принято считать, что таким вознаграждением служила сумма, выдаваемая кредитором при заключении сделки. Она фигурировала в договоре сначала как сумма займа.

Такою же она оставалась и при благополучном исходе морского плавания. Но гибель судна (наступление страхового случая) сразу же преобразовала сделку. Из займа она превращалась в страхование, а выданные кредитором деньги — из суммы займа в страховую сумму. Иначе говоря: сумма займа являлась в то же время авансированной страховой суммой или, как выражается Л. Гольдшмидт, «антиципированной страховой суммой, подлежащей возврату при ненаступлении морского бедствия».

Здесь неизбежно возникает вопрос о том, каким образом одна и та же сумма может выступать и как сумма займа и одновременно как страховая выплата. На первый взгляд, одно здесь явно противоречит другому. Если перед нами сумма займа (а это, во всяком случае, несомненно), то таким образом эта же сумма может рассматриваться как возмещение убытков заемщика. И с другой стороны, если это страховая, лишь авансом выданная, сумма, то при ненаступлении морского бедствия она подлежала бы возврату уже не по титулу займа, что имеет место на самом деле, а в силу отпадения страхового титула, т. е. в порядке обязательства, вытекающего из неосновательного обогащения. Однако, если подойти в решении этого вопроса диалектически, то никакого непреодолимого противоречия нет — при определенных обстоятельствах сумма займа преобразуется в страховую сумму. Если эти обстоятельства отсутствуют, то она так и остается суммой займа.

В 1236 году римский Папа Григорий IX осудил морские займы как ростовщические и запретил их использование. До этого момента морские займы считались свободными от ростовщичества, потому что часть платежа четко считалась рискованной надбавкой. Нередко другие займы маскировались под морские для получения высоких возвратов и во избежание нало-

гов на ростовщичество. Результатом этого стало стимулирование изменений в формах финансирования.

Как отмечал Е. Низамов: «Обеспеченные люди больше не могли выдавать ссуды под проценты, поэтому требовалась новая технология страхования грузов и кораблей. К тому же менялся сам характер морской торговли: путешествия становились все более продолжительными, и к рынку присоединялись новые государства, где в ходу была своя валюта»¹⁵⁸.

К. Гератеволь писал, что сегодня считается, что такие чисто спекулятивные морские займы нельзя рассматривать в качестве страхования, даже если они выполняли определенные функции страхования с экономической точки зрения¹⁵⁹.

Л. Голдшмидт также подчеркивает, что «в то время как в древние и средние века считалось справедливым причислять морские займы к типичным формам страхования, тем не менее, у таких займов отсутствовали характерные черты страхования: распределение рисков среди фондов нескольких страхователей или, если быть более точным, премию, оплаченную одним страхователем за опцию переложить возможные убытки на другую сторону»¹⁶⁰.

Безусловно, в правовом плане страховой договор не аналогичен договору морского займа, но они имеют совпадающие с экономической точки зрения элементы.

С постоянным ростом мировой торговли в средние века и развитием в этой связи системы займов, задуманной для удовлетворения потребностей безопасности, было вполне очевидно, что новая правовая доктрина, которая должна была быть сформулирована для такого «безопасного рынка», в конечном итоге, эволюционировала в концепцию страхования. Тем не менее, продолжаются споры о том, как происходила эта эволюция страхования из существовавшей тогда экономической ситуации и правовой системы. «Общим предположением, — указывал В. Махр, — доминирующим по сей день, является то, что страхование развилось из системы морских займов в течение 14 века: поскольку канонический (или церковный) запрет на проценты, оплачиваемые по морским займам, распространился где-то в 1230 году, хотя само принятие рисков под него не подпадало, эти два элемента морских займов были отделены друг от друга — с одной стороны, запрет на проценты по морским займам, с другой стороны, концепция принятия рисков. Вслед за этим промежуточным шагом открылась дверь посредством различных правовых разветвлений для развития соглашений по рискам, как независимых видов деятельности»¹⁶¹.

С другой стороны, ряд исследований прошлого века говорят о том, что страхование развивалось из оговорок о принятии рисков, уже применявшихся в 12-м веке в связи с торговыми сделками *inter absentes*, т. е. покупкой товаров, находящихся в другом месте. Согласно этой теории, морские займы служили попросту основой для соглашений по рискам, заключаемых против оплаты вознаграждения или премии. «Такое принятие рисков добавило новый элемент морским займам, который затем, без какого-либо влияния канонического запрета на ростовщичество, развился в морское страхование, как независимый вид деятельности»¹⁶².

Что касается запрета ростовщичества, его итальянские банкиры и торговцы, больше других затронутые папским декретом, научились его обходить достаточно просто. Они, к примеру, заключали договор о предоставлении беспроцентного кредита (под залог судна, конечно), который затем должен быть возвращен в валюте другого государства. Курс обмена валют при этом

---

¹⁵⁸ Низамов Егор. Тактика морского разбоя, Журнал «Коммерсантъ Деньги» № 19 от 17.05.2010. С. 51.

¹⁵⁹ См., Gerathewohl K. Reinsurance Principles and Practice, Verlag Versicherungswirtschaft e. V., Karlsruhe 1982. Vol. II. P. 655.

¹⁶⁰ Goldschmidt Levin. Handbuch des Handelsrechts, Vol. I, Part 1: Universalgeschichte des Handelsrechts, 1st Issue, 3rd Edition, Stuttgart, 1891. P. 363.

¹⁶¹ Mahr Werner. Einführung in die Versicherungswirtschaft, 3rd Edition, Berlin 1970. P. 49.

¹⁶² Perdikas Panayotis. Die Palermo-Verträge und ihre Bedeutung für die Entstehung der Versicherung, in ZVersWiss 1970. P. 151.

рассчитывался таким образом, чтобы сумма в итоге включала в себя и проценты по кредиту. Применялась и другая схема, когда финансист на свои средства приобретал товар для купца, а тот перевозил его в другой порт, сбывал там, а потом выплачивал большую часть вырученных от продажи денег представителю кредитора с причитающимися процентами.

Со временем все эти займы оказались торговцам невыгодными, и в первой половине 14-го века в Италии появились совершенно новые услуги, которые уже можно было назвать страховыми в их современном понимании.

Эти новые контракты представляли собой своего рода совместные предприятия (простые товарищества), которые распределяли все деловые риски и заключались вместе с отдельным морским страхованием. Они назывались «*commenda*».

Так появилось самостоятельное морское страхование.

Рост торговли и развитие городов-государств также влияли на эволюцию страхования. Анализируя запреты и ограничения Папы Григория IX, К. Гератеволь отметил следующее:

«Очевидно, что страховой «бизнес» был в состоянии преодолеть все эти препятствия, поскольку он медленно, но вместе с тем уверенно, становился необходимым элементом в торговле и коммерческой жизни вообще. В частности, он поддерживался в данном процессе прагматичным законодательством итальянских торговых городов, стремившихся создать здоровую и жизнеспособную основу для развития своих торговых связей, которые были бы защищены как от недобросовестной практики, так и от «ловушек завышенных духовных амбиций»¹⁶³.

Законы Висби («Морские законы острова Готланда»). Эти законы были установлены жителями шведского города Висби (Wisby), известного своим участием в торговле на всем побережье Балтики. Купцы города, похоже, испытывали большие неудобства в отсутствие морского кодекса, на который они могли бы ссылаться при разрешении споров. Некоторые историки полагали, что законы этого города относятся к античности, что являлись моделью для *Олеронских свитков*, и что они были приняты и признаны всеми народами Европы, даже в районе Гибралтарского пролива. В частности, Д. Уэскетт отмечал, что «Некоторые полагают, что законы Висби более древние, чем Олеронские свитки; но первая известная публикация которых, согласно Валина (Valin) была в 1266 году, а согласно Селдену (Selden) они датируются не ранее 1288 годом»¹⁶⁴.

Другие историки утверждали, и с большим основанием, что Северный кодекс (как его называл Д. Парк) или Висбийский морской кодекс является своего рода интерпретацией Олеронских свитков, хотя и с несколькими дополнениями¹⁶⁵.

В качестве аргумента сошлемся на работу известного шведского историка Олафа Магнуса (Olaus Magnus — или Magni, латинизация Månsson, 1490–1557 гг. — шведский церковный деятель, архиепископ Упсалы, дипломат, писатель и картограф) «История северных народов», который писал, что «Олеронские свитки были задуманы Ричардом I в конце 12 века, т. е. в период, когда город Висби еще не был даже построен, ни почти век спустя»¹⁶⁶. И далее О. Магнус отмечает, что обитатели того района были простыми моряками, которые собрались из разных мест. Ф. Хэндрикс также полагается на мнение О. Магнуса о том, что поселение Висби до 1266 года не было даже огорожено стенами, из чего тот же Д. Селден делал вывод, что это местечко было слишком незначительным, чтобы иметь самостоятельное законодательство¹⁶⁷.

---

¹⁶³ Gerathewohl K. Reinsurance Principles and Practice, Verlag Versicherungswirtschaft e. V., Karlsruhe, 1982. Vol. II. P. 656.

¹⁶⁴ Weskett John. A complete digest of the theory, laws, and practice of insurance, London: Frys, Couchman & Collier, 1781. P. 605.

¹⁶⁵ Cleirac Estienne. Les Us, Et Coutumes de la Mer, Divisees En Trois Parties, Bourdeaux, Par Guillaume Mildangea Imprimeur Ordinaire du Roy, 1647. P. 4.

¹⁶⁶ Magnus Olaus. Historia de gentibus septentrionalibus, lib. 10, cap. 16, p. 344. Roma, 1555. www. <http://runeberg.org/olmagnus/>.

¹⁶⁷ См., Hendricks Frederick. Contributions to the History of Insurance, and of the Theory of Life Contingencies, with a

Кроме того, вторит ему Д. Парк, «Если бы Висбийской кодекс существовал до Свитков, мы бы нашли в них некоторые положения, регулирующие страхование, потому что человек, который бы копировал данные источники, никогда бы не пропустил такую важную составляющую торгового законодательства, а Законы Висби четко содержали ссылки на страхование и предусматривали, что, если купец обязывал капитана застраховать судно, то он, в свою очередь, был обязан застраховать жизнь капитана от опасностей моря»¹⁶⁸.

Читаем у Д. Дуера: «Хотя шведские авторы ревностно отстаивают бóльшую древность [законов Висби], авторитет Селдена и исследования Клейрака позволяют сделать вывод, что они не могли быть опубликованы ранее конца 13-го века. Поэтому они по дате позднее не только Консулата, но и Олеронских свитков. Оказывается, что вскоре после их опубликования, они были приняты в качестве морского права всеми странами северной Европы, и даже в эпоху Клейрака они все еще соблюдались в Швеции, Дании, Фландрии и в северной Германии. Законы Висби в целом схожи с Олеронскими свитками. Они представляют собой законы мореплавания, а не торговли, но по своему стилю и положениям они, безусловно, отражают более развитое состояние цивилизации и знаний... Эти законы не содержат положения о договоре страхования, но при этом они дают очень четкую ссылку на существовавшую практику, и в ответ на сомнения, высказанные Маршаллом, я прикрываюсь авторитетом Эмеригона и Адзуни, в том, что отрывок, о котором идет речь, нельзя интерпретировать по иному»¹⁶⁹.

Д. Дуер делает ссылку на статью 66 (в некоторых версиях — статью 67) этих законов. «Г-н Маршалл, вероятно, прав в своем предположении, что второй параграф данной статьи, по версии Клейрака, является просто глянцем или комментарием к первому параграфу, но ему не удалось заметить, что в отношении данного текста есть мнение Эмеригона — вот его слова: «*Si le maistre est contraint de bailler caution au bourgeois pour le navire, le bourgeois sera parcellement tenu bailler caution pour la vie du maistre*» — «Если капитана вынуждают выдать судовладельцу гарантию безопасности судна, тогда, с другой стороны, [для соблюдения баланса] судовладелец обязан гарантировать безопасность жизни капитана» или примерно: «Если торговец обязывает капитана застраховать судно, торговец должен застраховать жизнь капитана от морских опасностей»¹⁷⁰. Смысл этой фразы в том, что обеспечить сохранность судна, все равно что застраховать его — а в качестве контргарантии безопасности жизни капитана является страхование его жизни. «Здесь, — по словам Т. Парсонса, — четкое признание договора страхования, и судя по предусмотренным условиям, страхование было известно торговцам»¹⁷¹.

Авторам не удалось найти сам текст Висбийского морского кодекса, тем не менее, есть упоминание Законов Висби со ссылкой на некий кодекс морских обычаев, принятый на острове Готланд (Швеция)¹⁷², главным портом которого и был город Висби. Законы Висби существовали в течение 16-го века в качестве обычного права (*customary law*). Согласно этим законам, в частности, если заболел моряк, его отправляли с корабля на лечение, при этом все расходы оплачивались капитаном или судовладельцем, и данному моряку выплачивалась полная зарплата за рейс.

Restoration of the Grand Pensionary De Witt's Treatise on Life Annuities // Journal of the Institute of Actuaries (The Assurance Magazine). 1852. P. 142–143.

¹⁶⁸ Park J. A. A System of the Law of Marine Insurances. 6th Ed. London: A. Strahan, 1809, Vol. 1, Introduction, XXIX.

¹⁶⁹ Duer John. The Law and Practice of Marine Insurance: Deduced from a Critical Examination of the Adjudged Cases, The Nature and Analogues of the Subject, and the General Usage of Commercial Nations, New-York: John S. Voorhies, 1845. P. 40–41.

¹⁷⁰ Duer John. The Law and Practice of Marine Insurance: Deduced from a Critical Examination of the Adjudged Cases, The Nature and Analogues of the Subject, and the General Usage of Commercial Nations, New-York: John S. Voorhies, 1845. P. 41.

¹⁷¹ Parsons Theophilus. A Treatise on Maritime Law: Including the Law of Shipping; the Law of Marine Insurance; and the Law and Practice of Admiralty, 1859, Vol. I. P. 34.

¹⁷² Иногда в источниках можно встретить название «Морские законы острова Готланда». См., например, Хаваев М. А. Реферат: История международного морского права. Ростов-на-Дону, 1999. www.bestreferat.ru/referat-47887.html.

Небезинтересно и то, что в Законах Висби, как и в ранее упоминавшемся Законе Родоса и Олеронских свитках, есть отдельные положения, касающиеся института «общей аварии». В частности, Д. Парк пишет о том, что в Законах Висби указывается на то, «что при чрезвычайных погодных условиях для оправдания облегчения судна было необходимо сначала посоветоваться с грузовладельцем или его представителем: а если они не согласны, товар может, несмотря на их возражение, быть выброшен за борт, если это окажется необходимым по отношению к другим людям, находящимся на борту; это положение, очевидно, основывается на необходимости предотвращения гибели, вытекающей из воспрепятствованию осуществления мер, так важных для общего спасения»¹⁷³.

Согласно Законам Висби, если капитан судна при заходе в гавань, посчитает, что его судно перегружено, он был обязан погрузить часть груза на лодки и баржи; а судовладельцы и грузовладельцы были обязаны компенсировать гибель таких лихтеров. Если же судно погибнет, а лихтеры спасены, владельцы спасенных на них грузов не обязаны выплачивать возмещение собственникам погибшего судна и грузов. Разница состоит в том, что облегчение судна являлось намеренным действием на общую пользу, а то обстоятельство, что лихтеры были спасены, а судно погибло, является случайным, не связанным с общими интересами.

Ганзейский союз. В течение периода позднего Средневековья и раннего Ренессанса (приблизительно 13-й — 17-й века) Ганзейский союз или лига (The Hanseatic League — также известная как Hansa или просто «группа») представлял собой союз торговых гильдий, который установил торговую монополию вдоль побережья Северной Европы, от Балтики до Северного моря. Как появилось название «Ганза», точно не известно. Одни авторы считают, что Ганза — готское название и означает «толпа или группа товарищей», другие полагают, что в основе лежит средненижненемецкое слово, переводимое как «союз или товарищество».

Историю Ганзы можно отсчитывать с основания в 1158 (или, по другим источникам, — в 1143) году балтийского города Любека. Впоследствии именно он станет столицей союза и символом могущества германских купцов.

В. Биве (Wyndham Beawes) вообще не упоминал Любек в качестве столицы Ганзейского союза, а указывал, что данная ассоциация Ганзейских городов начала свое существование в Бремене на реке Везер в 1164 году¹⁷⁴.

Мы полагаем, что первая версия все-таки более реалистична, т. к. Бремен играл всегда второстепенную роль и вряд ли мог претендовать на статус столицы такого серьезного объединения.

Ганзейский союз был первым в истории Европы торгово-экономическим объединением. К моменту его образования на побережье северных морей насчитывалось свыше трех тысяч торговых центров. Маломощные купеческие гильдии каждого из городов не могли в одиночку создать условия для безопасной торговли. В раздираемой междоусобными войнами раздробленной Германии, где князья для пополнения своей казны не гнушались промышленным разбоем и грабежом, положение купца было малозавидным. В самом городе он был свободен и уважаем. Его интересы защищала местная купеческая гильдия, здесь он всегда мог найти поддержку в лице своих земляков. Но, выйдя за городскую оборонительный ров, купец оставался один на один со многими трудностями, которые встречались ему на пути.

Даже прибыв к месту назначения, купец по-прежнему сильно рисковал. В каждом средневековом городе были свои законы и строго регламентированные правила торговли. Нарушение подчас одного, даже малозначащего, пункта могло грозить серьезными потерями. Скрупулезность местных законодателей доходила до абсурда. Они устанавливали, какой ширины

---

¹⁷³ Park J. A. A System of Law of Marine Insurances, 6th Ed. London, A. Strahan, 1809, chapter 7. P. 171.

¹⁷⁴ Beawes Wyndham. Lex mercatoria rediviva or, The Merchant's Directory, being a Compleat Guide to all Men in Business. Dublin: Peter Wilson, 1754. P. 8.

должно быть полотнище ткани или глубина глиняных горшков, с какого времени можно начинать торговлю и когда ее надо заканчивать. Купеческие гильдии ревностно относились к конкурентам и даже устраивали засады на подступах к ярмарке, уничтожая их товары.

С развитием городов, ростом их самостоятельности и могущества, развитием ремесла и внедрением промышленных способов производства все актуальней становилась проблема сбыта. Поэтому купцы все чаще прибегали к заключению личных договоров между собой о взаимной поддержке на чужбине. Правда, в большинстве случаев они носили временный характер. Города нередко конфликтовали, разоряли друг друга, но дух предприимчивости и свободы никогда не покидал их жителей.

Ганзейские сообщества работали над тем, чтобы получать особые торговые привилегии для своих членов. К примеру, купцы из ганзы Кёльна смогли убедить короля Англии Генриха II даровать им в 1157 году особые торговые привилегии и рыночные права, которые их освободили от всех лондонских пошлин и позволили им торговать на ярмарках по всей Англии. В это же время появляется так называемая Великая Хартия английского короля Джона Безземельного (King John of England, 24 декабря 1166 г. — 18 октября 1216 г.) — лат. *Magna Charta* — от 15 июня 1215 года (ее часто называют «Великой хартией вольностей» — «Great Charter of Liberties»),

Иоанн (Джон) Безземельный

в которой записана следующая фраза: «Все купцы должны иметь свободу в безопасном отплытие из и прибытии в Англию, и находится в ней, а также перемещаться по земле и по морю, покупать и продавать в соответствии с древними и разрешенными обычаями без каких-либо тяжелых даней, кроме военного времени, либо, если они представляют народ, который находится с нами в состоянии войны»¹⁷⁵.

---

¹⁷⁵ <http://chestofbooks.com/reference/American-Cyclopaedia-7/Magna-Charta.html#ixzz366y4NMmO>.

Любек, где торговцы перегружали товары между Северным и Балтийским морями, получил статус Имперского вольного города в 1227 году, и это единственный город с таким статусом к востоку от Эльбы.

Немаловажную роль в объединении городов в Ганзу сыграли и внешние факторы. С одной стороны, моря были полны пиратов, и в одиночку противостоять им было практически невозможно. С другой, у Любека, как формирующегося центра «товарищества», имелись крупные конкуренты в лице Кёльна, Мюнстера и иных германских городов. Так, английский рынок был практически оккупирован кельнскими купцами. С разрешения Генриха III они в 1226 году основали в Лондоне собственную контору. Любекские купцы не остались в долгу. В следующем же году Любек добивается от германского императора привилегии именоваться имперским, а значит, становится обладателем статуса вольного города, что позволяло самостоятельно вести свои торговые дела. Постепенно он стал главным перевалочным портом на Балтике. Ни одно судно, идущее из Балтийского моря в Северное, не могло миновать его гавань. Влияние Любека еще больше усиливается после того, как местные купцы поставили под свой контроль люнебургские соляные копи, расположенные близ города. Соль в те времена считалась почти стратегическим товаром, монопольное владение которым позволяло диктовать свою волю целым княжествам.

На стороне Любека в противоборстве с Кёльном выступил Гамбург, но потребовались долгие годы, прежде чем в 1241 году эти города заключили между собой договор об охране своей торговли.

По решению съезда 1261 года к союзу присоединился Кёльн. В 1266 году английский король Генрих III даровал Любекской и Гамбургской ганзам право торговать в Англии. К 1267 году Любек уже накопил достаточно сил и средств, чтобы открыто заявить о своих претензиях на часть английского рынка.

С годами Ганзейский союз станет не только определять правила торговли, но зачастую и активно влиять на расстановку политических сил в пограничных странах от Северного до Балтийского морей. Могущество он собирал по крохам — иногда полюбовно, заключая с монархами сопредельных государств торговые соглашения, но порой и с помощью насильственных действий. Даже такой крупный по меркам Средневековья город как Кёльн, являвшийся монополистом в германо-английской торговле, был вынужден сдаться и в 1282 году подписать договор о присоединении к Ганзе, сформировав самую мощную Ганзейскую колонию в Лондоне. В 1293 году официальное членство в «товариществе» оформили 24 города. Укреплению Ганзы способствовало принятие в 1299 году соглашения, в соответствии с которым, представители портовых городов союза, а именно, Ростока, Гамбурга, Висмара, Люнебурга и Штральзунда постановили, что впредь не будут обслуживать парусник того купца, который не входит в Ганзу. Это был своеобразный ультиматум тем, кто до сих пор не присоединился к союзу, но одновременно и призыв к сотрудничеству.

С начала 14-го века Ганза становится коллективным монополистом торговли в северной Европе. Одно упоминание каким-либо купцом о своей причастности к ней служило лучшей рекомендацией для новых партнеров.

Союз сумел основать дополнительные *конторы* в Брюгге (во Фландрии, ныне на территории Бельгии), в Бергене (Норвегия) и в Лондоне (Англия). Эти фактории стали значительными анклавами. Лондонская контора, основанная в 1320 году, стояла к западу от Лондонского моста около *Upper Thames Street*. Она значительно выросла, став через некоторое время окружённой стенами общиной с собственными складами, домом весов, церковью, офисами и жилыми домами, отражая важность и масштаб производимой деятельности. Эта фактория называлась *Стальной двор* (англ. *Steelyard*, нем. *der Stahlhof*), первое упоминание под таким названием было в 1422 году.

С Ганзой тесные отношения поддерживал и Великий Новгород. В нём находился один из крупнейших филиалов («контор», нем. *Kontor*) Ганзы — Готский (Гётенхоф) и Немецкий (Петерхоф) «дворы» иноземных купцов.

Также известные конторы имелись в Стокгольме, Копенгагене, Каунасе (Ковно) и т. д. Эти города, как правило, имели с Ганзой свои собственные договоры, определявшие условия торговли, привилегии и порядок взаимоотношений между ними и Ганзейским союзом, сохраняя при этом независимость.

В 1356 году в Любеке состоялся общий съезд (нем. *Hansetag*), на котором были приняты учредительные документы и образована структура управления Ганзой.

К 1367 году число городов-участников Ганзейского союза возросло до восьмидесяти.

Расположение Любека на Балтике обеспечило доступ к торговле с Русью и Скандинавией, создавая прямую конкуренцию скандинавам, которые до этого контролировали большую часть балтийских торговых путей. Договор с Ганзой города Висби положил конец конкуренции: по этому договору любекские купцы получили ещё и доступ к внутреннему русскому порту Новгороду (центру Новгородской республики), где они построили факторию или *контору*.

Союз много раз испытывался на прочность. Ведь была в нем и определенная хрупкость. Города — а их число в период расцвета достигало 170 — находились далеко друг от друга, а редкие собрания их делегатов на общие ганзатаги (сеймы) не могли решить все периодически возникавшие между ними противоречия. За Ганзой не стояли ни государство, ни церковь, только население городов, ревниво относившееся к своим прерогативам и гордившееся ими.

Прочность же проистекала из общности интересов, из необходимости вести одну и ту же экономическую игру, из принадлежности к общей «цивилизации», замешанной на торговле в одном из самых многолюдных морских пространств Европы. Немаловажным элементом единения стал и общий язык, в основании которого лежал нижненемецкий, обогащенный латинскими, польскими, итальянскими словами. Купеческие семейства, превращавшиеся в кланы, можно было обнаружить и в Ревеле, и в Гданьске, и в Брюгге. Все эти узы рождали сплоченность, солидарность, общие привычки, общие для всех ограничения.

В богатых городах Средиземноморья каждый мог вести свою собственную игру и яростно драться с собратьями за влияние на морских путях и предоставление исключительных привилегий при торговле с другими странами. На Балтике и на Северном море это было делать значительно труднее. Доходы от тяжеловесных и занимающих значительный объем при низкой цене грузов оставались скромными, а затраты и риск — не в пример большими. В отличие от крупных торговых центров южной Европы, таких как Венеция или Генуя, у купцов-северян норма прибыли в лучшем случае составляла 5 %. В этих краях больше чем, где бы то ни было, требовалось все четко рассчитывать, делать сбережения, предвидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.